СЕКЦИЯ 6

«ВЫСШЕЕ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДИНАМИКЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА»

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ НАРОДНО-ПЕВЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ Асабина Л.В. 1421

СВЯЗЬ ФИЛОСОФИИ И ИСКУССТВА НА ПРИМЕРЕ ФРИДРИХА НИЦШЕ Беймурзаев А. С. 1426

О ЗНАЧИМОСТИ ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ Биккулова А.Р. 1431

ЦЕЛОСТНОСТЬ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАЖДАНИНА РОССИИ Булгаков М. Н. 1435

ЭВОЛЮЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ Вертяков Д.А. 1442

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ: ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ Гоптарева И.Б., д-р полит. наук, доцент 1447

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ Епанчинцева Г.А., д-р психол. н., профессор 1452

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС ВО В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «СПЕЦСЕМИНАР ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ» Жайбалиева Л.Т., канд. ист. наук 1456

КАЧЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПСИХИКИ ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКА Захарова В. В. 1461

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ, АДАПТИВНОСТЬ И ДЕЗАДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ Игнатов А.В. 1466

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ ЭМОЦИЙ XIX-XXВВ. Иринина И.С. 1471

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН Качаева О. В. 1475

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА Коваль А.Д. 1481

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ВКЛЮЧЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНУЮ ОБЩНОСТЬ Колесникова И.В., канд. филос. наук 1485

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ Колесникова И.В., канд. филос. наук, Рыбалкина В. А. 1489

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ Лыков А.В., канд. ист. наук, доцент 1493

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЭМОЦИЙ Малахова Е.С. 1501

ФЕНОМЕН СТРАХА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ Матусевич Е.Н. 1507

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА Мухамеджанова Н.М., д-р культурологии, доцент 1511

ВЛИЯНИЕ ОБЛИКА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ Орлова Е.В., канд. филос. наук 1518

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ Перминова М.С., канд. социол. наук, доцент 1524

КРИТИКА БИОЛОГИЗМА В ФИЛОСОФИИ И.Т. ФРОЛОВА И Б.Г. ЮДИНА: ОЦЕНКА СОЦИОБИОЛОГИИ Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент 1530

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА Пустобаев Д.С. 1536

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ Н.А. БЕРДЯЕВА Саликбаева З. Е. 1543

НЕМЕЦКИЙ ЭКСПРЕССИОНИЗМ: НА СЦЕНЕ И НА ЭКРАНЕ Сербаев Р.А. 1548

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН Томина Е.Ф., канд. пед. наук, доцент, Побегайлова Н.Г. 1552

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ «ПОЛИТИКА» И «ПРАВО»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Хамидуллин Н.Р., канд. полит. наук, доцент 1557

ОБЗОР ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С ИЗУЧЕНИЕМ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ БУЛЛИНГА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ Щербинина О.А., канд. психол. наук, доцент 1561

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» КАК МЕТОД ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ Ягудина О.В., канд. истор. наук 1567

РОЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ Якупова Н. А., Якупов Г. С. 1572

РУССКАЯ НАРОДНО-ПЕВЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Асабина Л.В.
Федеральное государственное бюджетное образовательно учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Русское народно-певческое творчество является частью русской национальной культуры. Без этой составляющей немыслимо целостное представление исторической, культурологической, социальной сторон становления фольклора, профессионального искусства, самодеятельности и любительского исполнительства.

Теоретические труды в области исследования народно-певческой культуры связаны с разработками в области фольклора, этнографии, искусствоведения, лингвистики (работы Путилова Б.Н., Земцовского И.И., Баклановой Т.И., Алексеевой Э.Е., Чистова и др.) Важное направление исследования фольклорной и народно-певческой культуры – это взаимосвязь с профессиональным искусством. Народно-певческая культура — это составной элемент многогранной национальной художественной культуры. Как часть исторически складывающейся культуры народа она обладает особенностями, предопределёнными историческими и социокультурными условиями её формирования, но, с другой стороны, она подчинена законам эволюции, законам искусства.

Интонационно-мелодическая манера пения развивалась в русле традиционной культуры русского народа и подчинялась законам развития художественной культуры. Как традиционная форма она формировала региональный певческий стиль (тонкий музыкальный контекст, коренящийся между до и ре). Как часть художественной культуры – не могла не подчиняться законам развития профессионального искусства. Особая роль в этом процессе принадлежала народной песне, бытовавшей в городской среде. В растущих городах происходило непрерывное насыщение народно-певческой традиции русской деревни авторской и профессиональной музыкой. С учетом этого процесса проблемы сохранения сельской и региональной специфики песенного творчества русского народа обретали особую актуальность.

Формирование народно-певческой культуры в истории культуры Оренбургского региона рассматривалась любителями и профессиональными музыкантами [11, с. 88]. История развития и становления народной музыки в Оренбуржье охватывает два с половиной столетия. Уже в первой половине XVIII века народная музыкальная культура (крестьянская и казачья) заняла ведущую позицию в культурном пространстве региона. Казачьи станицы имели несколько духовных и казачьих хоров – оренбургские газеты постоянно сообщали об их выступлениях на церковных и казачьих праздниках. В крестьянской народной традиции хоровое пение наполняло – это отмечают исследователи оренбургского фольклора – доктор искусствоведения Савельева Н.М., кандидат фи-

лософских наук Скопинцева Т.Ю., заслуженный работник культуры Российской Федерации Рукавицына О.И. в своих отчетах о фольклорно-этнографических экспедициях и в публикациях [10]. Большое влияние на развитие народно-певческой культуры оказывало духовное и светское образование.

Достаточно объемный список публикаций по данной теме (в том числе по фольклору и этнографии Оренбургского региона) демонстрирует уровень интереса профессионалов. В Оренбуржье наиболее основательно представлены исследования по русскому фольклору, во всём его разнообразии и самобытности. Изучение оренбургского фольклора, южнорусской и казачьей народно-певческой традиции связано с трудами Железнова И.И., Мякушина Н.Г., Железновых А. и В., Мякутина А.И., Баронова Ф.Н., Малого П.П. Занимаясь исследованием, расшифровкой, анализом, описанием народно-стилевой традиции в XIX в. и в начале XX столетия, собиратели, прежде всего, ставили перед собой задачу анализа региональной традиции в контексте общерусской национальной культуры эпохи и сохранения её в том виде, в котором они понимали её сами. Просветительская тенденция корректировки, чистки, правки крестьянского социолекта, безусловно, послужила некоторой утрате самобытности, но в целом талант и любовь к собственной культуре позволяли сохранить её полноту и неповторимость. Песни, инструментальные наигрыши полны самобытного колорита, они живо и ярко представляют традиции края с её историей и нравами [6]. Особое место в этих исследованиях занимает культура Оренбургского казачества.

Формирование казачьей песенной традиции в Оренбуржье исторически связано с геополитической ситуацией региона конца XVI в. В своеобразных условиях жизни, быта, мировоззрения казачества традиционная русская песня подверглась уникальным трансформациям и на этой основе сформировалась новая региональная традиция. В казачьей манере исполнения песня стала более свободной по содержанию, особой в плане музыкального стиля, энергичной и независимой по характеру («За Уралом, братцы, за рекой», «Утром рано весной», «Ой, да ты прости-ка да ну прощай»). Важно отметить жанрово-стилевые особенности музыки местного казачества, они достаточно разнообразны. Центральное место занимают исторические песни. К числу самых ранних относится историческая песня «На краю Руси обширной». Также представляет интерес старинный жанр – эпические песни и былины, широкое распространение получили песни протяжные, хороводные, плясовые, семейно-бытовые, календарные, духовные стихи, детский фольклор. Фольклорист П.П. Малый писал: «Песни Оренбургских и Уральских казаков имеют наибольшую ценность как по своему поэтическому содержанию, так и по оригинальности их напевов, что неоднократно отмечалось в отзывах, полученных мною и другими собирателями фольклора от различных организаций» [7, с. 3].

В современных исследованиях традиционной певческой культуры русских сел и станиц, а также при анализе работы самодеятельных творческих коллективов, работающих с фольклорным материалом, можно выделить тен-

денцию постоянной адаптации народно-певческой культуры к современной жизни. Происходит *окультуривание* народной музыки, академизация музыкального и поэтического материала, диалектной речи, специфики звучания. На этом пути формируется единый принцип работы с народной песней, чётко прописанная методическая основа. Современное состояние традиционной музыкальной культуры ставит перед профессионалами задачу исследования этого процесса. Надо отметить, что работа собирателя фольклорного и этнографического материала — это приведение всего записанного в систему, удобную для профессионального анализа и сохранения (для представления записанного материала образованной публике, которая сможет работать с ним и передавать потомкам). Этот процесс уже предполагает определенную академизацию. Структура (логистика) полевой и камеральной работы фольклориста предполагает собирание (в определенном порядке); его описание (не противоречащее записи литературного или академического музыкального текста); а также изучение (в определенной системе) и публикацию (в некоей условно-просветительской форме). На таком основании формируются учебно-методические комплексы; издаются учебные пособия, создаются профессиональные школы, готовящие специалистов. Такое соединение профессиональной стройности мысли (академизма) и чуткости к народному пульсу живой народной традиции (связанной с глубоким знанием и погружением в *плоть* народной культуры) требует особой теоретической и практической проработки.

Значительная часть работы современного фольклориста-собирателя и практика-руководителя художественного коллектива предполагает использование механизмов академизации (и невозможна без них). Однако она одновременно должна ориентироваться на сохранение *живой* народной певческой культуры и традиционного материала, заложенного в её основе. Важность такой работы трудно переоценить. Возрастает роль исполнителя традиционной песни. Фольклор со сцены — это колоссальная возможность пропаганды, популяризации и распространения традиционной культуры во всей её широте. Однако сценическое исполнение задача не простая, так как песня вырвана из традиционного, специфического процесса формирования и развития. Для убедительного, образно-наполненного концертного изложения фольклора важны глубокие системные знания музыки, литературы, хореографии, живописи, театра.

В начале XX в. первыми исследователями песенного фольклора на сцене (в его академизированной форме) стали профессионалы высочайшего уровня – Маркова Л.В. и Шамина Л.В. В методическом пособии, разработанном этими исследователями («Режиссура народной песни») описываются основные системные принципы и практики, применяемые к народной песне. Они создавались мастерами драматического искусства и сценического воплощения песенного фольклора на академической сцене [8]. Эта работа была продолжена художественным руководителем Государственного академического Северного русского народного хора Мешко Н.К. и Толмачёвым Ю.А. (баянист, дирижёр, педагог, заслуженный деятель искусств РФ 2003).

Сохранение ценностей и традиций фольклора является важнейшей практической задачей для работников современной музыкальной сферы. Руководитель должен опираться на местные традиции, учитывать жанровую принадлежность, гармоническое, ладовое богатство, метроритмическое разнообразие и, только основываясь на этом, приступать к собственной режиссерской разработке. Так работали с фольклором Антипова Л.А., Браз С.Л., Калугина Н.В., Медведева М. В., Назаренко И. К., Щуров В.М.

Процесс академизации можно проследить в обработках народных песен Кутузова Н.В., Позднеева В.А., Фиросова М.Н., Широкова А.С. В произведениях наблюдается видоизменение нотного текста, увеличение либо уменьшение количества вокальных партий, регистровое смещение голосов, а также смена их типа (мужские, женские), сокращение или увеличение песенного текста. Кроме того, необходимо отметить, что в фольклорных песнях, исполняемых преимущественно a'capella, появляется музыкальное сопровождение.

Теоретическое общение и интервьюирование музыкальной культуры Оренбургского государственного академического русского народного хора позволяют с большей объективностью представить картину формирования и развития русского народного песенного исполнительства на пути профессионализации. Так как истоки этого процесса сформировались ещё в XIX столетие, следует выявить путь его становления:

1. Во второй половине XIX столетия в России усиливается подъём общественных условий жизни, возникает рост национального самосознания, факторы роста проявляются на всех уровнях организации существования нации. Процесс формирования национального самосознания требует от фольклора особых сценических решений, направленных на разрушение его локальности;

2. Особый путь проходит народная песня в городской и фабричной культуре. Зеленин Д.К. писал, что XIX-XX в. в.– переходная пора, когда резко меняются условия быта и жизни народа. Старая поэзия, отражающая старинный, отживший или отживающий свой век миросозерцание и уклад жизни, становится непонятною и чуждою. «Новая поэзия нашего народа, это родное детище переходной поры, говорит нам только о переходе к чему-то новому. Новая народная поэзия разовьётся окончательно только в более или менее отдалённом будущем» [5, с. 29].

3. Под воздействием народной музыки и культуры растущего русского города происходило формирование театральной культуры и городской песенной традиции. Культурно-эстетическое развитие данного периода — это путь от фольклора к академизму. На этом пути складывается особый народный стиль пения, создаются и усовершенствуются народные музыкальные инструменты. Академизация как трансформация традиций на уровне создания общечеловеческих ценностей служит крепким фундаментом в профессионально-певческом искусстве.

Со второй половине столетия в России стали возникать народные профессиональные хоры. Первым инициатором, организовавшим профессиональный, народный хор был Иван Евстратович Молчанов (1809-1881) – крестьянин

Ярославской губернии, любитель русского народного вокального творчества. В 60-70-е годы хор под руководством И.Е. Молчанова пользовался огромной популярностью и давал концерты по различным городам России. После смерти И.Е. Молчанова многие его ученики стали продолжателями начатого дела и возглавили новые народные хоры. Деятельность этих коллективов, несмотря на свой профессиональный характер, всё же протекала в рамках фольклорной традиции. В XX столетии развитие фольклора стимулировалось, он продолжал быть основой для формирования профессиональной и самодеятельной художественной культуры.

Список литературы

1. Амелин, В. В. Этнокультурная мозаика Оренбуржья: науч. ст., очерки, статистика / В. В. Амелин. – Оренбург: Димур, 1999. – 222 с.

2. Биушкин, Г. И. Народное творчество Оренбургской области / Г. И. Биушкин. – Оренбург: Димур, 2011. – 348 с.

3. Варламов, Д. И. К вопросу об академизме, академизации и академическом искусстве [Электронный ресурс] / Д. И. Варламов – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-akademizme-akademizatsii-i-akademicheskom-iskusstve (дата обращения: 10.12.2020)

4. Емельянов, Л. П. Фольклор и художественная самодеятельность: сборник статей / Л. П. Емельянов; отв. ред. Н. В. Новиков. – Л.: Наука, 1968.

5.Зеленин, Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре – 1901-1913 / Д. К. Зеленин. – М.: Издательство «ИНДРИК», 1994. – 400с.

6. Кривощёков, А. И. Обряды и обычаи оренбургских казаков / А. И. Кривощеков // Вестн. Оренб. учеб. окр. – 1915. – № 1, науч. отдел. – С. 9-27.

7. Малый, П. Русские народные песни Оренбургской области / П. Малый. – М.: Советский композитор, 1980. – 104 с.

8. Маркова, Л. В. Режиссура народной песни: методическое пособие / Л. В. Маркова, Л. В. Шамина. – М.: ВНМЦНТИКПР, 1984. – 59 с.

9. Самбур, Е. В. Русская народная певческая культура: генезис и исторические трансформации: автореф. … дис. кандидата культурологии / Е. В. Сумбур. – Москва, 2010. – 24 с.

10. Скопинцева, Т. Ю. Теория и история культуры повседневности России: учебное пособие / Т. Ю. Скопинцева. – Оренбург: ОГУ, 2010. – 142с.

11. Хавторин, Б. История музыкальной культуры Оренбургского края (XVIII-XX вв.) / Б. Хавторин. – Оренбург: ФГУП ИПК «Южный Урал», 2004. – 632 с.

12. Шангина, И. И. Русский народ. Будни и праздники: энциклопедия / И. И. Шангина. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 560 с.

СВЯЗЬ ФИЛОСОФИИ И ИСКУССТВА НА ПРИМЕРЕ ФРИДРИХА НИЦШЕ

Беймурзаев А. С.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Аннотация

В данной статье рассматривается связь между биографией Фридриха Ницше, архитектура Германии и историей европейского искусства конца XIX – начала XX веков.

Ключевые слова
#Фридрих_Ницше #Культура #Искусство #Дизайн

Введение

Фридрих Ницше является одним из философов немецкой неклассической философии. Его работы по сей день имеют мировую славу и известность. Конечно, зачастую, они неверно трактовались и всё ещё могут неверно трактоваться по многим причинам, но речь в статье будет не об этом. В данной статье я хочу продемонстрировать: как среда могла повлиять на мысли философа; а также рассмотреть: являлись ли идеи философа абсолютно инновационными или же он просто сумел подметить то, о чём догадывались люди, но записал лишь он? Сразу отмечу, что это лишь теория, а не истина последней инстанции.

Основная часть

Фридрих Вильгейм Ницше родился 15 октября 1844 года в маленькой деревушке Рёккен. Его отец был лютерианским пастором, дед и прадед по отцовской линии – преподаватели богословия, дед и прадед по материнской – пасторы. Если верить биографам, в частности Даниэлю Галеви, то маленький Фридрих был очень впечатлительной натурой, что не удивительно. Его отец погиб, когда будущему философу было четыре года, затем через пару лет умер и его младший брат. Он остался единственным мужчиной в семье (кроме матери у него так же была младшая сестра) [1]. Если верить педагогике, то именно в возрасте 4-6 лет формируется личность. Можно с уверенностью утверждать, что эту церковь в родной деревне Фридрих Ницше уж точно запомнил. Церковь выполнена в романском стиле – небольшие нечастые стрельчатые окна, каменные толстые тёмные стены и колонны с пальметтами [2]. И так как пастор придерживался лютеранства (первого протестантского течения в христианстве), то можно сказать, что интерьер этой церкви был исключительно функционален без излишнего убранства, как это было в католических церквях, где правило барокко с излишней помпезностью, артистизмом и психологически-

эмоциональным давлением, а также готика с практически тем же набором качеств. Это сыграло важную роль в формировании характера Фридриха – он был довольно замкнутым, вдумчивым маленьким взрослым, делясь своими мыслями с сами собой и с бумагой, деревня небольшая, развлечений особо-то и нет. Истинный протестант, который должен пойти по стопам отца, казалось бы. Однако впоследствии у Фридриха Ницше выйдет работа «Весёлая наука», где он углубится в размышления в том числе и о Боге. Написал он эту работу в зрелом возрасте в 1881 году, когда ему было 36 лет. Незадолго до написания книги, он будет ездить по южной Европе, где было большое количество готических и барочных католических церквей [1]. Как сын протестанта Фридрих Ницше задумывается о Боге, но приходит к иному выводу: люди убили Бога. Чем же? Во-первых, разнообразием подходов к, казалось бы, единой вере. Протестанты отреклись от католиков, увидев в их действиях манипуляцию. Ницше похоронил Бога, будучи неуверенным, что протестанты сами знали что-то о Боге. Ведь если католики неправы, это ещё не означает, что правы протестанты или же кто-то ещё. Это можно увидеть в различных отрывках книги. В 125 отрывке «Безумный человек» - безумец задаётся риторическими вопросами, которые говорят о разрушении основ: «Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях?..» Нет единства Бога – нет самого Бога, а есть лишь его тень. А церкви же не более чем могилы и надгробия Бога. В 129 отрывке «Условия Бога» философ показывает разочарованность в лютеранстве. «“Сам Бог не может существовать без мудрых людей”, - сказал Лютер, и с полным правом; но “Бог еще менее может существовать без неумных людей” – этого добрый Лютер не сказал!» Этим отрывком он буквально сравнял католичество и протестантство, ведь изначально Лютер был против бездумного поклонения Богу, где один якобы знает всё, а остальные бездумно верят. Вера нужна, но должно быть понимание и осознание. Подобные мысли были и в 108, и в 143, и в 343 отрывках. Однако речь всё же не об одном труде автора и не о его отношении к религии. Но всё же я позволю себе отметить 137 отрывок «Говоря притчей» [3]. В ней автор, может быть и не прямо, но подтверждает мою мысль о том, что окружающая среда может повлиять на человека.

Вернёмся к биографии юного Ницше. Следующей важной остановкой в его жизни была школа Школа Пфорта близ Наумбурга [1]. Школа была выполнена в романском стиле того же 12 века, однако была перестроена в готическом, так же главный собор Наумбурга представляет собой готический стиль. Думаю, стоит немного подробнее рассказать об этом стиле. Основной чертой готического стиля является его «стрельчатость». Архитектура и мебель тянутся в верх, заостряясь на конце. Появляются стрельчатые арки в дверных и оконных проёмах, которые напоминают ладони, сложенные в молитвенном жесте, высокие башенки с заострёнными крышами и разнообразие витражей. Важным является и то, что это школа-интернат. Представьте себя на месте Ницше: в ва-

шей памяти конкретный вид церкви (монументальная постройка, где есть чувство защищённости от внешнего мира) прочно связан с семьёй, теперь же церковь абсолютно иная, колючая, да ещё и вдали от семьи и в изоляции от мира. Он серьёзно с энтузиазмом и ответственностью пытался учится, но в таких случаях говорят «сердцу не прикажешь». Летом он радуется свободному месяцу с семьёй и друзьями в городе, снова может писать что-то в дневнике, а осенью вновь перебарывать себя.

Следующая остановка в биографии Фридриха Ницше – Боннский университет. Открытый в 1818 году главный корпус выполнен в эклектичном стиле, характерным для всей Европы. В Германии классические стили были особенно популярны долгое время из-за консерватизма. Кажется, что этот университет любит всё смешивать, ведь кроме стилей он смешал ещё и католиков с протестантами, дабы обучать общей теологии. Занимался Фридрих через силу филологией для дисциплины ума. Поступил он в 1862 году. Этот университет для Фридриха был «болотом», где приветствовалось изучение и штудирование уже известного, а не научное творчество. Он всё же бросил обучение в этом университете. Его товарищи нисколько его не поддержали [1]. Звучит, как романтический рассказ: хочется чего-то нового, а общество всё ещё там, где было и не пытается как-то меняться. И это было бы грустно, однако общество жаждало перемен. Просто не в Германии.

В Англии, в городе Лондон в Гайд-парке 1 мая 1851 года Всемирная выставка распахнула свои стеклянные двери. Участвовало 25 стран в том числе и Россия. На выставке как раз-таки всплыло сразу несколько проблем:

- Застой в сфере производства: объекты, изготовленные ручным трудом, уже была чересчур изысканной, что даже непонятно что конкретно выставлялось стеллаж или то, что в нём. Не было ни гармонии, ни вкуса – сплошной базар в большущей оранжерее.
- Если говорить о станках, то их внешний вид желал лучшего, как и продукция, выпускаемая этими станками. Не было в них художественного или функционального осмысления.

Проще говоря, старое приелось, а новое ещё не доросло до требуемого уровня. На этой почве и зародился дизайн, как строгое соответствие назначению создаваемой вещи и украшение или орнаментирование этой полезной структуры.

Не все были согласны с тем, что будущее искусства за машинами, но и не все принимали текущее положение дел – засилье эклектизма и вычурности. Так появилось движение искусств и ремёсел в Англии. Джон Рёскин писатель, теоретик, искусствовед и пр., к примеру, выступал против изготовленных вещей машинным способом и призывал вернуться к ручному производству. И призывал не только словом, но и делом. Совместно с Уильямом Морисом, Филиппом Уэбом и прочими он вел журналы, создавал и воплощал в реальность проекты, которые были выполнены полностью вручную. Начиная от выбора орнамента (здесь предпочтение отдавалось искусству средних веков, о котором забыли после эпохи возрождения), до выращивания материалов и красителей тканей и ручной росписью стен. Всё это было для того, чтобы победить дегуманизаци-

рующее влияние механического труда. Этот социальный эксперимент длился долгое время (ручной труд не самый быстрый и дешёвый способ производства), начиная с середины XIX века [4].

Причём тут Фридрих Ницше? Ему тоже была не по душе рациональность, доходящая до бездуховности и деградации культуры. И связал он это с греческим философом Сократом, чьё влияние простёрлось вплоть до настоящего времени. «Начинается подмена истинного содержания природных начал культуры - аполлонического и дионисийского - суррогатами. "В логический схематизм ... переродилась аполлоническая тенденция; ... [произошел] переход дионисического начала в натуралистический аффект." То есть сократическая рационализация привела к отрыву от естественных природных начал и неизбежной деградации культуры Древней Греции» [5]. И именно это представляла собой существовавшая эклектика. Был утрачен изначальный смысл созданного и низведён до «просто потому что красивенько». И именно рационализация привела людей к массовому машинному производству, а позже и к массовой культуре, похоронив индивидуальное. Вот только звучали эти мысли гораздо и гораздо позже мыслей англичан. Оно и понятно отчасти. Движение искусств и ремёсел добралось до Германии лишь 1896 году через Германа Мутезиуса, автора ряда журнальных статей и книг, посвящённых этому движению [6].

Вывод

В данной статье для меня было важно отметить точки соприкосновения знаний в области дизайна и философии. Можно ли сказать, что только среда повлияла на Фридриха Ницше и его мысли? Наверное, отчасти это так. Многие исследователи изучают психологию философа, социальные связи, экономические возможности, но редко кто задумывается о том, а что же окружало человека тогда? С другой стороны, опираться целиком и полностью только на окружение – тоже не стоит. По моему скромному мнению, у меня это не особо вышло. Являются ли его мысли радикально инновационными? Со стороны кажется, что да. Но если посмотреть на окружающий его мир, то это лишь логично-чувственный вывод, который он в силу своего характера не побоялся озвучить и записать.

Список литературы

1. Проект nietzsche.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nietzsche.ru/biograf/biografia/galevi-nietzsche/. – Дата доступа: 11.01.2021.

2. Информационный портал музея Фридриха Ницше в Рёккене nietzsche-gedenkstaette.de [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nietzsche-gedenkstaette.de/engl/memorial.html. – Дата доступа: 11.01.2021.

3. Проект nietzsche.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/?curPos=1. – Дата доступа: 11.01.2021.

4. Лаврентьев, А. Н. История дизайна / А. Н. Лаврентьев. – Москва : Гардарики, 2007. – 40-50 с.
5. Электронная библиотека Sci.House [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sci.house/filosofskie-issledovaniya-sovremennyie-scibook/evolyutsiya-filosofskih-vzglyadov-27961.html. – Дата доступа: 11.01.2021.
6. Джон, Пайл История дизайна и архитектуры в зеркале эпох. Дизайн интерьеров и архитектура: 6000 лет истории. / Пайл Джон. – Москва : АСТ, 2014. – 287 с.

О ЗНАЧИМОСТИ ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Биккулова А.Р.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Современное дистанционное высшее образование выявило значимость ценности самого образования для студентов, с помощью которого студенты открывают смысл своей деятельности. Образование, как известно - это процесс приобщения человека к всеобщим формам его бытия в мире с другими людьми. Образование – это всегда процесс возвышения человека над своей природной сущностью, а следовательно, и процесс его вхождения в сферу духа (ценностей культуры), то есть освоение всего того, что создано человечеством за всю его историю существования. Необходимо отметить, что в какой бы сфере ни действовал индивид, духовный компонент всегда и во всем сопровождает его деятельность. При этом человек руководствуется не только принципами и установками социума, а проявляет собственный творческий потенциал и трансформирует окружающий его мир.

Целесообразно обратиться к понятию ценности. Понятие «ценность» является центральным в аксиологии (теории ценностей), оно положило начало специальной области философской науки, которая исследует природу ценностей, их место в реальности, структуру ценностного мира, рассматривает взаимосвязи различных ценностей между собой. Ценность – то, что чувства людей диктуют признать стоящими над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием и почтением. Ценности являются сущностью и условием полноценного бытия человека, а не свойством определенной вещи [3, с.646]. Если обратиться к античной философской мысли, то у Платона и Аристотеля мы находим нравственные добродетели, которые трактуем как ценности, такие как мужество, уважение, дружба, доверие, гражданственность. Средневековое общество, в котором доминировала религиозная концепция ценностей и понятий о добре и зле, смысле жизни, добродетели, дало нам труды Аврелия Августина, Амвросия Медиоланского, Фомы Аквинского. Однако понятия «ценность» в категориальном смысле в эпохи Античности и Средневековья не существовало: истинное бытие включало в себя ценностные характеристики. Слово «ценность» соотносилось с благом, истиной, добром. Эпоха Возрождения становится провозвестником релятивистской точки зрения в аксиологии: значимость каждого индивидуума и его точки зрения на мир соединяет в «ценности» высшее благо и утилитарную полезность. «Ценность» должна и может иметь практическую, «земную» природу происхождения. Новое время утверждает ценности «прогрессивные»: свободу воли, практическую пользу, разум (Р. Декарт, Г. Лейбниц, Т. Гоббс и т.д.). Определять «ценности» – задача разума, но не индивидуального, а всеобщего, объективизирующего цен-

ности исходя из их единой пользы и блага для людей (здесь речь может идти об экономическом, социально-политическом, нравственном благе). Глубокая и целостная теория ценностей была создана М. Шелером. По его мнению, ценности – это объективные качественные феномены, образующие «царство» трансцендентальных надэмпирических сущностей. Важнейшим вкладом Шелера в разработку теории ценностей является его идея о двух уровнях рассмотрения ценностей. Первый можно обозначить как трансцендентальный, он имеет место с абсолютными, идеальными ценностями; второй – диспозиционный, эмпирический, он зависит оттого, какое место занимает субъект по отношению к жизненным реалиям, от его потребностей и деятельности, от его выбора и предпочтений в отношении идеальных ценностей первого уровня. Подобный подход, не отменяя идеальной природы ценностей, делает их доступными для изучения[4, с.378,379].

Каждый человек на протяжении всей своей жизни выстраивает свою иерархию ценностей, которая формирует этико-эстетический взгляд на мир. Не существует единой классификации ценностей, она многообразна. Выделяют этические, эстетические, социальные, профессиональные ценности и т.д. Ценности, по утверждению, советского философа В. П. Тугаринова делятся на ценности жизни (жизнь, здоровье, счастье..) и ценности культуры, которые в свою очередь делятся на материальные, социально-политические и духовные. Советский и российский философ М. С. Каган классифицирует ценности на нравственные, эстетические, религиозные, политические и художественные.

Ценности в философии связаны с духовной сущностью человека, с природой ценностного сознания на стыке сущего и должного, реального и желаемого, с культурным наследием человечества, когда «миротворчество человека протекает не как освобождение от законов мира, а как их преобразовательное улучшение». Так, П. С. Гуревич связывает мир ценностей с миром культуры «..каждую культуру можно представить как набор конкретных ценностей, разделяемой большинством ее представителей и находящихся в определенной иерархии. Согласно философскому знанию ценностью является, прежде всего, то, что свято, значимо не только для отдельного человека, но и всего общества в целом. Для нас важной представляется мысль П. С. Гуревича о том, что ценности выполняют адаптивную роль в жизни человека и ведут к смыслу жизни: «ценности помогают упорядочить действительность, они привносят в ее осмысление оценочные моменты, придают смысл человеческой жизни» [2, с. 447]. Так, в работе Коломиец Г. Г. «Ценность музыки. Философский аспект» ведется мысль о том, что « в музыкально-образовательном процессе при определенных условиях происходит восхождение личности студента-музыканта к смыслу своей музыкальной деятельности, к смыслу жизни благодаря сформировавшимся эстетическим ориентациям, ведомыми высшими ценностями». На этом основании можно предположить, что в образовательном процессе бакалавриата и магистратуры при определенных условиях (семья, вуз, социальная среда) происходит восхождение личности к смыслу своей деятельности, к смыслу своей жизни, благодаря ведомым духовным ценностям [1, с. 125].

Образование способствует овладению духовными ценностями, и в этом смысле оно имеет огромное культурно-историческое значение. Только через образование осуществляются преемственность и связь эпох и поколений, происходит социальное наследование ценностей культуры. А это значит, что благодаря образованию в сознание людей вносится стабильность, формируется их гражданская идентичность.

Значение образования для общества определяется и психологически. Людям, получающим образование в вузе, свойственно ощущение своей востребованности, нужности, полезности для других людей, они проникаются уверенностью в незыблемости традиций культуры своего народа, у них сохраняется вера в авторитеты.

Признавая ценность образования для общества, естественно, нельзя преуменьшать его значение для каждого отдельного человека. Правда, конечно, надо всегда иметь в виду, что основой формирования ценностей каждого отдельного человека выступают ценности общества, которые воспринимаются и усваиваются (или отвергаются) индивидуально. Индивидуальные ценности эмпирически очевидны. Они являются условием существования и развития всякого индивида, ориентацией той или иной его деятельности. Это означает также, что и мотивация той или иной деятельности человека исходит не столько из абстрактных социальных ценностей, сколько из его личностных устремлений, эмпирических личностных оценок объектов действительности. Образование соответственно является такой эмпирической базовой ценностью для каждого индивида, поскольку оно становится для него не просто значимым, но и необходимым для существования в современном обществе. Ведь ценность определяется значимостью явлений и предметов действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям человека. Именно поэтому образование для индивида сейчас – это терминальная ценность, поскольку является его целью, которой он руководствуется в своей жизни в соответствии с потребностями: знать, уметь, соответствовать, быть способным. Кстати, именно эти цели занимают ведущее место в мотивации образовательной деятельности человека, и именно они становятся регуляторами его отношения, например, к учебе. Одновременно образование выступает и инструментальной ценностью, ибо становится также еще и средством достижения самых разных промежуточных целей в жизнедеятельности людей в соответствии с их потребностями, например достижения благополучия, карьеры, статусного положения в обществе. Иначе говоря, образование сегодня для очень многих людей осознанно или интуитивно становится ценностью: целью или средством, а порой даже и нормой жизнедеятельности.

Список литературы

1. Гуревич П. С. Основы философии / П. С. Гуревич. – Москва: Гардарики,2004. – 354 с.

2. Коломиец Г. Г. Ценность музыки. Философский аспект / Г. Г. Коломиец – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2006. – 579 с.

3. Фролов И. Т. Философский словарь / И. Т. Фролов. – Москва: Республика, 2001. – 719 с.
4. Шохин, В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль / В. К. Шохин. – Москва: РУДН, 2006. – 455 с.

ЦЕЛОСТНОСТЬ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАЖДАНИНА РОССИИ

Булгаков М. Н.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет».

Проблема целостности самоопределения россиянина представляется значимой, в виду того, что она охватывает проблематику роли России в мировом историческом процессе и право на наше существование как многонационального исторического единства.

Прежде чем вести речь о том, что же из себя представляет самоопределение россиянина и почему оно должно быть именно целостным, необходимо определить кто же такой россиянин. Согласно конституции РФ от 4 июля 2020 года, россияне – это «многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой…» [7]. Народ, имеющий общую историю и общий дом. Россиянин – это важнейшая часть Российской Федерации. Российской федерации, которая сохраняет «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства» [7].

Без понимания своего единства народами России, без осознания всеобщей причастности каждого отдельного жителя нашей страны к ее историческому пути, к ее текущему положению в мире и ее дальнейшей судьбе, невозможно обеспечить подлинное благополучие и процветание России. Жителю нашей страны должно признать себя ответственным за сохранение ее культуры, за обеспечение свобод человека и будущее своих же детей. Для этого россиянину необходимо почувствовать себя целостностью внутри общего целого, проникнуться основополагающими ценностями, лежащими на качественно ином уровне, нежели те, что связаны только с его материальным благополучием. Признание значимости таких высших духовных ценностей, их реализация и сохранение возможен в ходе деятельности активного целостно самоопределяющегося человека.

Говоря о самоопределении человека как целостного существа, следует представить некоторые идеи, которые имели важное значение в истории философской и научной мысли. Согласно учению представителя натуроцентрического подхода к определению человека Т. Гоббсу, деятельность людей обуславливается их «естественным состоянием» войны всех против всех, в котором они прибывают в природе. Естественное право сильного делать все, что только пожелается, определяет всяческие взаимодействия в человеческом обществе, в которых еще нет государства. Ф. Бэкон, в свою очередь считал, что человек является истолкователем и слугой природы и его задача состоит в овладении ее стихиями. К числу деятелей мысли, определявших человека, прежде всего, как природное существо также относятся: Демокрит, Д. Локк, О. Ламетри, Л. Фейербах и другие.

Представители социоцентрического подхода уделяли наибольшее внимание социальной природе человеческого существа. Так, согласно К. Марксу, человек «есть совокупность всех общественных отношений» [9, с. 8]. Совместно с Ф. Энгельсом в «Немецкой идеалогии» он занимается обоснованием идеи о общественном бытие человека, которое определяется общественным сознанием. В работе французского социолога и философа Э. Дюркгейма «Самоубийство» [6] последовательно опровергаются всяческие идеи и взгляды на рассматриваемый феномен, имеющие внесоциальный, психологический характер: от биологии или вероисповедания человека не прослеживается прямой зависимости на изменение числа самоубийств, решающим фактором выступает лишь общество и качество отношений отдельного человека с ним. Способностью воспринимать человека сквозь призму общественных отношений обладали также: О. Конт, К. Манхейм, М. Вебер, Г. Спенсер и многие другие.

Духовность как основополагающее начало человека выделяли представили теоцентрического подхода. В работе С. Н. Булгакова «Свет невечерний» высказываются идеи о том, что человек трансцендентен миру и свободен от мира и его самоопределение начинается как духовный процесс. Первые же шаги самоопределяющегося человека происходят прямо под руководством Бога. После духовного нахождения себя, по Булгакову, следует определение себя в отношении ко всему живому [5, с. 272-276]. Среди представителей данного подхода также можно выделить св. Фому Аквинского, св. Августина Аврелия, Я. Беме и других религиозных философов.

В работе советского психолога и философа С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» представлена идея о дихотомической природе человека как био-социального существа. Человек, с его точки зрения, самоопределяется в системе общественных отношений, посредством собственных свободных волевых действий, начинающихся с побуждений нервных центров в левом полушарии головного мозга. Источником же этих побуждений являются потребности и интересы человека [14, с. 564-570].

Д. В. Пивоваров трактует самоопределение человека как особый вид детерминации, которая раскрывается при обращении ко всем рефлексивным категориям онтологии [12, с. 102-105]. Согласно данному подходу, самодетерминация человека есть случайность и необходимость, возможность и действительность, основание и обоснование, закон и функция, а также причина и следствие. Человеческое существо, в своем самостоятельном формировании, обуславливается самыми различными явлениями как материального, так и духовного мира.

Концепция, согласно которой человек в каждый отдельный момент своего существования представляется как целостное природное, социальное и духовное существо, разрабатывается в изыскания, И. А. Беляева, А. М. Максимова и других отечественных философов [2]. С самого своего рождения человек представляет из себя сверхсуммативную целостность духовного и материального. Он развивается и живет совместно с другими людьми в социуме, унаследует традиции, верования и идеалы, неразрывно связывающие его с историей и культурой. В связи с данными представлениями, уместна трактовка

самоопределяющегося индивида, предложенная Ю. Ш. Стрельцом, как человека, вступающего «в область свободных и ответственных поступков и действующий, согласно своей природе, социальным условиям и высшим духовным ценностям человечества» [15, с. 305].

Разделяя точку зрения троичности природы человеческого существа, следует обратить внимание на то, что всякий из нас самоопределяется как целостное существо. Это верно даже в том случае, если отдельный человек не признает свою духовную составляющую. Исходя из складывающегося представления – всякий человек самоопределяется как целостность, идет по пути целостного самоопределения. И это целостное самоопределение, в зависимости от способа соотнесения конкретного человека с историей и культурой своей этнической группы, своей страны, представляется уместным разделить на активную и пассивную форму целостного самоопределения личности.

Активное целостное самоопределение возможно только в том случае, если человек является подлинно деятельностным, творческим существом, чтит память о культурном и историческом наследии, вверенному ему предками, для сохранения и передачи грядущим поколениями. Такой человек, всенепременно, может взять на себя тяжкое бремя ответственности за судьбу и будущее своей страны. Страны, с многонациональным населением которой, он будет себя свободно идентифицировать. Самоопределяться в соответствии со своей биологической и социальной природой и высшими духовными ценностями, разделяемыми жителями государства. Согласно определению, данному А. С. Панариным, «идентичность – совокупность устойчивых черт, позволяющая той или иной группе (этнической или социальной) отличать себя от других» [10, с. 156]. В нашем случае той самой социальной группой выступает мультиэтническое общество граждан Российской федерации.

Для того, кто по тем или иным причинам отказывается принимать всяческое участие в сохранение и передача культурных форм и ценностей своей страны, для того, кто предпочитает слиться со средой и отдать всего себя пошлостям сугубо материальной жизни – не существует блага, выше, чем потребительская свобода, не обнаруживается величие страны, величие целого, неотъемлемой единицей которого ему предстояло бы быть. Целостный человек, избравший путь пассивного существования, идентифицирующий себя в образе жителя другой страны, провозглашающий наличие разграничительной линии между своим «Я» и государством, не способен оказать сколько-нибудь положительного влияния на судьбу своей страны. «Но пора прямо сказать: сознание западнического типа, взыскующее одних только успехов, послаблений, потребительских благ и утех (все это оно и называет прогрессом) прямо-таки обречено не любить Россию как страну, постоянно обманывающую его ожидания» [11, С. 420-421] – таким проникновенными словами А. С. Панарина можно описать человека, нисколько не чувствующего связи с историей своей страны и духовного единства с ее гражданами.

Встать на путь активного целостного самоопределения – это приговорить себя к безграничной свободе, к безграничному творчеству. Приговорить добро-

вольно, приняв свою человеческую сущность. «Русская душа ушиблена ширью…» [3, с. 324] – не безосновательно утверждает Н. А. Бердяев. Эта широта являла себя в открытости, щедрости, отзывчивости и добродетельности русского человека сотню лет назад. Она отражалась в его религиозности, в его культуре, быте и суждениях. Но более всего – она свидетельствовала о женственности и лености русского духа. Духа, который не позволял человеку принять на себя вину за состояние страны. Всю ту же правду, используемую знаменитым философом для описания русского человека, не будет ошибочно перенести на всякого россиянина, потому как за судьбу России ответственность вчера, сегодня и завтра несло, несет и будет нести единое целое. Целое, которое нельзя выразить сухим процентным соотношением разрозненных частей.

Россиянин своей активной целостной самореализации и сегодня рискует предпочесть привычку подчинения внешней среде. Привычку, выработанную у него чувством беспомощности перед ликом Бога, государства или истории. Мы привыкли противопоставлять себя всякому могуществу, мы оказались способны пригласить управлять собой варягов, мы не смогли защитить свои языческие корни от влияния «чуждых» идей, принесенных Владимиром из «Европы», затем утратили свою возможность отдавать крест двумя перстами, а через столетия – и всеми тремя. Мы способны бунтовать против старых порядков, не зная при этом чего хотим от порядков новых. Мы сейчас зависим от западных идей и идеалов ничуть не меньше, чем Петр Великий, «прорубивший окно в Европу», представлявшийся в глазах крестьянского мира в облике Антихриста, пришедшего дабы наказать род людской за зло содеянное. «Другой псевдоморфоз у всех нас сегодня на виду: петровская Русь» [16, с. 196]. Но подобным «псевдоморфозом», ложной формой своего существования, являлся едва ли не любой период российской истории, за исключением тех нескольких временных промежутков, когда от силы духа российского народа зависело выживание отечества. Ложность данного существования обусловлена вовсе не необходимостью, а рабской природой россиянина. «Рабство – есть невозможность самоопределения, утеря самостояния, отчуждение способности или права выбора вида своей активности или пассивности» [8, с. 13]. Человек зависит от свей биологической и социальной составляющих, они имеют свою роль в процессе целостного самоопределения человека. Их влияние – есть необходимость. Свобода личностного самоопределения человека согласуется с необходимостью, навязанной привходящей средой. Между свободой и необходимостью нет противоречия. Подлинный антагонист свободы – есть рабство.

Мы любим ждать прихода Истины, Истины в человеческом обличии, которая без наших собственных усилий вознаградит нас терновым кольцом прозрения и легким мановением руки снимет бельма с обоих глаз. А. Радищев видит пришествие этой мрачной женщины в своем сне и искренне желает, чтобы она явилась всякому властителю мира [13, с. 40-52]. Каждый человек, потенциально – творец самого себя и окружающего мира, каждый человек – властитель мира в модальности будущего. Если мы выказываем аскетический отказ от всяких стремлений, то мы отворачиваемся и от своей целостности. Путь, ведущий

к истине – это путь, по которому не может идти животное. По нему способен продолжать свое продвижение только sapiens. Человек бездеятельный, безыдейный, привыкший склоняться перед катехизисами, но не осмысливать их – вовсе не властитель мира, обладающей безграничной свободой. Он – раб у необходимости, его «заедает среда». Женственное ожидание прихода Истины – есть леность духа. В этом ожидании видится «выученная беспомощность», свойственная всякому животному и, как полагается в социальных науках, и человеку как носителю социальных и биологических качеств. Признать над человеком единственную истину –значит отказать современному и будущему человеку в возможности его целостного самоопределения, в возможности творить и мыслить так, как ему было бы угодно. Признать над человеком единственную истину – значит заключить человека в рабстве у истины.

Так к какому же новому псевдоморфозу, к новому подчинению приходит Россия в наши дни? Здесь представляется образ русского, видящего истину в формировании в своей стране демократии, капиталистических и правовых отношений западного образца. Но, прежде всего, мы жаждем именно «Европейской» демократии. Той самой демократии, которая, помимо всех своих видимых благ, есть еще и негласный запрет не быть ответственным за судьбу своей страны. Но готов ли народ России, в своем большинстве, принять на себя такую ответственность? Нет, не готов. Он по-прежнему, как сотни лет назад, «ушиблен ширью», аполитичен и аморфен, ему хочется думать, что другие освободят его от ответственности, возьмут на себя вину за состояние страны. Не потому ли сегодня так слабо развиты институты гражданского общества, что мы не ассоциируем себя с «владыками мира», что мы делегируем свою свободу во власть государства, которым сами себя не считаем, ожидая того, как ей умело распорядятся? Не ждем ли мы явления Мессии, той самой Истины, которая раз и навсегда освободит нас от вины, от ответственности и от возможности выбора, который так нам противен, противен настолько, что людей приходится буквально «сгонять» на избирательные участки? Россиянин должен осознать свою свободу, обязан возвыситься над зверем и средой для того, чтобы встать на путь своего активного целостного самоопределения. Путь, который и есть само воплощение всякой возможности – возможности стать хозяином своей судьбы, своего предметного мира и своего отечества.

«Главным богатством страны является ее культурный потенциал, созданный и нынешним, и прошлым поколениями» [1, с. 24] – замечает заслуженный деятель науки Российской Федерации А. И. Арнольдов. Только та страна достигает всяческого развития и процветания, в которой имеет место высокий культурный уровень общества, который необходимо развивать, прикладывая максимальные усилия.

«И если вы хотите, чтобы сохранилась о вас память и чтобы вы продолжили жить, то вы должны сохранить память о своих умерших предках и должны воскресить их для жизни вечной» [4, с. 579] – отмечает Н. А. Бердяев. Такова великая роль культуры, ее великая роль в истории каждой отдельной страны и национальности. Исполнителями этой роли должно стать всякому россияни-

ну. Взять на себя крест вины и ответственности за свое собственное национальное бытие и бытие нашего многонационального исторического единства – России – это та миссия, с которой могут справиться только люди, вставшие на путь активного целостного самоопределения.

Список литературы

1. Арнольдов А. И. Культурная политика: реалии и тенденции / А. И. Арнольдов. – М.: Государственный университет культуры и искусств, 2002. – 64 с.

2. Беляев И. А. Человек самоопределяющийся: монография / И. А. Беляев, В. В. Кашин, А. М. Максимов, Н. С. Рыбаков, Ю.Ш. Стрелец; под ред. И.А. Беляева. – Екатеринбург: Изд-во УрАГС; Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2004. – 108 с.

3. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев // Философия свободы. – М.: Фолио, 2004. – С. 265-474.

4. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев // Философия свободы. – М.: Фолио, 2004. – С. 477-724.

5. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. Том 1 / С. Н. Булгаков. – М.: ИНАПРЕСС, 1999. – 416 с.

6. Дюркгейм Э. Самоубийство / Э. Дюркгейм, пер.: А. Ильинского. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 512 с.

7. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] http://duma.gov.ru/news/48953/. (дата обращения: 20.12.2020).

8. Максимов А. М. Свобода как противоречие самобытия и инобытия / А. М. Максимов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. – 200 с.

9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 650 с.

10. Панарин А. С. Политология. Западная и Восточная традиция / А. С. Панарин. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – 163 с.

11. Панарин А. С. Православная цивилизация / А. С. Панарин. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.

12. Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии: Учебное пособие / Д. В. Пивоваров. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – 268 с.

13. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву: повесть / А. Н. Радищев. – М.: Время, 2018. – 240 с.

14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Издательство: Питер, 2002. – 720 с.

15. Стрелец Ю. Ш. Философский словарь по проблематике «Смысл жизни человека» / Ю. Ш. Стрелец. – Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018. – 470 с.

16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер, пер.: Н. Ф. Гарелина. – М.: Мысль, 1998. – 593 с.

ЭВОЛЮЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Вертяков Д.А.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В последнее время в научных кругах все чаще поднимается вопрос о несостоятельности и размывании определения термина «молодёжная субкультура». Исследования культурологов и социологов говорят о том, что фундаментальные ценностные установки современных представителей молодёжных субкультур в большинстве случаев имеют сильно деформированные точки соприкосновения или же кардинально отличаются от «классических» установок. Этот процесс можно объяснить развитием экономики, политической и социальной сферы, информатизацией того или иного общества. Именно от динамики развития общественных институтов, от степени их воздействия на социокультурную жизнь молодого человека зависит развитие молодёжных субкультур, которое на разных исторических этапах принимает разнообразные формы и векторы движения. Таким образом, появление и развитие субкультур можно считать своеобразным «индикатором», который отражает степень развития общества на определенном этапе. Например, в том обществе, где основой является традиция, если и удаётся выявить представителей молодёжных субкультур, то они, скорее всего, будут логическим продолжением и проявлением доминантной культуры. Возникновению феномена молодёжных субкультур способствует общество, где «ядром» и основной движущей силой развития является научно-технический прогресс, увеличивается время обучения молодых людей для получения профессии, повышаются требования к компетентности работников, становятся более сложными процессы социализации и инкультурации личности.

В зависимости от исторического периода и господствующих научных теорий для изучения феномена молодёжной субкультуры применялись различные подходы. Тот факт, что данный феномен по своей природе очень неоднороден, имеет свойство динамичного изменения в зависимости от окружающей социокультурной ситуации, определяет огромное количество подходов к его изучению. Среди них прежде всего следует назвать информационный, иерархический, когнитивный подходы и др. Но наиболее распространенными подходами стали следующие:

- классовый подход, основная идея которого заключается в том, что главную роль в жизни молодых людей играет классовая принадлежность. Был разработан в 60-х годах XX века;
- гендерный подход, который заключается в рассмотрении феномена молодёжной субкультуры с точки зрения разной половой принадлежности, в

каждой из которых выделяются свои специфические особенности. Был разработан в 70-х годах XX века;

- расовый подход, основной идеей которого является то, что образ жизни и поведение человека зависят от определенной расы. Данный подход, разработанный в 70-х годах XX века, показал свою несостоятельность;
- функционалистский подход заключается в рассмотрении общества как системы, процессы и элементы которой рассматриваются с точки зрения их взаимосвязанности, направленной на сохранение и улучшение этой системы [2, с. 37-40].

Но к концу XX века для изучения феномена молодёжной субкультуры данных подходов оказалось недостаточно в связи с трансформацией этого явления, которое было вызвано сложными процессами, происходящими в обществе. Необходимо отметить, что уже к 80-м годам XX века молодёжные субкультуры переживали стагнацию, а затем и некоторый регресс, который повлиял на массовость, форму и ценностную ориентацию представителей этого явления. Этот кризис связан с глубокими изменениями в сознании и структуре общества, с утратой или несостоятельностью господствующих ранее идей в условиях постмодернистского общества с присущими ему чертами плюрализма, негативизма, деконструкции, децентрализации, фрагментарности в разных проявлениях, альтернативности, эпатажности, ярко проявляемой в современном искусстве, и, как считают некоторые из современных ученых, виртуализацией общества [3, с.194].

Важнейшим процессом, повлиявшим как на молодёжные субкультуры, так и на общество в целом, является также информатизация. Именно она переориентировала вектор господствующих ценностей, сделав информацию важнейшим ресурсом развития общества. Развитие информационных технологий предоставляет любому члену общества доступ к получению, хранению и, в какой-то мере, к распространению информации. Развитие сети Интернет приводит не только к цифровизации экономических, политических институтов, но и к цифровизации межличностной коммуникаций всех слоёв населения, в особенности молодёжи. Создание и развитие разнообразных сайтов, социальных сетей, форумов, мессенджеров приводит к тому, что прежние границы условно снимаются; территориальное положение людей, возраст, этническое происхождение, религия перестают играть значительную роль в их объединении и взаимодействии, что приводит к возникновению качественно нового культурного пространства [1, с. 343].

Радикальная трансформация общества в начале XXI века привела к детерриториализации культуры, подразумевающей ослабление или прекращение связи культуры и места, хаотичному характеру социальных изменений, углублению процесса индивидуализации. Она в свою очередь подтолкнула к необходимости более точной и детальной самоидентификации личности. Все эти процессы в совокупности не могли не повлиять на молодёжные субкультуры. Подобные изменения привели к тому, что попытка изучения этого феномена с ис-

пользованием «старых» подходов не давала должного результата, поэтому возникла необходимость в новых теоретических методах и средствах.

Изначально термин «молодёжная субкультура» подразумевал наличие объединяющих факторов, без которых они вряд ли смогли бы сформироваться и существовать. Среди них можно выделить: закрытость, территориальный признак, наличие общих интересов и совместной деятельности, политизированность или сознательная аполитичность и т.д. Кроме этого, немаловажным аспектом молодежной субкультуры являлись идентификационные признаки. К ним относились: система ценностей и взглядов, отличных от традиционных; мировосприятие, мировоззрение, выработка своих обычаев, норм и стиля поведения, как внутри группы, так и вовне, имиджа, сленга, музыкальных предпочтений, определённых атрибутов, понятных только «своим», наличие «ядра» группы.

Анализируя современное молодёжное сообщество, уже не удается применить ранее сложившиеся основания-признаки для выделения представителей молодёжных субкультур. Причиной растворения субкультур в массовой культуре, потеря их актуальности в современном мире обуславливается несколькими факторами. Тотальная коммерциализация культуры приводит к соприкосновению и взаимопроникновению субкультуры и массовой культуры, в результате чего отбрасываются ценностные установки, идеология и сама суть подобных образований, и происходит выдвижение на первый план лишь определенных внешних атрибутов, используя которые, можно соотнести себя с той или иной молодёжной субкультурой. Отсутствие доминирующей, базовой культуры в обществе, к которой молодёжные субкультуры находятся в оппозиции, противостоя ей, также негативно сказывается на актуальности этих образований в настоящее время. Еще одним из признаков упадка молодежных субкультур можно назвать возникновение «промежуточных» групп, также называемых «буферными субкультурами», спецификой которых является пограничное расположение между молодёжными субкультурами и массовой культурой, но характеризующихся явной ориентацией на экономическую выгоду и рыночные отношения.

Таким образом, учитывая современное положение и присутствие феномена молодёжных субкультур в обществе, можно сделать вывод о невозможности применять ранее сложившиеся подходы к их изучению. В текущих условиях необходим иной подход для изучения данного явления. В начале последнего десятилетия XX века английский исследователь в области постмолодёжной культуры Стив Рэдхед ввёл понятие «постсубкультура» и предложил использовать постсубкультурную теорию для изучения молодёжных групп [4, p. 41]. Основные положения этого подхода состояли в необходимости полного отказа от использования современного аппарата культурных исследований данного феномена и заменой понятия «субкультура» на термин, который бы в полной мере мог отразить все тенденции развития молодёжного сообщества.

Социолог Дэвид Магглтон, изучавший постсубкультурный подход, принимая во внимание трансформацию общества, описал возможные варианты развития феномена молодёжной субкультуры, среди которых:

- понятие «субкультура» утратит своё значение, и ему на смену придет множество непостоянных феноменов;
- стиль как важная особенность молодежных субкультур деформируется и обесценится, будет носить временный характер и сильно зависеть от тенденций в моде;
- одновременная принадлежность молодого человека к нескольким субкультурам сделает условной границу между ними;
- контакт с массмедиа, модными трендами будет способствовать слиянию молодежной субкультуры с массовой культурой [5, p. 52].

Основываясь на постсубкультурной теории, социолог Руперт Вайнцирль выдвинул «концепцию субпотоков», которая предлагала замену понятию «субкультура», акцентировав внимание на необходимости исследования современных молодежных объединений как групповых образований. Вайнцирль дал следующее определение субпотокам – это одни из посттрадиционных форм объединений, которые, согласно постмодернистской концепции, имеют силу только в момент создания структуры, находятся в процессе постоянного изменения и развития [6]. Анализируя и сравнивая классические субкультуры и субпотоки, он выделяет разницу в их характерных чертах:

- разделение общества на классы не оказывает существенного влияния на субпотоки;
- уровень значимости индивидуализма и творческого потенциала человека в них возрастает, по сравнению с классическими субкультурами;
- плюрализм взглядов участников современного феномена;
- возможно участие молодых людей в нескольких субпотоках;
- субпотоки имеют точки соприкосновения или же являются частью массовой культуры;
- двойственная позиция относительно политической активности. Не являются ни политизированными, ни аполитичными членами общества [6].

Таким образом, ускорение темпа жизни, увеличение объема информации, усиление роли СМИ и массовой культуры, ориентированной на усредненные стандарты потребления, приводят к изменениям во всех социальных слоях общества. Вследствие этого можно говорить и о трансформации элементов культуры на примере молодёжных субкультур. Изменение формы, ценностных ориентаций и фундаментальных основ феномена молодёжной субкультуры, а также необходимость в замене самого термина, говорят о необратимых изменениях в сущности этого явления. Молодежь, как наиболее чувствительная и прогрессивная часть общества, ответила на вызов времени тем, что начала искать новые ценностные векторы, действенные формы организации, которые помогают отличать «своих» от «чужих» и реализовывать в новых условиях свои амбиции и творческий потенциал. Причём, классические признаки существования молодёжных групп уже не применимы и не работают, поэтому современная

ступень развития данных феноменов обусловлена не наличием общего мировоззрения у членов одной группы, а наличием общего сознания и своеобразной солидарности между индивидами, которая является главным связующим звеном и ядром данного феномена.

Список литературы

1. Левикова, С. И. Молодежная субкультура / С.И. Левикова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. — 608 с.

2. Омельченко, Е. Молодежные культуры и субкультуры / Е. Омельченко; Ин-т социологии РАН, Ульян. гос. ун-т. Н.-И. центр "Регион". – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 262 с. – (Специализир. курсы в социол. образовании).

3. Чистяков, Д. И. Модерн и постмодерн динамика форм социологического теоретизирования / Д.И. Чистяков // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 193-205. – URL: http://www.hses-online.ru/2014/01/23.pdf (дата обращения: 01.12.2020).

4. Redhead, S. The end of the century party: youth and pop towards / S. Redhead. – Manchester: Manchester University Press, 2000. – 124 p.

5. Muggleton, D. Inside subculture: The Postmodern Meaning of Style / D. Muggleton. – Oxford: Berg, 2000. – 198 p.

6. Weinzierl, R. Subcultural Protest in Times of the Pop-Entrepreneur [Электронный ресурс] / R. Weinzierl. – 2001. – URL: https://transversal.at/transversal/1001/weinzierl/en?hl=Weinzierl (дата обращения: 01.12.2020).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ: ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ

Гоптарева И.Б., д-р полит. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В течение последних тридцати лет было разработано немало теорий о критериях определения политического доверия с целью достижения консенсуса в политологическом сообществе относительно того, какая теория наиболее эффективна для его измерения.

В данной статье при рассмотрении вопроса о факторах влияния на политическое доверие были использованы: теория социального капитала Р. Патнэма [1], теория справедливости Дж. Ролза [2], теория экономической справедливости. Последняя представляет интерес с точки зрения ее эмансипации политологами США Дж. Клюгелем (Иллинойский университет) и Д. Мэйсоном (университет Батлера) в исследованиях посткоммунистических государств Восточной Европы на рубеже XX-XXI вв. [5].

По результатам своих исследований о политическом доверии в этих странах авторы предложили гипотезу о прямой взаимосвязи категорий доверия и справедливости в оценках респондентов по поводу политических систем в посткоммунистических государствах. Меры воспринимаемой справедливости оказали значительное влияние как на политическое доверие, так и на определенный уровень удовлетворенности опрошенных политическими преобразованиями демократического характера в этих странах.

Нет единого мнения о том, что должна включать в себя политическая система, чтобы считаться демократической. Хотя независимо от того, придерживаются ли исследователи этой проблемы строгого или свободного определения демократии, она подразумевает, прежде всего, процедуру выборов и институт представительства, которые призваны управлять обществом. Вопрос состоит в том, ст*о*ит ли рассчитывать на институт выборов, если люди не чувствуют доверия к собственным представителям после их избрания, с одной стороны, и по результатам их деятельности в выборных институтах власти, - с другой, а также — и доверия к существующей политической системе.

Несмотря на то, что многие исследователи изучали проблему изменения политического доверия во времени, они не пришли к единому мнению о том, что именно вызывает рост или снижение политического доверия. Также дискуссионным остается вопрос о том, насколько тесно связаны между собой доверие к демократии и поддержка политических институтов или они воспринимаются как отдельные явления.

Исследование измерения политической поддержки Дж. Клюгеля и С. Д. Мэйсона включало в себя изучение того, как временной период формирования демократических институтов воздействует на политическую поддержку гражданами правительственных реформ в посткоммунистических странах через их

оценки социального капитала и экономической справедливости на основе определения диффузной поддержки Дэвида Истона.

Д. Истон, один из основателей системного анализа политических систем (A Systems Analysis of Political Life, 1965), определил два различных типа политического доверия или поддержки политических институтов.

К первому типу он отнес диффузную поддержку, то есть то, что можно называть «зачатками» доверия, формирующихся в период воспитания ребенка; такое доверие, по Истону, скорее, можно считать состоянием души. Диффузная поддержка — это чувство доверия к системе и к её институтам в целом. Согласно Истону, на нее не влияют ошибки, совершенные одним или несколькими избранными представителями. Этот тип доверия накапливается с течением времени и зависит от воспитания и культурных предпочтений. Поэтому диффузная поддержка рассматривается скорее как состояние ума и как поддержка идеала, чем как зависимость от воспринимаемых результатов [4].

Истон считал, во-первых, что диффузная поддержка устанавливается через разделяемые обществом идеалы, во-вторых, что люди в странах с высокой диффузной поддержкой становятся менее подверженными влиянию временных проблем с неудачными правительственными решениями и несвоевременными действия должностных лиц, особенно в сфере экономики или финансов. [4, с. 451].

Исследование, проведенное американским политологом Скоттом Мэйнварингом в 1993 году, показало, что стабильность режима зависит от того, в течение какого времени он был реально демократическим. Система считается упрочившейся, если она оставалась непрерывно демократической более 25 лет. Это соответствует как определению диффузной поддержки, так и тому, какое влияние может оказать усиленная диффузная поддержка на правительственные институты и страну в целом [6, с. 204].

Второй тип поддержки — конкретная или прямая поддержка, представляющая собой чувство (не)доверия, сформированное действиями должностных лиц и политической элиты. Конкретная поддержка может меняться намного быстрее, чем диффузная, и поскольку далеко не все избранные представители оправдывают ожиданий общества, демократическая система нуждается в таком типе поддержке, чтобы оставаться стабильной даже в трудные, кризисные времена, когда правительства не в состоянии обеспечить «хорошее управление» (good government).

Для прояснения вопроса о том, что именно влияет на политическое доверие людей, следует обратиться к теории социального капитала Роберта Патнэма, смысл которой заключается в измерении социальной вовлеченности людей в коммуникационные отношения («сети»), которые создаются ими в течение всей жизни. «Сети» помогают формировать доверие к другим людям; доверие служит основой для более широкого понимания действий политической системы и — чувства социальной уверенности. По словам Патнэма, сильный социальный капитал в стране стимулирует эффективное управление, а также повышает доверие населения к политической системе и ее институтам [3].

Р. Патнэм рассматривает социальный капитал как нечто, что напрямую связано с взаимодействием человека с другими людьми и его участием в гражданских и политических организациях. Социальный капитал важен для коллективного функционирования общества; если в обществе существует взаимное доверие, это пойдет на пользу демократии, хотя это важно и для самого человека.

Патнэм, говоря о различных формах социального капитала, выделяет, прежде всего, а) связующий или связывающий капитал (the bonding capital) и б) «наводящий мосты» капитал (bridging capital). Связывающий капитал усиливает интеграцию людей, находящихся в однородной группе. Подобные группы образуют основу для солидарности, что создает лояльность внутри каждой группы, которая оказывает в нужный момент поддержку избранным политическим институтам. Примерами групп, в которых формируется б*о*льшая часть связующего капитала, являются этнические, региональные футбольные организации, гольф-клубы и другие более или менее изолированные группы [1].

Капитал «наводящий мосты» в основном формируется в плюралистических общественных группах (молодежные организации, движения за гражданские права и т.п.), в которых участвуют люди из разных слоев общества. Таким образом, капитал «наводящий мосты» увеличивает информационный поток, которым пользуется ассоциированное общество, за счет чего многие могут увеличить свои шансы в карьерном плане и на рынке труда.

В отличие от этой формы, связывающий капитал способствует более изолированному мышлению членов подобных групп и усиливает антагонистические чувства «мы против них», хотя обе формы социального капитала могут иметь сильные положительные социальные последствия. Эти две формы капитала вполне могут усиливать друг друга, а потери в одних группах могут повлечь за собой и потери в других, поэтому между ними нет четкого разделения; вместо этого все взаимодействия являются более или менее успешными при наличии этих двух форм [1].

Р. Патнэм и его сторонники считают социальный капитал важным для личной выгоды на протяжении всей жизни человека: что бы ни случилось (потеря работы, болезни и т.д.), важно иметь сильную социальную «сеть», которая является основой социального капитала.

Социальный капитал также можно рассматривать как общественную выгоду. Считается, что люди с сильным социальным капиталом (социальными связями) более эффективны в решении своих проблем, что приносит пользу обществу в целом, а также может повысить и доверие к государственным институтам.

Согласно Патнэму, если социальный капитал в стране высок, то меньше людей будет склонно «бесплатно ездить по системе» и не выполнять свои гражданские обязанности. Это укрепляет демократию и доверие к политической системе [3].

Социальный капитал также может отражаться в межличностном доверии, что означает прямое доверие человека к человеку. Если человек чувствует, что

может положиться на другого(их), уверен, что люди помогут ему, если и он сам может помочь нуждающимся, то межличностное доверие может послужить основой для формирования гражданского доверия, положительно влияющего на доверие к политическим институтам [3].

Таким образом, социальный капитал увеличивает потенциал политических институтов. Этим можно объяснить, почему политическое доверие гражданского общества возрастает с усилением социального капитала.

Вторая теория, с помощью которой можно измерить политическое доверие, это — общая теории социальной справедливости, берущая свое начало еще со времен Сократа и значительно усовершенствованная в эпоху постмодернизма Джоном Ролзом, среди прочих его произведений, в книге «Теория социальной справедливости» (1971) [2].

Проблематика политической поддержки, как одного из проявлений политического доверия, тесно связана с категорией экономической справедливости, опосредующей легитимность в посткоммунистических государствах. В своей концепции экономической справедливости Дж. Р. Клюгель и Д. С. Мэйсон пришли к выводу, что восприятие людьми способности правительства и его институтов осуществлять распределительную функцию в контексте воспринимаемой обеими сторонами экономической ситуации в стране, являются важными детерминантами политического доверия [5].

Экономический прогресс часто рассматривается в позитивных терминах как процветание, успех и богатство, но также можно сказать, что он включает в себя и негативные аспекты, такие как неравенство, бедность и эксплуатация. Поступательное же экономическое развитие, сопровождаемое общественным доверием, гарантирует успешную демократизацию. Высокий валовой внутренний продукт (ВВП) действует как защита демократии от возврата к недемократическим формам правления.

Изучение влияния экономических аспектов на демократию и легитимность системы и ее институтов, показывает, как воспринимаемая экономическая справедливость и перераспределение влияют на политическую поддержку части общества. В своих исследованиях Клюгель и Мэйсон выделили две основы справедливости, которые также используются в теории социальной справедливости: справедливость распределения и процессуальная экономическая справедливость.

Справедливость распределения — это то, что показывает, как люди воспринимают справедливость в распределении экономических результатов в стране.

Процедурная экономическая справедливость отражает предполагаемую функцию распределительного механизма и соблюдение правил.

По мнению этих авторов, чем справедливее люди воспринимают правительство, тем больше они довольны системой в целом. В связи со сказанным, они выдвинули гипотезу, что более безопасно люди чувствовали себя в системе с распределительными механизмами, даже если неравенство сохранялось [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что сильным определяющим мотиватором доверия и фактором удовлетворенности политическими институтами являются механизмы социального капитала, социальной справедливости и сбалансированной экономической системы, обеспечивающие удовлетворенность рынком и являющиеся условиями проявления политического доверия и системной поддержки в странах, претерпевающих демократические преобразования.

Список литературы

1. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии [Электронный ресурс]. /Перевод с английского Андрея Захарова. Издательство “Ad marginem”, Москва, 1996. 287 с. Гл .6. Режим доступа: http://padabum.com/x.php?id=213703 (30.11.2020).

2. Ролз, Дж. Теория справедливости /пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1996. 512 с.

3. Bowling Alone: What’s the Score? [Электронный ресурс]. Book review, in : Social Networks 27 (2005). С. 155–167. Режим доступа: http://sociology.berkeley.edu/sites/default/files/faculty/fischer/Bowling%20Alone%20-%20What%27s%20the%20Score_Soc%20Net_2005.pdf (30.11.2020).

4. Easton, D. A Re-Assessment of the Concept of Political Support [Электронный ресурс]. British Journal of Political Science, Vol. 5, No. 4 (Oct., 1975). С. 435-457. Режим доступа: https://pdfs.semanticscholar.org/fe06/e32a46bf6ae0cfc7699f60bb870aef3c7818.pdf?_ga=2.12854512.612777366.1608495861-66523833.1605125504 (12.12.2020).

5. Kluegel, R. J., Mason, S. D. Fairness /Matters: social Justice and political Legitimacy in post-communist Europe. Carfax Publishing. *Europe-Asia Studies* 56(6), 2004. С. 813–834.

6. Mainwaring, S. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination [Электронный ресурс]. Comparative Political Studies - July 1993. Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Scott_Mainwaring2/publication/258130109_Presidential-ism_Multipartism_and_Democracy_The_Difficult_Combination/links/55ccd7d908ae1141f6b9e806/Presidentialism-Multipartism-and-Democracy-The-Difficult-Combination.pdf?origin=publication_detail (12.12.2020).

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Епанчинцева Г.А., д-р психол. н., профессор
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Проблема толерантности становится все более привлекательной для многочисленных исследований. В научной литературе идея «толерантности» в основном выражается через ощущение терпимости по отношению к иным взглядам, мнениям и суждениям. Тем не менее, как замечает С.К. Бондырева, конструкт «толерантность» не выглядит достаточно отчетливым, отсутствуют его строгие критерии, параметры, характеристики [1]. Мы приходим к выводу, что понятие противоречиво, оно научно не аргументировано, нет истолкования, где завершается толерантность и начинается враждебность, готовая перерасти в экстремизм. Не менее загадочным является вопрос о толерантной личности. Где происходит границ между толерантностью и инертностью личности к социуму? Толерантность-это всепрощение ко всем поступкам личности? Насколько толерантная личность критична? Наверное, эти вопросы открывают тот ящик Пандоры, где толерантность как многоплановое психологическое, культурное явление предстает не только однозначно положительной характеристикой личности [2, 5].

Обосновывая многозначность конструкции «толерантность», ряд ученых считают, что рационально признать понятия «толерантность» и «терпимость» синонимами. Многие ученые указывают, что глагол «терпеть» также может иметь сравнительно отрицательное значение: терпение всегда пассивно и обозначает только внешнее подавление личного поведения, которое не изменяет взгляды самой нетерпимости.

Научный конструкт «толерантность», как правило, ассоциируется с пассивным восприятием окружающего мира и происходящих в нем преобразований. В большинстве случаев «терпимость» обозначает, что вы не проявляете активность в мире, в котором развиваетесь. Психологи отмечают, что подобное поведение представляет особый риск для психического здоровья личности [4].

Такая ситуация вовсе не связана с толерантностью или терпимостью, поскольку она вызывает эмоциональное напряжение, агрессивность по отношению к чему-либо или кому-либо [6]. Следует отметить, что терпимость, как качество личности, не имеет генетической природы.

Страхи перед «незнакомцем», перед незнакомой ситуацией, а также отказ от общения с «незнакомцем», избегание новой ситуации изначально были заложены в людях. Как это не парадоксально, но именно только страх рождает нетерпимость к другим и невероятное желание прервать эти страдания. В этом смысле нетерпимость к незнакомцам, незнакомым ситуациям является самой древней моделью человеческого поведения. Идея толерантности зародилась в

Западной Европе в результате кровопролитного движения за церковную реформу. Рождение протестантизма в Европе повергло к противостоянию отдельных государств по критерию религиозных предпочтений. Европа попадает в режим затяжных религиозных войн, на смену гражданских войн приходят религиозные войны. Сама идея терпимости и толерантности, свободы совести приобретает новое качественное значение. Философы первыми осознают этот исторический момент (Б. Спиноза, Дж. Мильтон, Р. Уилсон, П. Бейл, Дж. Толланд, Дж. Локк). Они стали первыми, кто отстоял и развил концепцию терпимости, включая религиозную терпимость [2, 3].

В философском смысле понятие «толерантность» утвердилось как этическая категория, которая воздействует на моральный потенциал индивида, и в этом смысле выглядит как «категорический императив», который контролирует поведение индивида в обществе [7].

Это означает, что человек в своей сущности общения с другими, должен исходить из идеи вечной ценности многообразных достоинств другого человека. Именно такая посылка отличает одного человека от другого, а также объявляет вероятность множества развития субъективных вариаций, культур, народов и религий. В сегодняшних реалиях глобально развивающегося мира, где взаимоотношения и контакты между разными народами, культурами, религиями становятся необходимостью и повседневным явлением, терпимость должна стать нормой отношений между этими народами, культурами и религиями [6].

С психологической точки зрения, толерантность проявляется как характеристика человека, когда он взаимодействует с другими людьми. Код толерантного поведения обнаруживается добровольное предпочтение дружественных отношений с другими людьми, с коллективами, нациями, государствами, культурами и религиями [4, 5].

Современный социологический подход анализирует толерантность как систему личностных ценностей, которые смещены на уровень коллективного сознания общества. Именно социология изыскивает толерантность как характеристику личности в таких социальных институтах, как общественная мораль, обычаи, социальная психология, политическая и государственная идеология.

Среди современных исследователей нет единства в отношении проблемы концептуального аппарата «толерантности» и содержания компонентов этой конструкции. Г.В. Безулева, Г.М. Шеламова находят такие компоненты толерантной личности, как эмпатия, коммуникативная толерантность, критичность в общении с собой, самопринятие и принятие других [2].

С. Башиев, А. Геляев разбирают черты толерантной личности через уверенность в себе, самоконтроль, доброту [3]. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д. отмечают взаимное уважение, равенство, сохранение и развитие культуры, способность следовать традициям, свобода религии, сотрудничество и солидарность в решении общих проблем, позитивный словарный запас как критерии толерантности [1, 2].

Исследователи Н.В. Вязовец, В.А. Лаврова раскрыли черты, которые доминируют в толерантной личности: терпение, терпимость, самообладание, гуманизм, доверие, любопытство, слушание, альтруизм, чувствительность, чувство юмора, способность не судить других [6

Итак, анализ ряда философских, социологических, психологических источников позволил нам предложить симптомокомплекс толерантности: средний уровень страха, низкий уровень агрессивности и враждебности, умеренный уровень психической ригидности и эмоциональной устойчивости, высокий уровень эмпатии и общительности, доверие, открытость, самопринятии и принятие других. В симптомокомплексе толерантности возможны небольшая и умеренная психическая жесткость. Жесткость, проявляющаяся на высоком уровне, характерна для нетерпимого человека [22]. Терпимость реализуется только в процессе общения. В процессе толерантного общения возникает «чувство» другого человека, которое принимает его таким, какой он есть, способностью занять место другого и посмотреть на ситуацию своими глазами. Мы также включаем в симптомокомплекс такой компонент, как эмпатия, который накапливает способность человека ощущать те же чувства, что и другой человек. Эмпатия (от греч. Empatheia - эмпатия) - «понимание эмоционального состояния, проникновения и ощущения в переживаниях другого человека» [3]. Дословный перевод этого термина с греческого говорит о прямой связи между эмпатией и терпимостью, так как эмпатия определяет понимание другого человека на уровне чувств, желание эмоционального реагирования на его проблемы. Люди с низким уровнем эмпатии равнодушны к другим, эгоистичны, ориентированы на себя и поэтому нетерпимы к другим. Высокий уровень эмпатии выражается как ключевая характеристика, которая делает личность толерантной. Исторически первичная бинарная конфронтация «друзей» и «чужаков», в которую не входит толерантность, заключается в девизе «те, кто не с нами, против нас» [4, 7].

Следует заметить, что терпимое отношение к единообразию в поведении, как правило, неправильно и вредно для современного общества.

Реальная альтернатива конформистскому обществу в любых его версиях, когда вероятность того, что люди, которые следуют принятому поведению, будут терпеть даже тех, кто делает что-то не так даже на повседневном уровне, - очень мала. Добродетелью здорового общества выражается не в высоких показателях терпимости, а открытости и публичности гражданского общества, так как общество всегда является взаимодействием многих и что люди обусловлены существованием других.

Образование как важнейший социальный институт может либо сосредоточиться на образовании конформиста, который не способен мыслить самостоятельно, либо на свободе с развитым критическим мышлением.

Список литературы

1. Богданова, Л. Н. Исследование толерантности/ Л.Н. Богданова // Всероссийский криминологический журнал. 2011. №1.

2. Быстров, В.Ю. Проблема толерантности: методологические аспекты/В.Ю. Быстров // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2019. №3.
3. Лопухова, Ю. В. Методы изучения толерантности студентов/ Ю.В. Лопухова // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. №2-1.
4. Малахова, О.В. Философия толерантности/ О.В. Малахова // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. №3.
5. Пыхтеева, В. А. Формирование толерантности у студентов вуза/ В.А. Пыхтеева // Символ науки. 2018. №5.
6. Хазиева, Л. Р. Проблемы развития толерантности у студентов/ Л.Р. Хазиева // Достижения вузовской науки. 2013. №4.
7. Шадчин, И.В. Психолого-педагогические аспекты проблемы формирования толератности студентов СПО в современных условиях/ И.В. Шадчин, Е.А. Серебренникова // Инновационное развитие профессионального образования. 2013. №1 (03).

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС ВО В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «СПЕЦСЕМИНАР ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ»

Жайбалиева Л.Т., канд. ист. наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В соответствии с современными высокими требованиями последних лет, предъявляемыми к образовательным стандартам в историческом образовании, особую роль приобретает реализация требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО).

В соответствии с современным стандартом образования выделяются следующие виды образовательной деятельности бакалавров: научно-исследовательская, педагогическая, культурно-просветительская, экспертно-аналитическая, проектная и организационно-управленческая. Основные виды деятельности выпускника предполагают возможность работы преподавателем, а также в качестве сотрудников музеев, архивов, библиотек, эксперта и аналитика и т.д. Это в свою очередь предполагает наиболее комплексную подготовку студентов бакалавриата, обеспечение высокого уровня знаний по предметам согласно учебному плану.

В отличие от прежних государственных образовательных стандартов, ориентированных на федеральный компонент и соответствующие дидактические единицы, в соответствии с современным ФГОС ВО заданы требования не к обязательному минимуму, а к результатам освоения образовательной программы высшего образования, выраженном в компетентностном подходе [1]. Это фиксируется в паспортах компетенций для того, чтобы максимально исключить неоднозначность толкования содержания и наполнения образовательного процесса [4].

В плане подготовки историков-бакалавров одной из дисциплин выступает «Спецсеминар по всеобщей истории», относящейся к вариативной части цикла профессиональных дисциплин. Программа дисциплины дает представление об основных этапах и содержании всемирной истории, ее переломных моментах. В данном курсе особое внимание уделяется концепции единства человечества и исторического процесса, в зависимости от социально-экономических и общественно-политических условий на разных этапах всеобщей истории, а также с учетом исторических традиций различных народов и обществ. В основу положен также стадиальный подход к истории с учетом цивилизационной теории.

Рабочая программа курса «Спецсеминар по всеобщей истории» рассчитана на проведение лекционных занятий и лабораторных работ, активизацию самостоятельной работы студентов бакалавриата. Наиболее важной составляющей компетнентностно-ориентированного подхода в изучении дисциплины является установление непрерывности преподавания с использованием всей совокупности современных методов, направленных на активизацию соответствую-

щих стандарту компетенций, знаний, умений и навыков. Изучение дисциплины «Спецсеминар по всеобщей истории» предполагает, что студентами будет использована вся совокупность знаний, полученных в ходе изучения разнообразных дисциплин исторического и общегуманитарного циклов.

Освоение такого формата курса требует от студентов-бакалавров выполнения большого объема самостоятельной работы: освоение и закрепление теоретического материала по дисциплине; умение применить полученные знания для анализа материала, участие в групповой дискуссии, решение логических задач, формирование собственной позиции. Самостоятельная работа студентов определяется образовательным стандартом, учебным планом, рабочей программой, методическими указаниями, содержанием основной и дополнительной литературы. Большое внимание следует уделять подготовке интернет-ресурсов по дисциплине, планированию работы с электронными базами и библиотеками, использованию электронно-библиотечных систем, а также библиотечных фондов вузовской библиотеки университета.

Самостоятельная работа студентов должна быть дифференцирована по видам деятельности и уровню сложности, содержать заметный объем учебной информации и быть направленной на формирование навыков самостоятельного творческого поиска, без которого невозможно осуществление современного педагогического процесса [5].

Приоритетная роль в учебном курсе отводится самостоятельной познавательной деятельности студентов, ее активизации на протяжении всего изучения дисциплины. Особое значение при этом уделяется лабораторным работам, которые предполагают детальное изучение документов и источников, что позволяет студентам более глубоко вникнуть в исторический материал. Для подготовки к лабораторным работам студентам должны не только заранее предоставляться исторические документы, вопросы для обсуждения, список дополнительной литературы, форма проведения занятия, но и учебные кейсы, конкретные предложения по проведению деловых игр, список учебных фильмов и интернет-ресурсов для самостоятельного освоения дисциплины. При оценке полученных результатов следует руководствоваться требованиями фонда оценочных средств и индивидуальными способностями студентов работать как индивидуально, так и в группе.

Роль преподавателя при таком личностно-ориентированном подходе к организации самостоятельной работы студентов будет заключаться не только в определении результатов и организации работы, но также в ориентировании студентов на дальнейший исследовательский поиск, повышение уровня своих знаний в соответствии с предложенными стандартом компетентностными моделями [3].

Формы организации лабораторных работ могут отличаться большим разнообразием – от проведения традиционных для высшей школы дискуссионных занятий, до проведения деловых игр, тестов, использования материалов учебных фильмов. Одной из форм проведения подобных занятий может быть подготовка студентами докладов и презентаций с привлечением материалов элек-

тронных порталов и библиотек. Эта форма является и одной из самых предпочтительных, т.к. позволяет студентам развивать навыки публичных вступлений, участия в дискуссиях, формирует умение отвечать на вопросы в рамках учебного занятия и ставить новые познавательные задачи, формулировать и обосновывать собственную точку зрения по целому ряду вопросов [2].

Использование всевозможных тестовых материалов на лабораторных занятиях позволяет охватить максимально широкий круг учебных заданий, дать срез знаний студентов по наиболее важным темам курса. Тесты различного уровня и содержания могут быть рекомендованы к использованию при проведении как промежуточной семестровой аттестации, так и итоговой по дисциплине. При подготовке тестового материала следует руководствоваться конкретными образовательными целями, уровнем и глубиной проверяемой информации, созданием эффективной модели оценки полученных результатов. Необходимо определить структуру теста и расположения заданий, разработать спецификацию теста, осуществить выбор формы задания и времени на его выполнение. Дальнейшая стадия предполагает выбор на основе трудности заданий, распределяемых по уровню сложности, анализ качества содержания тестовых заданий. Следующий этап предполагает разработку инструкций для студентов и критериев оценки тестовых заданий.

Подготовка тестовых материалов может предполагать работу с несколькими содержательными разделами: 1) знание понятий, терминов и определений; 2) умение приводить оценочные суждения на основе установления причинно-следственных связей; 3) знание хронологии основных исторических событий; 4) делать выводы и обобщения; 5) задания с выбором; 6) задания на установление соответствий; 7) задания с конструируемым ответом.

Задания с конструируемым ответом предполагают, что студент самостоятельно должен придти к правильному ответу в условиях, когда готовые ответы не даются. Однако конструируемые ответы могут быть двух видов: когда предполагается получение кратких по содержанию и регламентированных по форме ответов; когда задание предполагает свободно конструируемый ответ – в этом случае он может выглядеть весьма развернуто, нередко представляя собой эссе. В любом случае текст тестового задания должен содержать тщательно выверенную и понятную формулировку, не содержать при этом противоречий.

Одним из видов задания является написание срецсеминарских работ по тематике курса «Спецсеминар по всеобщей истории». Используя эту форму работы, преподавателю необходимо контролировать постановку научных задач, определять структуру отчетной работы, которая должна соответствовать принципу логичности и решению поставленных в работе задач. Наиболее важными критериями при оценивании срецсеминарских работ на основе фонда оценочных средств должны являться – умение грамотно и четко формулировать научную проблему, использование корректных принципов цитирования и критического восприятия отобранной информации, умение работать с историческими источниками, ясность излагаемых мыслей и грамотность обобщений и выводов, работа со структурой и библиографическим оформлением спецсеминарской ра-

боты. Другим важнейшим критерием оценки качества выполненной работы должно быть наличие собственных выводов и конкретного отношения к изучаемой проблеме, т.е. личное погружение автора в контекст изучаемого процесса или эпохи.

Написание срецсеминарских работ должно быть направлено на достижение реализации в рамках компетентностного подхода умения студентов работать с историческими источниками, вести их классификацию, нарабатывать навыки начальной критики источников с использованием методов историко-сравнительного анализа. Выполнение данного вида работ одновременно является подготовкой для написания дипломных и курсовых исследований, что предполагает наработку навыков работы с библиотечными фондами и интернет-ресурсами, грамотное оформление библиографических ссылок, умение составлять историографические обзоры с использованием исследовательской литературы как на русском, так и на иностранных языках.

Одной из современных форм организации учебного процесса могут стать интерактивные занятия в форме коллоквиумов, предполагающие защиту студентами собственных проектов по целому ряду тем курса «Спецсеминар по всеобщей истории». Набор тематики может быть весьма широким – от основных подходов к изучению всемирной истории до современных международных отношений и внешней политики Российской Федерации в XXI веке. Наряду с иллюстративными средствами обучения в процессе лабораторных работ могут использоваться и средства групповой деятельности студентов.

Организация любой из форм учебного взаимодействия преподавателя и студентов должна исходить из понимания того, что в рамках Федерального государственного стандарта роль студента не сводится только к прослушиванию и воспроизводству учебного материала, а делает их субъектами мыслительной деятельности на уровне анализа, оценки и синтеза. При этом происходит и изменение традиционной роли преподавателя с транслятора информации на медиатора, создающего необходимые условия для формирования необходимых в процессе обучения навыков и компетенций. Следует помнить, что необходимым условием успешности любых образовательных технологий является активизация взаимного диалога преподавателя со студентом, направленного на постоянное развитие творческих умений и навыков, что выступает наиболее важной предпосылкой любого современного образовательного процесса.

Список литературы

1. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. – Режим доступа: http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/96. – 21.12.2020.

2. Исследовательский потенциал студента: монография / под ред. Н. В. Бордовской. – Москва: Ru-science com, 2016. – 259 с. – ISBN 978-5-4365-0452-0.

3. Никулин, А. А. Актуальные проблемы реализации самостоятельной работы студентов: теоретико-методологические основы / А. А. Никулин // Современное образование. – 2018. – № 2. – С. 95-103. – ISSN: 2409-8736.

4. Челнышкова, М. Б. Оценивание компетенций в образовании: учебное пособие / М. Б. Челышкова, В. И. Звонников, О. В. Давыдова. – Москва: Изд. дом ГУУ, 2011. – 229 с. – ISBN 978-5-215-02315-0.

5. Юланова, Н. Д. Основные проблемы организации самостоятельной работы студентов / Н. Д. Юланова // Педагогика высшей школы. – 2015. – № 1. – С. 29-32. – ISSN: 2410-7352.

КАЧЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПСИХИКИ ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКА

Захарова В. В.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Прежде чем сравнивать психику животного и человека, необходимо дать определение этому понятию. Так, в научной работе Б.М. Теплова психикой называют форму взаимодействия животного организма с окружающей средой. [1] Следует также отметить, что высшей формой психики является сознание. Сознание, согласно определению В.А. Лекторского – это способность мыслить, рассуждать, определять своё отношение к окружающей действительности. Данное состояние психической жизни организма присуще только человеку, об этом также важно помнить.

С давних времён существует несколько представлений о психике: идеалистическое и материалистическое. Так, идеалисты утверждают, что психика не является свойством живой материи, не является продуктом её развития. Например, в древнеегипетском трактате «Памятник мемфисской теологии» говорится, что устроителем всего существующего, вселенским архитектором является бог Птах и, что бы люди не помышляли, их сердцем и языком ведает он. Однако, идеалистические представления не всегда носят религиозный характер. Многие философы рассматривают психику, как нечто первичное, существующее самостоятельно и независимо от материи. Главными представителями идеализма являются Платон, В.Г. Лейбниц, В.Ф. Гегель, Д. Беркли и другие.

Другим представлением о психике является материалистическое учение. Философы этого направления утверждали, что психика - вторичное явление, произведённое исключительно от материи, а реальный физический мир может существовать и в отсутствии психики. Первыми материалистами принято считать Гераклита, Демокрит, Фалеса, Анаксимандра. После них данное течение также развивали Р. Декарт, Ф. Вольтер, К. Маркс, Ф. Энгельс и другие. Эти философы и мыслители говорили о единстве души и тела. [2] Однако, суждения первых материалистов сильно отличалось от последующего представления. Сейчас под материализмом принято понимать такое учение, согласно которому всё духовное зависит от материального и определяется им. Материалистический способ понимания вещей является полной противоположностью идеалистическому учению.

И всё же, вернёмся к понятию психики. Биологические исследования доказали, что человеческая и животная физиологии почти полностью совпадают. Данное утверждение весьма уместно, так как сам человек по своей природе является биологическим существом. Так, например, человек, как и животные, может общаться не только благодаря наличию речи, но и с помощью движений, мимики, прикосновений. Ещё одной чертой сходства является то, что психоло-

гия поведения и животного, и человека передаётся по наследству (реже усваивается в процессе жизнедеятельности). Наличие ощущений, элементарных форм восприятия, врождённого анатомо-физиологического аппарата, аппарата, обеспечивающего первичную сенсорную переработку раздражителей, превращение их в образы – всё это является общими чертами психики животного и человека.[1]

Для того, чтобы определить различия в психике животного и человека, рассмотрим в отдельности процессы их становления. Простейшие микроорганизмы не обладают психикой, для них характерна более элементарная форма отражения – раздражимость. Появление психической формы отражения действительности связана с возникновением простейшей нервной системы (характерна для кишечнополостных). У животных развитие начинается ещё на ранних этапах онтогенеза. В изучении данного аспекта очень важно учитывать индивидуальные особенности как особи, так и вида в целом. Поведение взрослого животного формируется из врождённых и благоприобритаемых элементом. Это было известно ещё со времен Ж.Б. Ламарка и Ч. Дарвина. [**Ошибка! Источник сылки не найден.**] Уже тогда поведение животного привлекало внимание многих учёных. Особенно большой интерес вызывали бессвязные движения, реализуемые на уровне бессознательного. Именно они, по словам зоопсихологов, являются той базой, которая необходима животному для выживания и возможности дальнейшего развития. Следующим этапом является развитие психической деятельности в пренатальном периоде. Уже в это время поведение животного можно разделить на врождённое и приобретаемое. Исследования А.Д. Слонима показали, что внутриутробные движения влияют на координацию физиологических процессов, связанных с мышечной деятельностью. Например, новорождённые козлята могут бегать до двух часов подряд, не чувствуя излишнего утомления. Такая возможность объясняется тем, что в ходе эмбриогенеза сформировалась координация всех функций, в том числе и вегетативных. Таким образом, необходимо отметить, что уровень развития психики напрямую зависит от уровня развития нервной системы – чем он выше, тем более развитой психикой обладает животное.

У человека развитие психики происходит от момента рождения, до зрелости. Развитие психики ребенка – огромный раздел предмета психологии, вызывающий особый интерес. В результате роста ребенка процесс изменения его психики происходит с особой скорость. Причём можно заметить не только количественные, но и качественные различия. Например, маленькие дети, как правило, легче запоминают стихи или иностранные слова, чем школьники. Не случайно, прежде чем углубиться в изучение данного вопроса учёные прежде всего определили этапы развития психики ребенка. Принято считать, психика человека в той или иной мере может быть сформирована уже к 17 годам. [3] Но это не значит, что развитие полностью останавливается. Человек продолжает учиться, ведёт познавательную деятельность. Формирование психики означает то, что с данного момента человек становится менее уязвимым для неблагоприятных факторов и явлений.

Ранее уже говорилось о сходствах психики животных и человека, однако, существует также множество отличий. Так, например, для человека в большей мере свойственна сознательная деятельность, которая практически всегда направлена на достижение того или иного результата. Также важно отметить то, что большинство знаний и умений человека формируются в обществе. Только в результате взаимодействия с другими людьми, человека способен развиваться в полной мере. Такие навыки не являются результатом его собственного опыта, они приобретаются в обществе, поэтому и отличают сознательную деятельность человека от поведения животного.

Ещё одной отличительной чертой является наличие чувств. Животные могут переживать как положительные, так и отрицательные эмоции, однако они не способны переживать интеллектуальные чувства. Что же касается человека, то ом может, например, сочувствовать в горе или радости другому человеку.

Человек, в отличие от животного, обладает речью. Животные же только подают сигналы своим сородичам. Такие сигналы говорят только о эмоциональных состояниях животного, в то время как человек с помощью речи способен передать информацию о времени и пространстве, передавая при этом общественный опыт. Именно благодаря такому общению человек может активно пользоваться опытом предыдущих поколений.

Различия в психике отражаются и на действиях живых организмов. У животных, например, деятельность возможна только благодаря биологической потребности. Она всегда остаётся в пределах инстинктивных, биологических отношений к природе. [6] Человек же осуществляет свою деятельность не только из-за биологической потребности. Причиной тех или иных действий могут стать социальные потребности, потребности в общении, саморазвитии и т.п.

Важно также отметить то, что животные иначе отражают в сознании окружающую их действительность, т.е. эта способность у них как бы ограничена. У человека же существует устойчивое объективно-предметное отражение действительности. [7] Например, обезьяна способна использовать палку в качестве орудия труда, однако ни одна обезьяна не способна создать орудие труда самостоятельно. Наблюдая за действиями другого животного, они не придут на помощь друг другу, ведь им не характерны коллективные действия. Этот пример касается не всех животных. Как и в любых правилах, здесь существуют свои исключения. Например, стаи шакалов, нападая на добычу могут помочь друг другу. Так же поступают в процессе охоты стаи волков или гиен. Однако, даже самое высокоразвитое животное не сравнится с человеком. От всех них человека отличает то, что он способен изготавливать оружия труда по продуманному плану и далее использовать их по назначению, а также сохранять на будущее. [8]

Память человека также намного больше, чем у животного. Животные могут пользоваться только той информацией, которую они приобрели в процессе своей жизнедеятельности. [9] Это прежде всего связано с ограниченностью их памяти. Человек же кроме собственного опыта использует опыт предков, тща-

тельно изучая историю. Он способен запоминать и хранить большое количество информации, далее передавая её будущему поколению.

Последним и самым главным различием является так называемая символизация. Символизация – психический процесс замещения одних образов другими образованиями, характеризующимися лишь отдалёнными свойствами. Это уникальное явление, присущее только человеку. [10]

Таким образом, человек по своей структуре является социально-биологическим существом. Он лишь частично схож с животными и одновременно с этим имеет ряд отличий. В его жизни природное и социальное неразрывны и дополняют друг друга. У животных же существуют такие формы поведения, которые на первый взгляд говорят об их интеллектуальном поведении. Однако, у них отсутствуют важнейшие психологические процессы, которые обеспечивают формирование общественного, коллективного опыта. Весь опыт, который животное может освоить в течение своей жизни базируется на подражании или на самостоятельном изучении. При сравнении психики человека и психики животного важно учитывать существенную разницу между ними. Не смотря на кажущиеся сходства между ними, споры среди учёных на данную тему будут вечны.

Список литературы

1. Блейхер, В.М. [Текст]: Толковый словарь психиатрических терминов / В.М. Блейхер, И.В. Крук. - Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. - 640 с.
2. Головин, С. Ю. Словарь психолога-практика [Текст] / С. Ю. Головин. - Минск: Харвест, 2005. - 976 с.
3. Ярошевский, М.Г. [Текст]: История психологии от античности до середины XX в. / М.Г. Ярошевский. Издательство: Директмедиа Паблишинг, 2008 г.- 772 С.
4. Теплов, Б.М. [Текст]: Психология / Б.М. Теплов. - М.: Учпедгиз, 1953. 254 с.
5. Фабри, К.Э. Основы зоопсихологии [Текст]: учеб. для вузов / К. Э. Фабри.- 6-е изд. - М. :[Б. и.], 2003. - 464 с.
6. Данакари, Л.Р. От психики животных к мышлению человека: поиск оснований / Л.Р. Данакари. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21002956
7. Луппова, Е.Д. Различия психики животных и человека» / Е.Д, Луппова, Н.И. Пепелина. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26079458
8. Колацкий, А.В. Психика и сознание у человека и животных / А.В. Колацкий. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32656964
9. Любимова, О.М. Развитие адаптационных возможностей человека: эволюция психики / О.М. Любимова. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21029548

10. Павленко, Н.Н. Основные принципы и закономерности взаимосвязи процессов обучения и развития психики человека / Н.Н. Павленко, И. Литвиненки. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26082718

11. Щербинина О.А. [Текст]: Объективные и субъективные условия, раскрывающие развивающий потенциал противоречий / О.А. Щербинина // The Scientific Heritage. 2020. № 46-4 (46). С. 67-69.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ, АДАПТИВНОСТЬ И ДЕЗАДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Игнатов А.В.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Психологическая адаптация - это процесс психологической включённости личности в системы социальных, социально-психологических и профессионально-деятельностных связей и отношений, в исполнение соответствующих ролевых функций. [4]

Об интересе ученых к проблеме адаптации свидетельствует разнообразие посвященных этому процессу исследований: о ее видах [2], содержании и показателях [5], этапах [1], о взаимосвязи с другими явлениями и феноменами. [3], [11]

А.А. Реан в одной из своих работ говорит о двухмерной классификации критериев адаптации. Он выделяет внешний и внутренний критерии. Внешний тесно связан с «приспособлением». Результат адаптации понимается как достижение желаемого поведения в среде и описывается в терминах эффективности, компетентности, успеха, внешнего благополучия. Внутренний же критерий, отражает общее психическое состояние, чувство удовлетворённости, комфорт, социальное самочувствие.

Согласование внешнего и внутреннего критериев: индивидуальных потребностей и требований среды, является основной задачей процесса адаптации. В этом контексте оптимальной адаптированностью можно считать лишь результат, удовлетворяющий требованиям двух критериев. Однако такое сочетание достигается нелегко. В большинстве случаев человек склонен адаптироваться либо на внутренний, либо на внешний критерий. Соотношение показателей адаптированности по внутреннему и внешнему критериям даёт четыре качественно различные формы адаптации, описанные моделью А.А. Реана. [10]

Так адаптация по внешнему критерию представляет собой достижение конвенционально принятого успеха и благополучия, однако это зачастую сочетается с высоким уровнем психического напряжения и выраженной неудовлетворенностью. При адаптации по внутреннему критерию, имеет место низкая успешность, а порой и отклоняющееся поведение, на фоне положительного субъективного самочувствия. Полная дезадаптивность имеет место в случае, когда переживаемая психическая неудовлетворенность сочетается с низким уровнем успешности и благополучия индивида. Противоположностью этому является системная адаптация – при которой высокая успешность сопровождается субъективным чувством удовлетворенности.

Современные сторонники психоаналитического направления выделяют два вида адаптации:

1) Аллопластическая – происходит благодаря изменениям окружающего мира, которые осуществляются человеком с целью приведению его к такому состоянию, которое будет соответствовать потребностям индивида.

2) Аутопластическая – осуществляется благодаря изменению самой личности, приспособлению к среде.

Зигмунд Фрейд же, выделял ещё один вид адаптации, заключающийся в поиске наиболее благоприятной среды.

А.К. Акименко была разработана авторская модель этапов адаптационного процесса:

1 Этап - Условия дисбаланса и их воздействия на личность. На этом этапе индивид испытывает негативные эмоциональные переживания, фрустрацию и стресс, которые могут быть вызваны внутренним или межличностным конфликтом.

2 Этап - Подготовительный этап адаптации. Аккумулирование информации о ситуации, ориентация в проблеме и её определение.

3 Этап – Стартовое психическое напряжение, вызванное вхождение в новые условия деятельности. Мобилизация ресурсов человека, генерация альтернатив – разработка многочисленно возможных вариантов решения проблемы, выбор оптимальной стратегии адаптивного поведения.

4 Этап – Острые психические реакции. Реализация поведенческой стратегии и анализ результатов.

5 Этап – Завершающая психическая разрядка. Наступает в случае благоприятного развития адаптационного процесса и состоит из комплекса эмоциональных и поведенческих реакций, связанных с вхождением в новую социальную среду. [1]

Адаптивность личности же – это способность к адаптации, приспособлению человека к существующим в обществе требованиям и критериям оценки за счет присвоения норм и ценностей данного общества. Адаптивность является интегральным свойством личности, играющим важную роль в разнообразных сферах жизни: в межличностных отношениях, в процессе усвоения социальных ролей, в профессиональной деятельности.

А.Г. Маклаков предложил структуру, представляющую собой описание адаптивности, через набор уровней, в которых она проявляется. Он считает, что адаптивные возможности определяются через уровень развития психологических характеристик, которые являются значимыми в регуляции процесса адаптации и психической деятельности. К данным характеристикам относятся: самооценка личности, уровень развития познавательных способностей, степень ориентации в общепринятых нормах поведения, наличие опыта общения, уровень конфликтности, уровень социальной поддержки, уровень нервно-психической устойчивости. Чем выше уровень перечисленных компонентов, тем более успешной будет адаптация, а область факторов внешней среды более значительной. [9]

Адаптивность личности раскрывается на трех уровнях:

- Императивно-социальный уровень - включает в себя качества, отражающие у личности представления о знаниях, культуре, нормах, морали и обществе.

- Личностно-содержательный уровень – отражает способность к сознательной регуляции поведения, избирательность в выборе среды, к которой адаптируется личность и в которой, соответственно, реализуется ее адаптивность, т.е. направленность адаптивных перестроек. А также самооценка личности, знания личности о своих адаптационных возможностях, отношение к себе как к адаптирующемуся субъекту. [2]

- Формально-динамический уровень - включает в себя совокупность качеств, которые отражают динамику протекания психических явлений.

Мерлин В.С. предложил интегральный подход в изучении адаптивности личности, в котором он раскрывает характеристики трех компонентов адаптивности, проявляющиеся на формально-динамическом уровне. [5]

В когнитивном компоненте адаптивность личности имеет функцию отражения изменяющейся действительности, то есть возможность получать сигналы об изменениях в среде, а также проводить оценку ситуации и на основании полученных знаний, прошлого опыта взаимодействия с этой средой, предвидеть последствия своих собственных адаптивных действий. [7]

В эмоциональном компоненте адаптивность представлена в форме переживания, которое сигнализирует о балансе системы «личность-среда», а также выполняет функцию отражения субъективного отношения личности к адаптационной ситуации. Если баланс нарушится, то актуализируется потребность в необходимости познания новой среды. [7]

Поведенческий компонент характеризуется психологическими характеристиками личности, представленными в способности к организации и регуляции деятельности в адаптационной ситуации, а также готовностью к совершению адекватных действий в дезадаптационных условиях. [7]

В случае если адаптационный потенциал личности недостаточно развит или компоненты адаптивности функционируют некорректно (недостаток знаний о культурных нормах, принятых в среде адаптации, неадекватная самооценка, неверная интерпретация пережитого опыта в прошлом и т.д.) личность может столкнуться с таким деструктивным явлением, как процесс дезадаптации.

Процесс дезадаптации - это определённый ход внутрипсихических процессов и поведения, который приводит не к разрешению проблемной ситуации, а к усугублению её, к усилению трудностей и вызывающих её неприятных переживаний. [4]

В зависимости от природы, характера и степени проявления принято выделять патогенную, психическую и социальную дезадаптацию.

Причиной патогенной дезадаптации являются функционально-органические поражения ЦНС. В зависимости от степени выраженности и глубины поражения ЦНС патогенная дезадаптация может бать устойчивой (психо-

патия, психозы, отставание в умственном развитии) или же иметь пограничный характер (тревожность, возбудимость, фобии).

Психическая дезадаптация связана с половозрастными и индивидуально-психологическими особенностями личности. Данный вид дезадаптации может носить устойчивый (акцентуации характера, снижение эмпатии, низкая познавательная активность, нарушение волевой сферы) и неустойчивый характер (кризисы развития, неравномерное психическое развитие, состояния, вызванные психотравмой).

Социальная дезадаптация проявляется в нарушении норм морали и права, деформации системы внутренней регуляции, ценностной ориентации и социальных установок. В дезадаптации социальной прослеживаются две стадии: педагогическая и соц. запущенность учащихся и воспитанников. Педагогически запущенные дети хронически отстают по ряду предметов школьной программы, сопротивляются педагогическому воздействию, демонстрируют различные проявления асоциального поведения: сквернословят, курят, конфликтуют с учителями, родителями и сверстниками. У социально запущенных детей и подростков все эти негативные проявления отягощены ориентацией на криминогенные группировки, деформацией сознания, ценностных ориентации, приобщением к бродяжничеству, наркомании, алкоголизму правонарушениям. [6].

Список литературы

1. Акименко А.К. Взаимосвязь представлений о лжи и стратегий поведения в системе социально-психологической адаптации личности: Дис. ... канд. психол.наук: 19.00.05. / А.К. Акименко, науч. рук. Р.М. Шамионов. - Саратов, 2008. 217 с
2. Березин Ф.Б. Психологическая и психофизическая адаптация человека / Ф.Б. Березин - СПб.: Наука, 2008. 260 с
3. Болдырева Т.А. Стиль межличностных отношений как детерминирующий фактор социально-психологической адаптации подростков с легкой степенью умственной отсталости и с нормативным развитием в условиях совместного обучения в общеобразовательной школе / Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 33-57.
4. Гордашников В.А. Образование и здоровье студентов медицинского колледжа / В.А. Гордашников, А.Я. Осин - Академия Естествознания – 2009. ISBN: 978-5-91327-045-0
5. Зотова О.И. Содержание и показатели адаптации личности / О.И. Зотова, И.К. Кряжева - М.: Наука, 2007. 352 с
6. Коджаспирова Г. М. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров — М.: Издательский центр «Академия», 2001, с. 33-34.
7. Лодде О.А. Анализ адаптивности личности с позиции структурного подхода / О.А. Лодде // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. - 2017. - №2А. - С.49-57

8. Мельникова Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: Учебное пособие. - Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. - 57 с.
9. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация / А.А. Налчаджян - М: «ЭКСМО», 2010, 368 с
10. Реан А.А. К проблеме социальной адаптации личности// Вестник СПбГУ. Сер 6. – 1995. – Вып. 3. – № 20. – С. 74–79
11. Щербинина О.А., Чаплинская В.С. Содержательные особенности ценностей студентов-первокурсников с различными показателями социально-психологической адаптации // В сборнике: Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 332-335.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ ЭМОЦИЙ XIX-XXВВ.

Иринина И.С.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Эмоции относятся к одному из проявлений индивидуального взаимоотношения личностик находящейся вокруг реальности и ксамой себе. Удовольствие, несчастье, боязнь, ярость, сочувствие, сострадание, равнодушие, влюбленность –нет конца словам, которые определяют разные оттенки эмоций.

Эмоции –этоособая группа психологических явлений, действий также состояний, сопряженных с инстинктами, нуждами. Они отражают окружающий мир в форме непосредственного опыта и отражают значимость для человека явлений окружающей его ситуации. Эмоциональные явления бывают положительными и отрицательными. Негативные эмоции появляются, если индивид ощущает недостаток, нехватку чего-либо, а позитивные - при удовлетворении потребностей.

Еще в далеком прошлом наши предки задавали вопросы о человеческих эмоциях. Демокрит, Эпикур, Сократ, Платон и другие рассуждали об эмоциях, отвечая на вопрос о том, что лежит в основе регуляции поведения человека – эмоции или разум. По мере развития психологии изменялись феномены и проблемы, в связи с которыми и в контексте которых рассматривались эмоции. Мы остановимся на теориях эмоций XIX-XX вв. С именем Ч. Дарвина связано понимание эмоций как продукта процесса эволюции, как средства, с помощью которого живые существа определяют значение определенных условий для удовлетворения своих реальных потребностей. Первичные эмоции были способом поддержания жизненного процесса в его оптимальных границах и предупреждения о разрушительном характере недостатка или избытка каких-либо факторов.

В 1872 году Ч. Дарвин опубликовал книгу «Выражение эмоций у человека и животных», которая стала поворотным моментом в понимании взаимосвязи между биологическими и психологическими явлениями, в частности, телом и эмоциями. Было доказано, что принцип эволюции применим не только к биофизическому, но и к психологическому и поведенческому развитию живых существ, что между поведением животного и человека нет непроходимой пропасти.

Ч.Дарвин показал, что во внешнем выражении различных эмоциональных состояний, в выразительно-телесных движениях антропоиды и слепорожденные дети имеют много общего. Эти наблюдения легли в основу теории эмоций, получившей название эволюционной. Эмоции, согласно этой теории, возникли в процессе эволюции живых существ как жизненно важные приспособительные механизмы, способствующие адаптации организма к условиям и ситуациям его жизни.

Чарльз Дарвин подтвердил эволюционные подходы к изучению эмоций. Он описал многочисленные сходства между выражением эмоций у людей и животных. Основываясь на этих данных, он пришел к выводу, что выражение эмоций отражает врожденные биологические механизмы, которые возникли в результате естественного отбора. [1]

Следующий шаг в развитии биологической теории эмоций проделал П.К. Анохин. В соответствии его исследованиям, позитивные эмоции появляются в случае совпадения результата поведенческого акта с ожидаемым результатом. В противном случае, если совершение механизма не ведет к желаемому результату, появляются отрицательные эмоции. Таким образом, эмоция является инструментом, регулирующим жизненный процесс и который способствует сохранению отдельной особи и всего вида в целом.[2]

Рассматривая проблему эмоций, П.К. Анохин выделяет, что эмоции охватывают все тело и придают состоянию человека определенное биологическое состояние. Благодаря практически мгновенной интеграции всех функций тела эмоции могут быть абсолютным сигналом о благотворном или вредном воздействии на организм, часто предшествуя определению локализации воздействия и конкретного механизма реакции организма. Именно благодаря эмоциям организм быстро оценивает характер воздействия, и руководствуется самым древним и универсальным критерием из всех живых существ - желанием выжить; это придавало эмоциям универсальный смысл в жизни организма. Он рассматривает эмоциональные состояния «как естественный факт природы, как продукт эволюции, как адаптивный фактор в жизни животного мира». При этом он опирается на теорию эволюции Чарльза Дарвина. По нему сохраняются только полезные устройства. Исходя из этого, эмоциональные состояния, не только сохраненные в процессе эволюции, но и развитые до определенного уровня, не могли быть сохранены и закреплены по наследству, если они были хоть немного вредны или бесполезны для жизни. В то же время Анохин утверждает, что вопрос сводится только к тому, в чем, собственно, состоит биологическая и физиологическая полезность эмоций в реализации функций организма. П.К. Анохин, отвечая на этот вопрос, утверждает, что в процессе эволюции эмоциональные ощущения закрепились как некий инструмент, удерживающий процесс в его оптимальных границах. Таким образом, эмоции препятствуют деструктивному характеру дефицита и избыточной информации о любых факторах жизнедеятельности организма. [3]

Далее У. Джеймс и независимо Г. Ланге сформулировали моторную или периферическую теорию эмоций. Согласно этой теории, эмоции вторичны по отношению к поведенческому акту. Это всего лишь реакция организма на изменения в мышцах, кровеносных сосудах и внутренних органах, которые происходят во время воздействия. Теория Джеймса-Ланге сыграет положительную роль в развитии представлений о природе эмоций, указывая на связь между тремя звеньями цепи: внешним стимулом, поведенческим актом и эмоциональным опытом. Однако сведение эмоций только к осознанию ощущений, прояв-

ляющихся в результате периферических воздействий, не объясняет связи эмоций с потребностями.

У. Джеймс и Г. Ланге раскрыли роль физиологических процессов в эмоциональном переживании. Они выдвинули гипотезу, что эмоциональный опыт основан на восприятии состояния и что различные эмоции генерируются восприятием различных паттернов изменений в мышцах и периферической нервной системе. [4]

П.В. Симонов проводил исследования в этом направлении. Он сформулировал информационную теорию эмоций. Согласно этой теории, эмоция – это отражение соотношения величины потребности и вероятности ее удовлетворения в данный момент. П.В. Симонов считал, что потребность выступает побудительным мотивом любого действия, в том числе повседневного, автоматизированного, осуществляемого на эмоционально нейтральном фоне.[5]

Согласно теории П.В. Симонова, в организме человека есть объективно определенные потребности, не зависящие от сознания. Мотивация – это результат осознания этой потребности, что приводит к формированию цели деятельности. В этом случае активность может быть двух видов: по приближению желаемого события и по устранению нежелательного. [6]

П.В. Симонов также подчеркнул информационный характер эмоций. Важно отметить, что эмоции – это психический механизм, выполняющий определенные функции. В процессе работы этого механизма возникают различные психические состояния, которые еще называют эмоциями. Можно сказать, что эмоция – это психическое состояние, возникающее в результате когнитивной обработки информации, которую можно получить извне, извлечь из памяти или даже придумать, придумать. Эмоция регулирует количество энергии, выделяемой телом для решения проблемы, связанной с полученной информацией. Количество энергии определяется уровнем физиологического возбуждения. Эмоция также определяет, в самых общих чертах, последовательность действий, которая вызвана полученной информацией. Например, страх заставляет вас бежать или прятаться, гнев заставляет вас атаковать, интерес побуждает исследовать, надежда заставляет ждать и т. д. [7]

Как видим, в XIXи в первой половине XXвека преобладало биологическое и физиологическое понимание природы и функций эмоции, подчеркивающие преемственность психической организации животных и человека и важнейшее значение сигнальной функции эмоций в организации жизнедеятельности организма. Новым направлением изучения стал информационный подход к эмоциям, связывающий эмоции, прежде всего, с процессами когнитивной обработки информации. Однако объединяет названные подходы утверждение взаимосвязи эмоций и потребностной сферы их носителя.

Список литературы

1. Дарвин Чарльз. О выражении эмоций у человека и животных. [Текст]: Дарвин Чарльз- СПб.: Питер, 2001- 384с

2. П. К. Анохин. Эмоции. [Текст]: Бол.мед.энци-ия/ П. К. Анохин. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984-288с

3. П.К. Анохин. Теории эмоций. Биологическая теория. [Текст]: П.К.Анохин Изд-во «МИР» ,1966-267с

4. Сидоров П.И., Парняков А.В. Введение в клиническую психологию. [Текст]: Уч. для студ. Мед. Вузов/ Сидоров П.И., Парняков А.В. - М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000-416 с.

5. Симонов П.В. Что такое эмоция?. [Текст]: П. В. Симонов - Изд-во "НАУКА" , 1966-254с

6. Симонов П.В. Метод К.С. Станиславского и физиология эмоций. [Текст]: П.В. Симонов – М.: Кн по Треб, 2012-86 с.

7. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. [Текст]: П.В. Симонов- М.: Наука, 1981-298с

8. Щербинина О.А. Материалистические и идеалистические тенденции в развитии психологии. [Текст]: О.А. Щербинина. Актуальные проблемы психологии и педагогики. Материалы международной научно-практической конференции. Оренбургский государственный университет. 2016. С. 695-700.

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Качаева О. В.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Фольклорное наследие – явление духовной жизни, быта, уклада, воспринятое от прежних поколений [5]. Это специфический «продукт истории» и даже «сама история» не только отдельного человека, но и человеческого сообщества в целом [7, с. 41]. В современном понимании фольклорное наследие трактуется как составляющая часть культурного наследия, связанная с нематериальными и материальными ценностями [1, с. 12], сущностная часть культуры народа [2].

В формировании культуры Оренбургского региона принимали участие русские крестьяне из центральных и южных губерний России, коренные среднеазиатские народы, населяющие российское пограничье, казаки, направленные на освоение этих территорий, а также маргиналы, беглый люд, укрывающийся от власти в пограничье империи. Культура региона складывалась на протяжении конца XVII-XIX веков – этот процесс не завершен и сегодня. Специфические характеристики фольклорного наследия сложились на основе устной культуры русских, малороссов, насыщенной этнической спецификой культур народов, исторически включенных в процесс культурогенеза, а также культуры оренбургского и уральского казачества. Сложность складывающейся системы дополнялась поликонфессиональностью, жесткостью культурных практик, диктуемых пограничным положением, этатизмом русского крестьянства и постоянным полувоенным положением в связи с внешними и внутренними проблемами российского государства. Это определило особый облик региональной культуры и музыкальной традиции Оренбуржья.

Исследование фольклора и этнической культуры региона, российского пограничья ведется с конца XIX – начала XX века. Первые работы принадлежат *Ф. М. Старикову, А. И. Мякутину, Ф. Н. Баранову, А. И. Кривощёкову* [9, с. 6]. Литература, основанная на многолетних исследованиях фольклорного наследия Оренбургской области, выполняет важные просветительские и познавательные функции, актуальные в современную эпоху. Своеобразие Оренбургского края, отраженное в народной традиционной культуре и фольклоре, – важный компонент отечественной культуры, формирующий представление об Оренбургском регионе. В течение трех столетий фольклорное наследие являлось объектом пристального внимания краеведов, этнографов, историков. Записывая и изучая виды и формы региональной культуры, они внесли серьёзный вклад в развитие науки Оренбуржья и России в целом, описывая *объекты духовного наследия*[1],

[1] По статистическим данным, в соответствии с проведённым анализом, специалисты ГАУК «РЦРКОО» в Оренбургской области с 2012 по 2020 гг. насчитывают 296 объектов нематериального культурного (духовного) наследия.

заложили основу для развития региональной фольклористики [3]. Эта работа продолжена в научных трудах *Л. И Райковой*, *Г. И. Биушкина*, *О. И. Рукавицыной*, *А. В. Федоровой*, *С. В. Мирошниченко*, *А. Ю. Руденко*, *В. А. Позднеева.* Серьезные издания по оренбургскому фольклору, созданные на основе многолетних фольклорных экспедиций в оренбургские русские села Оренбуржья, принадлежат *Н. М. Савельевой* – доктору искусствоведения, профессору Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, автору более 30 научных работ, которые освещают проблемы региональной специфики стилей в русском народном творчестве [9].

Универсализация и интеграция, характеризующие современную мировую культуру, поставили перед современным исследователем вопросы сохранения самобытности народов, актуализировали проблемы сохранения фольклорного наследия. Один из самых главных вопросов, который сегодня ставят фольклористы и культурологи, – это вопрос «как сохранять?» [6].

Фольклор в настоящее время существует в двух формах, одна из которых – это собирание документированных артефактов (аудио- и видеозаписей, нотных транскрипций, документов микроистории: дневниковых записей, фотособраний и свидетельств очевидцев и т. п.), сосредоточенных в разных государственных и частных архивах. Такие собрания несут огромную ценность, так как повторить их в аутентичной форме сегодня невозможно. Дополнительная сложность в работе с таким материалом в том, что архивы содержат только часть информации о духовном наследии и не представляют культуру в целом, а также в том, что материал постоянно утрачивается при переездах, передаче от одного владельца – *другому*[2], при пожарах, катаклизмах и т.п. Несмотря на то, что эта проблема жестко связана с системой образования и воспитания, сегодня она все еще не решена и для Оренбургской области, и для государства в целом, а фольклорные архивы (за исключением *Фонограммархива ИРЛИ РАН*[3]) не имеют статуса государственных, а значит, и юридической защиты, необходимого финансового и технического обеспечения для их сохранения, обработки, использования и тиражирования.

Другая сторона проблемы современного фольклорного наследия состоит в использовании возможности сохранения жизни и традиционной культуры, а значит, и фольклора, на местах, в условиях бытования в своей социальной и природной среде. Наш край – один из регионов России, в котором сохранились (при определенных утратах) «гнезда» народных традиций и традиционного фольклора. Их жизнь включена в современную культуру и постоянно подверга-

[2] Так, фольклорный архив Оренбургского ГТРК исчез при смене собственника, а видеоматериалы просто не сохранялись – размагничивались как ненужные.

[3] Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской Академии наук — одно из ведущих этномузыковедческих хранилищ страны. Его цель — хранение звуковых материалов отечественного народоведения, систематическая запись образцов фольклора и их изучение, пропаганда через издания (в том числе звуковые).

ется модернизации и унификации на основе современных форм организации бытовой культуры и массового музыкального искусства. Сохранение глубинной самобытной культуры невозможно без создания государственной программы поддержания жизни малого села, системы школьного образования, воспитания и подготовки специалистов-профессионалов. С утратой государственной системы клубных учреждений, в которых проводилась такая работа (хотя и не решала полностью проблему), работа по сохранению фольклорного наследия усложняется. Из системы клубных государственных учреждений она переходит в руки отдельных знатоков, краеведов и собирателей старины [6].

Фольклорное наследие Оренбуржья складывалось на протяжении последних столетий в условиях российского пограничья, взаимодействия коренных народов, крестьян южных губерний России и казачьей культуры из разных регионов Российской империи. Особенность формирования крестьянской культуры Оренбуржья – в специфическом взаимодействии культуры государственных крестьян, крестьян из помещичьих хозяйств и крестьян-однодворцев. Культура сел Оренбуржья складывалась в процессе многократного переселения крестьян южнорусских губерний в Сибирь. Часть переселенцев, не закрепившихся там, поворачивали назад и при возвращении на родные места оседали на оренбургской земле [4, с. 18-19]. Наглядный тому пример – история Александровки 1 Саракташского района, которая была образована крестьянами-переселенцами из Тамбовской губернии. На пути в Сибирь они первоначально пытались закрепиться в Омской области, но не прижились там и на обратном пути осели в Оренбургском уезде близь реки Сакмары на землях, принадлежавших Воздвиженской крепости. Поселившись на казачьей земле, крестьяне стали казаками. Длинный путь и утраты, связанные с формированием фольклорной культуры Александровки 1 Саракташского района, не способствовали сохранению бесценного традиционного материала [10]. Подобные проблемы характеризуют значительную часть культуры русского крестьянства Оренбуржья. Несмотря на это, оренбургский фольклор сохранил ряд специфических особенностей крестьянской культуры тех мест, из которых выехали крестьяне (песенная культура переселенцев из Тамбовской губернии, например, и сохраненный музыкальный материал не уступает тому, что живо в селах Тамбовской области) [9].

Оренбургский фольклор отражает историю региона, связан с расширением границ государства, волнообразным типом переселения русского крестьянства и его социокультурной неоднородностью. Исторически обусловленное формирование традиционной культуры региона определяет содержание и формы фольклора. Специфику культуры степных народов Оренбуржья, вошедших в состав России, в значительной степени задают находящиеся в непосредственной близости метрополии – национальные государства с доминирующей этнокультурой. Это позволяет объяснить появление и сохранение только в русской культурной традиции исторических песен, отражающих известные события российского и местного масштаба: войны, революции, восстания, военные походы. Фольклорные русские тексты хранят традиционное видение и толкование российской истории. Особая социокультурная специфика сохранена в песенном

фольклоре Оренбургского казачества и крестьянства. Традиционные тексты отражают условия формирования культуры Оренбуржья и позволяют говорить о его особой роли в государстве и коммуникационной природе в системе взаимодействия этносов и культур. Оренбургский казак – служилое сословие, государственные люди (так они сами себя характеризовали, и это отметила И. И. Шангина[4] в своих экспедициях по Оренбуржью). В текстах отражено отношение к народам, с которыми казаки встречались в военных походах, и к степным народам, с которыми они близко соседствуют (поляк – *неугомонный*, француз – *беспокойный*, киргизушка-*бисурманушка* и т.п.).

Фольклор в Оренбуржье складывался в условиях активного взаимодействия этнических культур. Сегодня специфику такого взаимодействия можно было наблюдать в повседневной жизни оренбургских сел и во время народных праздников на сельском, районном и областном уровне. Непротиворечиво сосуществуя, в оренбургских селах сохранялся фольклор русских и украинцев, самобытность татарской и башкирской культур, традиционные формы культуры всех народов Оренбуржья. Основой остается наиболее древний механизм взаимодействия этносов на повседневном уровне – симбиоз. Такое положение позволяет сосуществовать на уровне повседневности при минимальном воздействии современной культуры в её массмедиа вариантах, но не соответствует современным формам и механизмам сохранения и тиражирования культуры, активно разрабатываемым современными западными соседями России.

Особая роль в сохранении фольклорной традиции, сложившейся в культуре советского типа, принадлежит самодеятельным фольклорным коллективам Оренбуржья. В настоящее время насчитывается 239 фольклорных коллектива, которые сохраняют местную песенную традицию и несут её в народные массы. Можно отметить самодеятельные фольклорные ансамбли, которые сегодня работают с традиционным материалом[5] [11].

Важная задача для собирателей фольклора – успеть записать старинные песни, аутентичный материал, пока живы те, кто помнит их и может передать потомкам. Задача для профессиональных фольклористов – изучать, собирать, сохранять и пропагандировать традиционный местный материал. Проблемы сохранения фольклорного наследия остаются значимыми и актуальными для многих культурологов, этнографов и музыковедов, которые успешно продолжают исследовать богатейшее фольклорное наследие Оренбургского края, уделяя в

[4] Доктор исторических наук, зав. историческим отделом Санкт-Петербургского этнографического музея.

[5] Это: «Перегода» г. Оренбурга, «Светит месяц» (рук. Марина Гладышева) и «Забава-Орь» (рук. Татьяна Скопинцева), г. Оренбург, народный детский фольклорный ансамбль «Благодать» (рук. Елена Сарычева) Григорьевского сельского Дома культуры Соль-Илецкого городского округа, народная фольклорная группа «Степнянка» (рук. Ирина Фазлиахметова) Бриентского сельского Дома культуры Кваркенского района, народный фольклорный ансамбль «Соберки» (рук. Валентина Плетнёва) Борисовского сельского Дома культуры, фольклорная группа «Куделька» (рук. Мария Меркулова) Алексеевского сельского Дома культуры Пономарёвского района, народный фольклорно-этнографический ансамбль «Сударушка» (рук. Мария Санкова) Каменногорского сельского Дома культуры Северного района, народный фольклорный ансамбль «Подружки» (рук. Наталья Голышева) Северного районного Дома культуры.

своих историко-культурных исследовательских работах особое внимание анализу обыденных практик, а также современным повседневным формам бытования народной традиции.

Проблемы, связанные с исследованием традиционной культуры и фольклорного наследия, избыточно актуальны. Роль традиционной культуры в современном мире трудно переоценить. Сохранение фольклорного наследия – это важный вклад в культуру России XXI столетия, её сохранение и процветание [10].

Список литературы

1. Воробьёва, Т. В. Фольклорное наследие в условиях индустриально развитого региона: автореферат на соискание ученой степени кандидата культурологии / Т. В. Воробьёва. – Кемерово: ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», 2009. – URL: http://cheloveknauka.com/folklornoe-nasledie-v-usloviyah-industrialno-razvitogo-regiona (дата обращения 19.12.2020).

2. Исаенко, В. А., Оренбургский государственный академический русский народный хор / В. А. Исаенко. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2010. – 256 с.

3. Малый, П. П. Русские народные песни Оренбургской области / П.П. Малый. – М.: Советский композитор, 1980. – С. 3-14.

4. Моисеев, Б. А. Топонимические очерки Оренбуржья. Научно-популярное издание/ Б. А. Моисеев, [послесл. Е.Н. Бекасовой]. – Оренбург: Издательство «Оренбургская книга», 2016. – с. 18-19.

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс [и др.], 2009. – 1359 с. – URL:https://ozhegov.slovaronline.com (дата обращения: 8.12.2020).

6. Пашина, О. А. Традиционная народная культура в контексте современности / О. А. Пашина // Традиционная народная культура: исторический опыт и пути дальнейшего развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Г. И. Биушкин. – Оренбург: ООО «Печатный дом «Димур», 2012. – С. 61-66.

7. Савельева, И.М. История и время: в поисках утраченного / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Языки русской культуры, 1997. –800 с.

8. Савельева, Н. М. За Уралом, братцы, за рекой. Народные песни и наигрыши оренбургских казаков. – Оренбург: ООО «Печатный дом «Димур», 2009. – 264 с.

9. Скопинцева, Т. Ю. Как во саду было во садику…/ Т. Ю. Скопинцева, И. П. Посадская; ГАУК «РЦРКОО». – Оренбург: ИПК «Газпресс» ООО «СервисЭнергоГаз», 2018. – 100 с.

10. Скопинцева, Т.Ю Проблемы наследования наследия в современной российской культуре / Т.Ю. Скопинцева // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований. Мате-

риалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 665-671. – URL: https://elibrary.ru/authors.asp (дата обращения: 14.12.2020).

11. Хавторин, Б. П. История музыкальной культуры Оренбургского края (XVIII - XX века) / Б. П. Хавторин. – Оренбург: ФГУП «ИПК» Южный Урал, 2004 – 628 с.

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Коваль А.Д.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет».

Актуальность выдвинутой нами проблемы заключается в том, что феномен свободы является и по сей день одним из ключевых факторов человеческого существования. Благодаря свободе человек может самоопределиться в жизни, самореализоваться и добиться невероятных высот в любой сфере современного общества.

Данная проблема по сути своей является неисчерпаемой. Ведь категория свободы проявляется в различных аспектах и соответственно имеет огромное количество определений. Что позволяет нам сделать вывод о том, что феномен свободы многозначен и многомерен. И на сегодняшний день особую значимость приобретает именно рассмотрение в условиях глобализации проблемы свободы.

По мнению Р. Г. Апресяна, в самом общем смысле свобода – это отсутствие давления или ограничения. И похожее значение слова отражено в словаре В. Даля: «свобода» – своя воля, простор, возможность действовать по-своему, отсутствие стеснения, неволи, рабства [2, 209]. И с данным определением трудно не согласиться. Ведь свобода для человека действительно означает неимение каких-либо сдерживающих факторов, а также обладание у индивида возможности выбора. Но тут необходимо сделать оговорку и подчеркнуть тот факт, что выбор реален только в том случае, если присутствуют альтернативы, которые непосредственно доступны познанию человека. Другими словами, человек сам решает быть ему добрым или злым, плохим или хорошим, помогать кому-то или нет.

Нужно также отметить, что многие люди могут быть ограничены в выборе просто, потому что они бояться исхода событий, не могут принять данную им возможность и продолжают жить, к сожалению, по диктату общества. Но бывают и другие ситуации, никоим образом не зависящие от человека, это страхи за собственную жизнь, за жизнь родных и близких людей, когда ты понимаешь, что другого выбора просто нет и ты вынужден жить под давлением других людей, власти, либо под давлением своих же собственных страхов. Правда от страха очень трудно избавиться, особенно от страха самой свободы.

Так что надо сказать, что свобода, конечно, заключается не только в отсутствии ограничений, но это также, с точки зрения Р. Г. Апресяна, характеристика действия, совершенного: а) со знанием и учётом объективных ограничений; б) по собственному произволению – не по принуждению и в) в условиях выбора возможностей [2, 210].

Феномен свободы в истории философии претерпел длительную эволюцию. Многие известные философы занимались разработкой данной проблема-

тики. Например, в античной философии свобода предстает в качестве ценности всеобщего блага, это добро, высшая добродетель. Значительные изменения произошли в философии Нового времени и в эпоху Просвещения, категория свободы приравнивалась к гражданским, демократическим идеалам. Другими словами, свобода стала неотъемлемой составляющей каждого человека [3, 4].

На сегодняшний день самым верным и актуальным, по нашему мнению, считается тот факт, что свобода – не вещь, не субстрат, но именно способность. И эта способность либо развита у человека, либо она по сути своей отсутствует в целом [1, 25].

По мнению Г. Л. Тульчинского, обладание свободой ни к коем случае не предопределено генетически, а обретается человеком при определенных условиях [4, 203].

В философии XIX – XX веков выделяли различные виды, формы свободы: свободу позитивную и негативную, свободу хотения и свобода деяния, свобода как феномен самосознания и свобода как феномен социальной жизни… [4, 202].

И тут нам сразу вспоминается концепция философа Э. Фромма, который в своей работе «Бегство от свободы» пишет о том, что в обществе преобладает «свобода от» над «свободой для». Согласно данной концепции «свобода от» – это негативная, отрицающая и в то же время разрушающая зависимость «от» – от сил природы. В данном случае у человека возникает свобода выбора и он может дорасти до позитивной свободы. «Свобода для» – это и есть позитивная философия, которая в свою очередь предполагает полную реализацию способностей человека и подчеркивает индивидуальность каждого из нас.

«Свобода для» не имеет внешних проявления, не даруется кем-то сверху, поэтому её намного сложнее определить, чем «свободу от». Э. Фромм даёт такое определение данной свободы: «свобода нового типа, которая позволит нам реализовать свою личность, поверить в себя и в жизнь вообще» [3, 30]. Современному человеку, безусловно, не достаёт именно этой свободы, позитивной.

Далее хотелось бы отметить ещё один факт, который является достаточно очевидным и известным, взаимосвязь свободы с такой категорией как ответственность. Ответственность личности идёт в соотношении «я должен» – «я могу». Она предполагает, что индивид всегда отвечает за свои поступки. Как сказал И. Кант: «Ты должен, значит, ты можешь» [4, 184].

Трудно не согласиться со словами Г. Л. Тульчинского, который пишет о том, что существуют границы у свободы и ответственности, и они совпадают. Только там, где человек свободен, где им свободно принимаются решения, свободно совершаются действия, только за них, их последствия индивид и отвечает. И наоборот – каждый из нас может быть ответственен только за то, в чём проявилась наша свобода [4, 207].

Но, что всё-таки первичнее, свобода или ответственность? Нам кажется разумным, что ответственность порождается свободой, а свобода в свою очередь направляется ответственностью. Эти две категории являются связующим звеном для разумной, сознательной деятельности людей.

Ответственность в некоторых случаях может быть снята с человека, например, когда индивид выполняет приказ (военные), либо, когда возникает ситуация совета одного человека другому. В данном случае ответственность будет лежать на человеке, который дал совет.

Ещё хотелось бы отметить, что зачастую человек совершает выбор между двумя видами добра или ценностями, а не между добром и злом. Конечно, индивид будет нести ответственность за свой выбор. В данном случае мы можем вспомнить произведение Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Женщине пришлось выбирать между любовью и ребёнком, она не смогла справиться с данным выбором, и мы знаем итог сего произведения.

Мы не вправе осуждать поступки других людей, всегда нужно отвечать и смотреть только на себя, на свои дела, действия, следить за своей жизнью, а не критиковать свободный выбор других людей.

Достаточно вспомнить высказывание М. А. Бакунина, который пишет о том, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. Другими словами, свобода одного человека никогда не должна вредить свободе другого.

На самом деле проблема свободы в современном мире актуальна как никогда, ведь некоторые люди не способны существовать самостоятельно, они привыкли выполнять чьи-то указы, приказы (родители, учителя и так далее). Именно, поэтому эти люди чувствуют себя беспомощными, ни на что негодными.

Из всего вышеизложенного мы можем сделать такой вывод, что, безусловно, свобода – это прекрасно, чувствовать себя свободным, ни от кого не зависимым, никому не подчиняющимся. Каждый из нас должен понимать, что, совершая свободный выбор человек несёт за него ответственность не только перед самим собой, но и обществом.

Свобода в свою очередь представляет собой одно из основных сущностей человеческого бытия. Она проистекает из самой природы человека, таким образом, выделяя его из мира животных. С осознания собственной свободы у человека начинается самоопределение, самосознание как личности или просто осознание собственной свободы. Так как индивид, один раз осознавший себя свободным, при её отсутствии чувствует дискомфорт, чувство собственной неполноценности [3, 142].

Свобода – одна из философских категорий, характеризующих человека как многомерного, что определяется возможностью личности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, в не вследствие внутреннего или внешнего принуждения.

На каждом новом этапе своего исторического развития человечество по-новому разрешает проблему свободы в зависимости от уровня развития культуры и науки, доминирующих идеалов, ценностей и представлений. Степень свободы зависит от непосредственных условий, в которых осуществляется человеческая деятельность [3, 143].

Свободен ли сейчас человек в своих желаниях, мыслях? Может ли каждый из нас совершать свободный выбор или мы находимся под влиянием общества, других людей? Как современному человеку стать свободным? И возможно ли это? Возникает очень много вопросов, на которые нельзя ответить однозначно.

Список литературы

1. Беляев, И. А. и др. Человек самоопределяющийся: Монография / И. А. Беляев, В. В. Кашин, А. М. Максимов и др.; под ред. И. А. Беляева. – Екатеринбург: УрАГС; Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2004. – С. 25.

2. Гусейнов, А. А., Апресян, Р. Г. Этика: Учебник / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2000. – С. 209-210.

3. Омарова, Л. Б. Эволюция понятия «свобода» в философии и обществе: Монография / Л. Б. Омарова. – М.: Прометей, 2020. – С. 4, 30, 142-143.

4. Тульчинский, Г. Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе / Г. Л. Тульчинский. – Спб.: Алетейя, 2020. – С. 184, 202-203, 207.

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ВКЛЮЧЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНУЮ ОБЩНОСТЬ

Колесникова И.В., канд. филос. наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В течение жизни человек проходит длительный путь внедрения и адаптации в социальные общности. Характерной особенностью социальной общности является то, что именно на ее основе проходит процесс социализации и использования приобретенного набора компетенций. Как известно, под социальной общностью понимают совокупность людей, которую характеризуют некоторые одинаковые черты жизнедеятельности и сознания. Они многообразны и складываются в сфере общественного производства (классы, страты, профессиональные группы и т.п.), формируются по этническому признаку (народности, нации), на основе демографических различий (половые, возрастные) и т.д. Социальные связи способствуют функционированию и развитию социальной общности.

Сущностные силы каждого человека, особенно в молодости, кажутся безграничными, но не каждый может найти возможность и способ реализовать их, выбрать правильный жизненный путь, отыскать свое место в социуме. Для этого необходима компетентная социальная ориентация, определение человеком своего места в системе общественных отношений, выбор желаемого социального положения и способов его достижения.

В советское время включенность в процесс социализации проходила постепенно и при помощи разного рода организаций, например, октябрятской, пионерской и комсомольской, которые сопровождали ребенка все годы обучения в учебных заведениях. Учащийся постепенно приобщался к различным видам общественно полезной деятельности и расширял круг социального общения. С 60-х гг. XX в., как известно, реализовывался принцип всеобщности полного среднего образования с целью дать молодым людям равные возможности входить в самостоятельную трудовую жизнь. В это же время были введены такие понятия как общеучебные, интеллектуальные и практические умения. Еще в середине XX в. педагог и психолог В. А. Сухомлинский настаивал на развитии «гармоничной личности», для формирования которой необходимо не только умственное развитие, но и приобщение к труду, нравственное развитие, эстетическое, экологическое воспитание, изучение и учет возрастных особенностей каждого ребенка, взаимоотношения семье и школы, и, что очень важно, педагогическое мастерство.

Современное общество стремительно развивается, и, соответственно, предъявляет новые требования к знаниям, умениям и навыкам, которые должен получить человек в процессе обучения. Уже не достаточна только профессиональная направленность в обучении учащихся, необходимо включить еше и со-

циальное обучение с добавлением репродуктивной (включает в себя восприятие фактов, явлений и их осмысление, например, установление связей, выделение главного и т.д., что приводит к пониманию) и творческой деятельности. Социологи видят процесс социализации в двух аспектах: первичная социализация, при которой индивид проходит ее на первом этапе своего развития и в результате становится членом общества, и вторичная, где человек обнаруживает новые условия для дальнейшей самореализации. И как раз на этапе вторичной социализации необходимы механизмы, в которых основным содержанием образования должно стать познание процесса социализации и развитие на основе технологий и средств педагогической поддержки. Процесс образования предполагает, с одной стороны, формирование специальных знаний и умений, а с другой – развитие личности (например, построение жизненных планов, выявление мотивов к деятельности). «Средства социального образования не должны быть отделены от конкретных ситуаций, в которых может оказаться каждый, и от социума, в котором он формируется. Сегодня социальное образование должно быть сфокусировано на достижении двух взаимосвязанных целей – успешности социализации подрастающих поколений в современных условиях» [1] и саморазвитии человека как субъекта деятельности. Социальное образование должно быть направлено на формирование индивидуальных способностей каждой личности, она должна быть не только профессионально направленной, но и компетентной, динамичной, успешной, умеющей стремительно реагировать на все изменения в обществе, способной освоить новые стратегии социально-профессионального поведения, определить ценностные ориентации, отражающие современную реальность и гарантирующие социальную и профессиональную мобильность.

Возникающие социальные, экономические и политические ситуации диктуют каждому свои требования и направления развития. Объем информации, получаемой нашим обществом, способствует постоянному пополнению имеющихся знаний. Информация не однородна, часто противоречива, при получении она требует определенной интеллектуальной фильтрации, но в каждой науке есть основные, базовые знания, которые не обесцениваются, дополняясь новыми открытиями. Усвоение базовых знаний – первый шаг на пути к формированию компетенций, в том числе и социальной.

Поведенческие установки и ценностные ориентации связаны с понятием социальной компетентности. Социальная компетентность - способность расширять границы своего существования до предела, выбранного самим человеком, реализовывать свои планы в многоуровневом, многофакторном и коммуникационном пространстве, иными словами, это способность действовать в социуме с учетом позиции других людей. Социальная компетентность может быть представлена как мера субъективной стабильности, когда необходима согласованность между чувствами, мыслями и действиями человека, а также можно проанализировать создавшуюся жизненную ситуацию в контексе собственного поведения.

Качественное усвоение знаний человеком и определяет их компетентность. Проблемы усвоения знаний целиком зависят от образовательного процесса. Важно, не только как учить, но и чему учить. «Овладеть умениями использовать полученные знания в различных жизненных ситуациях, самостоятельно пополнять необходимый запас знаний, грамотно работать с информацией, уметь видеть возникающие проблемы и находить верное решение; уметь вести дискуссию, спокойно и доказательно отстаивая свою позицию, можно отнести к компетенции учащихся» [3]. Для обретения компетентности (компетенций) необходимо не только натаскивать учащегося на приобретение навыков по изучаемым предметам, но и ставить цель перед ним, для достижения которой требуется самостоятельный поиск дополнительной информации в любых доступных источниках: чтение подходящей литературы, непосредственное наблюдение, общение с людьми. Учащийся, успешно применяющий полученные знания в сложных нестандартных ситуациях, например, во время сдачи экзамена, обладает достаточной компетенцией.

Современные реалии таковы, что часть эмпирических знаний, да и теоретических очень быстро обесценивается. Человек должен осознавать это, чтобы быть готовым гибко реагировать на все изменения, предвидеть их, правильно ориентироваться и выбирать наиболее подходящий путь для дальнейшего развития либо повышая свою квалификацию, либо частично дополняя свою трудовую деятельность новым актуальным направлением, либо меняя форму своей профессиональной самореализации. Чтобы быть на гребне волны необходимо постоянно заниматься самообразованием и уметь использовать свой образовательный потенциал.

На протяжении всей жизни человек стремится расширить границы своего существования и выбрать наиболее интересный, и, прежде всего, самый правильный путь своего развития. Умение жить в гармонии самим с собой и при этом грамотно и компетентно взаимодействовать с окружающей действительностью – желание каждого человека.

Человек стремится найти свое место в социуме. Но это стремление часто может быть ограничено определенной социальной средой, массовым мировоззрением, превращающим человека в безликое существо. Возникает вопрос: возможно дли преодолеть этот барьер? Люди, «развивая свои личностные качества, стремясь к самореализации, расширяют индивидуальные горизонты, увеличивают свои шансы на достижение успеха, радости, самодостаточности, свободы, хотя реализация личных потребность и желаний, преодоление препятствий – риск, т.к. такое интенсивное движение требует от человека наряду с трудолюбием, выносливостью, прогнозированием, умения не расслабляться и не поддаваться мгновенным желаниям и порывам, которые негативно сказываются на реализации долгосрочных целей. Кроме того, существование человека ограничено его собственными жизненными пределами. Преодолевая возникающие социальные барьеры, человек взаимодействует с другими людьми» [2, с. 75], включаясь в социальную общность. Подобная включенность способствует формированию социальной компетентности.

Список литературы

1. Анищенко, В. Система работы по профориентации / В. Анищенко. – URL: https://pandia.ru/text/77/511/34321.php

2. Колесникова, И.В. Проблема границы и пограничные особенности человеческого бытия : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.01 / И. В. Колесникова; [Место защиты: Магнитог. гос. ун-т]. - Магнитогорск, 2009. – 140 с. – URL: https://dlib.rsl.ru/01004626441

3. Компетенция и компетентность: сколько их у российского школьника? – URL: https://infourok.ru/novye_terminy-kompetentnost_i_kompetenciya-406031.htm

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Колесникова И.В., канд. филос. наук, Рыбалкина В. А.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Юридическая наука сегодня утрачивает признаки науки, становясь всё более автономной и информационно ограниченной. Требования современного мира не позволяют дать волю рассуждению, свободу мысли в действиях правоведов, работников государственной службы и иных юристов, как теоретиков, так и практиков. Юриспруденция требует глубокой проработки, изменений в духе времени, а для этого необходимо использовать философское знание.

В своей деятельности юристы проходят по уже знакомым тропам, выполняя действия по примеру, по предыдущему образу и подобию, не позволяя себе размышлять, использовать другие примеры и правила. Общество унифицирует законодательство, разрабатывает алгоритмы действия, стандартизирует меры по борьбе с преступностью, при этом видя только конечный результат, забывая об истине и формировании новых знаний.

Философско-антропологические основания, рассмотренные в статье, влияют на юридическую науку. И это объясняет невозможность существования юриспруденции без суждений и мышлений, способствующих формированию понятий и категорий, раскрывающих юридическую науку в полном её проявлении. В этом заключается цель работы - исследовать правовые основания юридической науки в современном мире, где объектом исследования выступают отношения, возникающие в процессе формирований философско-антропологических оснований юридической науки.

На сегодняшний день юридическая наука находится в стадии изменения традиционных устоев. Мы знаем о многих известных юристах, прославившихся в конце XIX – начале XX века, и на чьи выступления и по сей день равняются юристы как теоретики, так и практики. Говоря о юридической науке, нельзя не обратить внимание на её уменьшение, на придание ей незначительного внимания, и отношение к ней, как к автономной части: обучение, работа юристом, правоведение в рамках образовательного учреждения, а за пределами обучения, работы – абсолютное безразличие к науке. «Общество, в большинстве своём, не признаёт или не желает признавать, что юридическая наука повсеместна, она и есть наша жизнь» [5, с. 15].

Наука в любых её проявлениях имеет место быть только при наличии рациональных оснований и понимании связи метафизическими и ценностными предпосылками установления, в данном случае, правовой формы. Философско-антропологические основания юридической науки представляют собой систему знаний, в которую входят онтология, гносеология, логика, социология. Именно

данные части единого целого способствуют воплощению образа философского учения о категории правовой науки.

Онтология предполагает получение знаний об окружающем мире, о его устройстве, о всеобщих законах мышления, об обществе и человеке. Именно благодаря онтологическому познанию в рамках юридической науки не представляется возможным говорить об автономии юриспруденции, так как данный аспект способствует постоянному развитию и получению всё новых знаний. В правовом понимании онтология позволяет получить знания о законодательстве и практике его применения [4, с. 399].

«Гносеология представляет собой учение о природе и закономерностях познания права» [8, с. 80], указывает на критерии, которые позволяют получить эмпирическое и теоритическое познание. «В основе гносеологического познания в природе права лежит отношение знания к объективной реальности, пути истины, которая соответствует отражению предусмотренных в ней явлений и процессов» [8, с. 80].

Логика, как составляющая часть философского учения, даёт обоснования последовательности мышления, раскрывает его элементы и методы познания. В данном случае юридическая сила нормативных актов и правовых норм определяется как следствие логического познания и решимости политической воли, что само по себе исключает возможность теоретического исследования [9, с. 3-12].

Социология, в свою очередь, породила исследование закономерности развития общества, а также позволила раскрыть социальную природу человека и его деятельность в социуме. «Объективные потребности общественного развития, систематизация социального и юридического знаний способствовали возникновению тенденции неуклонного роста исследовательского интереса к постижению закономерностей функционирования социума и созданию оптимальных механизмов социального взаимодействия» [1, с. 38-43].

Н. Макиавелли писал: «Никакая страна никогда не может быть единой и счастливой, если она не составляет единую республику или не повинуется одному государю, как Франция или Испания, и причиною того, что Италия находится в ином положении, что она и не единая республика и не управляется единым государем, — исключительно церковь. Ибо, получив светскую власть и обладая ею, она не сделалась настолько мощной и не обнаружила таких достоинств, чтобы оказаться в силах овладеть остальной Италией и господствовать над нею. А с другой стороны, она не сделалась настолько слабою, чтобы когда перед нею вставала опасность потерять светскую власть, она не смогла призвать могущественного покровителя для защиты против того, кто в Италии сделался чересчур сильным» [2, с. 84]. Он считал, что сила государственной власти заключается в обществе, в объединении граждан государства. И это вело к республиканскому Риму и демократическому полису греков. Н. Макиавелли верил в логику и силу политического разума.

Ф. К. Савиньи признавал идеи национального права, указывая на невозможность существования права, равного для всех наций. Также как и право, он

признавал принадлежность юридической науки правовой системе государства, а национальное право он определял как социальное [7, с. 49]. Ш. Л. Монтескье разработал собственное концептуальное направление. Как сторонник теории общественного договора, французский мыслитель указывал на разделение властей, выделяя три обособленные ветви власти. Также он указал на автономность каждой ветви власти, признавая сосредоточение основной власти в руках одного правителя – монарха. Так, по его мнению, истоки юридической науки возникли при взаимодействии общества и органов власти. Органы власти, реализуя свои властные полномочия, издают законы и формируют нормы права [3, с. 674]. Платон писал: «Истинное бытие — это некие умопостигаемые и бестелесные идеи». Его идеи близки к онтологии, ведь он указывал на существование идеального государства, справедливых законов, которые, по его мнению, возникали в качестве реализации таких идей в политическую и правовую жизнь [6].

Ядром юриспруденции выступают теоретические знания в части развития исследуемых процессов в государстве и праве. Трансформация науки, которой постоянно подвергается общество, позволила возникнуть новым идеологическим мышлениям и методологическим подходам к познанию юридической науки.

Таким образом, следует сделать вывод, что для юридической науки первоочерёдным инструментом для успешного функционирования является научно обоснованная методология идентификационных социальных явлений, когда возможно говорить о существовании совокупности философских учений, способствующих наилучшему познанию науки. Что касается позиций ученых-правоведов по вопросам философско-антропологических оснований юридической науки, то следует отметить, что ученые придерживаются той или иной философской доктрины в зависимости от человека и его жизни в обществе, от временного критерия, от исторического развития и становления государства, что способствует более глубокому познанию науки, выработке нравственных убеждений и моральной позиции философских суждений о праве.

В заключении следует вывод о том, что философско-антропологические основания юридической науки представляют собой философские категории, законы и принципы, способствующие наиболее полному описанию и пониманию юридической науки. В зависимости от исторического, от социально-экономического развития общества и правовых явлений представляется возможным говорить о развитии норм права и их приспособлении к общественной жизни. Несомненно, это возможно только благодаря полному проникновению в сущность философско-антропологических оснований юридической науки.

Как автономная правовая категория, юриспруденция не может существовать обособленно от философских суждений и знаний. Философско-антропологические основания юридической науки являются совокупностью фундаментальных законов развития, функционирования и структуры, благодаря которым берет своё начало теория юриспруденции. «Познание юридической науки объясняет переход от явления к сущности и всегда происходит путем аб-

страктного юридического мышления, отвлечения от многих чисто индивидуальных и несущественных признаков» [5, с. 15], что является задачей философии.

В части правоприменения правовые суждения должны выражаться через основные законы при условии, что есть исследовательский интерес к повседневной практике познаний и суждений. К сожалению, именно области правоприменения сегодня не уделяется теоретического внимания. Судебные решения публикуются в ограниченном количестве и практически не обсуждаются, они редко становятся объектом внимания общества. Архивы документов судебных и правоохранительных органов несознательно скрывают невыявленные стратегии борьбы с правом. Философия права, при условии её полноценного понимания и признания необходимой в современном обществе, послужила бы отличной возможностью успешного развития юриспруденции в части формирования философско-антропологических оснований юридической науки.

Список литературы

1. Берлявский Л. Г. Правовая реальность как категория онтологии права/ Л. Г. Берлявский, И. В. Липчанская // История государства и права. – 2015. – № 17. – С. 38 - 43.

2. Макиавелли Н. Государь Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве // Н. Макиавелли. – М.: ООО «Издательство АСТ, 1996. – 509 с.

3. Монтескье Ш. Л. О духе законов : пер. с фр. А. Матешука / Ш. Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 674 с.

4. Несерсянц В.С. Философия права : учеб. для вузов / В. С. Нерсесянц. – М.: Норма, 1997. – 652 с.

5. Пермяков Ю. Е. Философские основания юриспруденции : учеб. пособие / Ю. Е. Пермяков. – 2-е изд., доп. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. – 316 с.

6. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1971. – 594 с.

7. Савиньи Ф. К. фон Система современного римского права: В 8 т. Т. I : пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут, 2011. – 510 с.

8. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник / В. М. Сырых. – М. : Норма: НИЦ Инфра-М, 2012. – 464 с.

9. Черданцев А. Ф. Государственная власть и ее обоснование / А. Ф. Черданцев // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 3 - 12.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Лыков А.В., канд. ист. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Проблема среднего класса – составная часть центрального вопроса всей социологии – вопроса динамики социальной структуры. В свою очередь вопросы динамики социальной структуры, профиля социальной стратификации и глубины социальных неравенств составляют существо главной проблемы развития современных обществ. Рост численности среднего класса и устойчивость его положения свидетельствуют об успешном развитии того или иного общества. В общем виде средний класс – укрупнённая социальная страта, занимающая промежуточное положение между высшими и низшими слоями. В своём «зрелом» состоянии он выполняет важные функции «локомотива» экономики и «стабилизатора» политической жизни. Но это при условии, что он реально существует и успешно развивается.

Существует ли средний класс в современном российском обществе? В отечественной науке нет однозначного ответа на этот вопрос. Первые попытки выделения среднего класса в российском обществе относятся к последним годам жизни Советского Союза. Поиск этой большой социальной группы преследовал цель найти социальную опору проводимым реформам и демократизации политической системы. Многие годы советская наука, как и официальная идеология, отвергала наличие среднего класса в советском обществе. Понятие «среднего класса» считалось категорией «буржуазной социологии». Отсутствует эта категория и в списке классов, выводимом ортодоксальной марксистской теорией. Хотя понятие «средних слоёв» допускается в марксизме для описания внутриклассовой структуры (например, «средние слои буржуазии», «крестьяне-середники») и в некоторых других ситуациях. Имеющиеся в сочинениях Маркса упоминания и ссылки на «средний класс» не принципиальны с точки зрения существа его теории. В поляризованных антагонистических обществах средние слои, по мысли Маркса, постоянно размываются и находятся под угрозой исчезновения. Что касается социалистического общества, то, в соответствии с классическим марксизмом, оно вообще представляется как бесклассовое.

Анализ социальной структуры «зрелого» советского социализма осуществлялся в рамках официальной теории «два класса плюс один слой». Речь шла о рабочем классе, колхозном крестьянстве и широком слое служащих, ядро которых составляла интеллигенция. Этой формулой хотели показать дружественный характер советского общества – горизонтальную стратификацию и отсутствие иерархического классового неравенства. Преследовалась и иная цель – не допустить исследования действительного социального неравенства (вертикальной стратификации советского общества). Понятно, что реальная

картина социального расслоения в СССР была намного сложнее. В немногих публикациях 1960-70-х годов делались попытки показать вертикальную иерархию советского общества. Принимая во внимание такие критерии дифференциации, как характер труда, уровень образования и квалификации, учёные фиксировали различия не только между основными слоями рабочих (или колхозников), но и между ними и слоями руководящих работников. Большой вклад в осмысление проблемы стратификации советского общества внесла книга Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной «Социология экономической жизни», изданная в 1991 году [1]. Авторы проанализировали социальную структуру общества через призму экономических отношений (от производства до конечного потребления общественного продукта). Вероятно, впервые в отечественной науке они включили в систему стратификации отношения эксплуатации высшими слоями низших и перечислили их способы и формы. Несколько позднее Т.И. Заславская, укрупнив стратификацию, выделила четыре основные группы (в их числе и «средний класс»), являвшиеся главными структурными элементами советского общества в последние годы его существования. Это следующие социальные группы: «номенклатура» как социально-замкнутый правящий класс; небольшой средний класс, включавший директорский корпус и квалифицированную часть интеллигенции, приближенную к номенклатуре; низший класс наёмных работников (рабочих, колхозников, представителей интеллигенции средней и низшей квалификации); «социальное дно». Специфику этой стратификации выражали такие черты, как малочисленность (неразвитость) среднего слоя и доминирование должностного положения над квалификационным [2, с. 3-4].

С проблемой идентификации советского среднего класса связан ещё один принципиальный вопрос. Это вопрос о характере советского общества, точнее, о типе его социальной структуры. Имело ли советское общество классовую структуру или являлось неклассовым по своей природе? Большинство отечественных учёных, разумеется, признавали классовый характер советского общества, связывая основные классы (рабочих и колхозников) соответственно с двумя формами собственности на средства производства – государственной и колхозно-кооперативной. Однако в зарубежной науке уже с конца 1950-х - начала 60-х годов получили распространение концепции неклассового характера обществ советского типа (С. Оссовский, Е. Вятр и др.). Согласно этим концепциям, общество определялось как сословно-слоевое. Поскольку социальная структура мало зависела от отношения групп к средствам производства, а во многом определялась политической властью и местом человека в системе власти и хозяйственной корпорации, то СССР можно было считать неравным бесклассовым обществом. Ещё дальше пошёл западногерманский социолог Вольфганг Теккенберг, развернувший в 1970-80-е годы концепцию советской системы как сословного корпоративного общества. В соответствии с этими идеями, в лице советской элиты мы имели объединённое господство над государственной собственностью и политической властью, социальное неравенство в обществе проявлялось не в различном уровне доходов, а в жизненном положении (в том числе распределении материальных благ) и престиже. На основе этих нера-

венств социальные группы в советской корпоративной системе объединялись в квазисословные образования [3, с. 290, 291, 294].

Чуть позже идеи неклассового характера советского общества стали разделять и некоторые отечественные учёные. Так, на рубеже 80-90-х годов концепцию неклассового этакратического общества как типа стратификации советского социума предложили О. Шкаратан, В. Радаев, Л. Ионин. Сходную сословно-слоевую концепцию развивал В.И. Ильин, определявший социально-экономические отношения в СССР как систему государственного социализма. Впоследствии эти концепции были применены к анализу социальной стратификации современной России, и число сторонников «неклассовой» методологии в отечественной науке выросло. У данной методологии имеются серьёзные основания. Реальными опорами советской системы выступали не столько экономика, сколько политика и идеология. Не случайно советское общество без глубоких потрясений переживало экономические кризисы и голодные годы, уносившие жизни миллионов людей, но не смогло пережить реформу политической системы в период горбачёвской перестройки. Система стратификации советского общества определялась такими факторами, как огосударствление экономики и доминирование отношений типа «власть – собственность». Главную роль в социальной стратификации, по мысли академика Т.И. Заславской, «играл политический капитал, определявшийся местом общественных групп в партийно-государственной иерархии». От места индивидов и групп в системе власти и управления зависели не только объём распорядительных прав, но и масштабы социальных связей и неформальных возможностей [4, с. 5-6]. Понятно, что с позиции неклассового подхода к данному типу стратификации говорить не только о среднем классе, но и о классах в советском обществе вообще можно только с большой долей условности.

Постсоветская трансформация российского общества породила различные объяснительные схемы и точки зрения учёных на существо переживаемых процессов. Обсуждались драматические последствия либерально-рыночных реформ, характер и тип складывающейся социальной структуры. Исследованием социальной стратификации и «поиском» среднего класса в 90-е годы занимались многие российские социологи. Рыночные преобразования, сопровождавшиеся резкой поляризацией населения, ростом бедности и нищеты, всё же, казалось, вели к постепенному переходу российского общества от сословно-иерархической структуры к классовой. Формирование и рост среднего класса в рамках новой модели стратификации должны были стать свидетельством правильности выбранного пути.

Предварительные итоги изменениям социальной структуры в середине 90-х годов подвела Т.И. Заславская. Обобщив многочисленные эмпирические данные, полученные в ходе мониторинговых исследований ВЦИОМ 1993 – 1995 гг., она поделила экономически активное население России на четыре основных слоя: верхний, средний, базовый и нижний. Соотношение этих основных социализированных слоёв (в процентах) составило 1, 24, 68, 7. За пределами списка оказалось десоциализированное «социальное дно». Верхний слой

был представлен элитными и субэлитными группами, занимающими высшие позиции в системе государственного управления, экономике и силовых структурах. В средний слой вошли мелкие предприниматели, полупредприниматели, менеджеры средних и небольших предприятий, среднее звено бюрократии, старшие офицеры, квалифицированные специалисты и рабочие. Базовый слой охватывал более двух третей населения и включал основную часть интеллигенции (специалистов), полуинтеллигенции (помощников специалистов), служащих (технический персонал), работников массовых профессий торговли и сервиса, большую часть крестьянства. Основное стремление базового слоя - приспособление к изменяющимся условиям и выживание. Нижний слой был представлен наименее квалифицированными, малообразованными, бедными работниками либо безработными, беженцами и вынужденными мигрантами [4, с. 9-10, 13]. Говоря о среднем слое, автор подчёркивает, что большинство его представителей пока не обладают ни достаточным капиталом, ни уровнем профессионализма, ни высоким социальным престижем. Этот слой настолько малочислен, что проходит только «эмбриональную стадию». Т.И. Заславская избегает использования категории «средний класс» и пишет лишь о формировании в будущем полноценного среднего слоя в России [4, с. 9, 13].

Последующие два с лишним десятилетия российской трансформации и особенно годы экономического роста привели к заметному сокращению абсолютной бедности и укреплению положения средних слоёв. Однако эти позитивные перемены не способствовали единообразию оценок отечественных учёных. Исследователи по-разному оценивали результаты социальной динамики. Крупнейший отечественный исследователь социальной стратификации О.И. Шкаратан примерно до 1997 г. был убеждён, что в стране идёт процесс становления конкурентной рыночной экономики и гражданского общества. В России, по его мнению, совершался переход от сословно-слоевой стратификации к классовой. В этом контексте им положительно оценивались и перспективы формирования среднего класса. В частности, размытая межслоевая группа интеллигенции была близка к вхождению в состав профессионалов – ядру будущего «нового» среднего класса. Однако дальнейшие события изменили мнение учёного. С горечью он констатировал, что в стране складывается неоэтакратическая система со стратификацией неклассового типа. В российском обществе доминирует теперь сословно-иерархическая стратификация, в которой позиции индивидов и групп определяются их местом в системе государственной власти и централизованного распределения благ. Наряду с доминирующим типом существует второй, подчинённый ей, тип социально-профессиональной иерархии, выступающий результатом отношений на рынке труда [3, с. 10-11]. Средний класс как массовый социальный субъект может сформироваться в современных условиях только в рамках модели инновационно ориентированной экономики. В обществе, основанном на сырьевом производстве, просто не нужен средний класс, составляющий большинство населения, заключает учёный [3, с. 460]. Такова позиция О.И. Шкаратана.

Другие учёные более оптимистично оценивают процесс формирования среднего класса в России. В частности, Н.Е. Тихонова, крупнейший отечественный специалист в области социальной структуры и стратификации российского общества, в многочисленных публикациях характеризует средний класс как массовый социальный субъект. Рыночные реформы привели к формированию и сосуществованию двух секторов экономики - государственного и частного. В госсекторе положение индивидов и групп определяется властным ресурсом и корпоративной принадлежностью. В частном секторе для занятия выгодной статусной позиции нужны ресурсы, диктуемые рынком, - обладание каким-либо видом капитала. В результате, по мысли Тихоновой, в России параллельно с сохраняющейся сословно-корпоративной стратификацией складывается социальная структура классового типа.

Дискуссия о типе социальной стратификации не снимает проблемы идентификации среднего класса. В этом плане положительную роль играет концепция «старого» и «нового» средних классов. Старый средний класс включает мелких и средних собственников (мелкая и средняя буржуазия, ремесленники), в России сейчас – малый и частично средний бизнес, т.е. владельцы экономического капитала. Новый средний класс – категория позднеиндустриального общества, состоит из «белых воротничков» - профессиональных работников умственного труда (менеджеры, специалисты и др.), а в постиндустриальном обществе – и из так называемых информациональных работников – элиты нового среднего класса эпохи его размывания. Отличительная особенность представителей нового среднего класса – обладание значительным (в том числе уникальным) человеческим капиталом. И старый, и новый средние классы состоят из разных подгрупп, что показывает неоднородность и сложность этого феномена.

Единого мнения о том, по каким критериям относить индивидов и группы к среднему классу, в российской науке нет. В социологии существует несколько подходов к этому вопросу, среди которых специалисты чаще выделяют четыре основных. Первый – экономический (или маркетинговый), в качестве критерия использует показатель душевого дохода (и объём имущества). Остаётся только решить, какой уровень дохода и объём собственности позволяют причислить индивида к среднему классу. Второй подход – субъективный, основан на самоидентификации, самооценках индивидом своего социального статуса и самозачисления себя в средний класс. Этот метод позволяет определить социальное самоощущение индивидов и групп, на котором во многом строится их социальное и политическое поведение. Третий подход – ресурсный, учитывает специфику активов, которыми располагает индивид. Именно специфика активов («ресурсов» или «капиталов»), которые обеспечивают доход, и определяет место и позицию индивидов и групп в социальной структуре общества. Четвёртый подход – комплексный, основан на неовеберианской традиции применения нескольких критериев выделения среднего класса (собственность, доход, профессиональный статус, образование, иногда и самоидентификация). Именно этот подход широко распространён как в мировой, так и российской социологии [5, с. 8-10]. Все перечисленные подходы имеют и сильные, и слабые сторо-

ны. Полученные результаты зависят не только от выбранной методологии, но и от целей, поставленных в исследовании, точнее, от адекватности исследовательской задаче теоретико-методологического инструментария.

Разность теоретических позиций, исследовательских задач и выбранного инструментария порождают споры отечественных учёных не только по структуре и численности среднего класса, но даже по вопросу о его наличии в российском обществе. Проявления разногласий видны и в используемых категориях. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, Т.М. Малева, С.В. Мареева и другие используют категорию «средний класс» и пишут о нём как о массовом социальном субъекте в России. Л.А. Беляева, Т.И. Заславская, Е.М. Авраамова и другие говорят о наличии скорее средних слоёв, некоего «протосреднего класса», выступающего базой формирования собственно среднего класса. Представители третьей позиции (О.И. Шкаратан и другие) считают, что при сложившемся типе общества в России среднего класса не только нет, но и не может быть, и предлагают сосредоточиться на исследовании его отдельных подгрупп, таких как профессионалы и информациональные работники. Наконец, четвёртая группа авторов просто отрицает наличие среднего класса как реального социального субъекта в России. В.В. Радаев пишет о среднем классе как о мифе, выполняющем важные социальные функции (формирование утраченного чувства солидарности, модели одобряемого стандарта жизни и т.д.). И. Самсон и М. Красильникова утверждают, что упорство в поиске среднего класса в России скорее вера, а не научный подход; «российский средний класс – это миф», заключают они [3, с. 485; 5, с. 76-77].

Н.Е. Тихонова считает, что неверие в реальность российского среднего класса коренится в функциональном подходе. Исследователи, увлекающиеся функциональным анализом, стремятся, по аналогии с западным обществом, приписывать российскому среднему классу функции, которые он в настоящий момент выполнить не может. Соответственно, нередко значительно расширяют список критериев выделения среднего класса. Добавим к этому, что российское и западное общества находятся на разных ступенях развития. И в результате, функционалистские исследования показывают неразвитость российского среднего класса как массового социального субъекта. Что же касается прогрессивных устремлений среднего класса, его способности выступать инструментом развития гражданского общества, то, в общем, эти функции присущи данному субъекту. Но в то же время автор справедливо напомнила: кто способствовал приходу фашистов к власти в довоенной Германии, кто выступал социальной опорой авторитарных и тоталитарных режимов второй половины XX века? Это был средний класс [5, с.10, 78].

Н.Е. Тихонова обосновывает собственное предложение: отправным при анализе среднего класса в России должен выступать структурный подход. Сначала нужно выделить средний класс как совокупность определенных структурных позиций, затем, используя структурно-функциональный подход, можно попытаться ответить на вопросы о наличии среднего класса в современном российском обществе и о функциях, которые он в нём выполняет [5, с. 79]. В соот-

ветствии с традиционной неовеберианской методологией автор выбирает следующие четыре критерия отнесения индивидов к среднему классу: образование (не ниже среднего специального); профессиональный статус, отражающий нефизический характер труда; показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного региона (типа поселения); самоидентификация (интегральная самооценка индивидом своего статуса в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов включительно) [6, с. 289-290].

Применение этой методики дало на октябрь 2015 г. (в условиях экономического кризиса) численность российского класса в 44% населения страны и 47% работающих россиян [6, с. 290]. Эти цифры могут показаться завышенными, однако следует учесть структуру среднего класса, его деление на две подгруппы – ядро и периферию. Люди, входящие в периферию класса гораздо менее устойчивы с точки зрения их членства в составе этой группы. К ядру среднего класса были отнесены работники с высшим образованием (руководители, предприниматели и специалисты) Все остальные (самозанятые, рядовые служащие, работники со средним специальным образованием и др.) вошли в периферию ядра среднего класса. Исследование показало, что наиболее устойчивая часть (ядро класса) составила 40% среднего класса и 18% населения страны [6, с. 291]. Последняя цифра, вероятно, более точно определяет место среднего класса в социальной структуре российского общества.

Используя разные методологии и исследовательские методики, российские учёные приходят к различным оценкам численности и структуры среднего класса (средних слоёв). Экономический кризис 2014-2016 гг., рецессия, пандемия коронавируса и другие общественные катаклизмы привели к тому, что запас прочности россиян, накопленный за годы «благополучного» развития, в значительной степени истощился. Это обстоятельство касается и средних слоёв. Вопрос о наличии и существовании российского среднего класса как массового социального субъекта остаётся открытым. Его судьбу определит будущее. При условии формирования классового типа стратификации и инновационном векторе развития страны российские средние слои имеют возможность превратиться в полноценный средний класс.

Список литературы

1. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 448 с.

2. Заславская Т.И. Трансформация российского общества как предмет мониторинга // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. – 1993. – № 2. – С. 3 – 8.

3. Шкаратан, О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 526 с.

4. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. - № 2. - С. 5 – 23.

5. Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.

6. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. - М.: Весь Мир, 2016. – 424 с.

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЭМОЦИЙ

Малахова Е.С.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

От самого рождения и до смерти эмоции это одни из главных составляющих в человеческой деятельности. Все это оказывают большое влияние на принятие важных для человека решений, таких как, завести ребенка, свадьба, или решение сменить работу. Часто из-за негативных эмоций, таких как страх, ненависть или злоба, люди принимают решения, которые им не подходят, они перестают общаться с теми, которые могли бы им помочь в будущем. Иногда эмоции приводят к самоубийству, лжи и насилию, чего могло и не произойти, если бы кто-то смог понять, что чувствует этот человек. Эмоции не поддаются контролю, поэтому вы можете исследовать эмоциональное состояние человека через его анализ. В долгосрочной перспективе это может помочь нам лучше понять мотивационную и когнитивную деятельность человека. Это уменьшает недопонимание между людьми и улучшает восприятие эмоциональной сферы собеседника. Такое восприятие поможет вовремя поддержать эмоционально подавленного человека.

Более 30 лет назад начались исследования в области невербальной коммуникации и ее связи с другими областями и аспектами человеческой жизни. На данный момент собрано большое количество теоретических, учебно-методических и аналитических материалов касающихся этих тем. Так П. Экман, В. Фризен, Э. Берн и многие другие авторы, посвятили свои работы различным аспектам невербального выражения эмоций. Конечно, эти исследования имеют большое значение, особенно в изучении общетеоретической части проблем невербального выражения эмоций. Но до сих пор зона эмоциональных проявлений, возникающих как конфликт между различными уровнями организации поведения: импульсивным, реактивным и активным, практически не изучена.

В научных определениях эмоций, как и в определениях большинства других психологических терминов, полного единства среди ученых нет. Эмоции чаще всего понимаются как переживания, окрашенные в неприятные или приятные тона и связанные с удовлетворением жизненно важных потребностей.

Ч. Дарвин впервые дал определение эмоциям и механизму их возникновения. В работе «Выражение эмоций у человека и животных» он пояснил происхождения физиологических проявлений и показал эволюцию развития. Эмоции в его понимании представляют собой различные реакции, которые были выработаны в эволюционном процессе.

В теории У. Джеймса-К.Ланге эмоции происходят из физиологических процессов. Тогда как С. Л. Рубинштейн понимал эмоциональное состояние как

отношение человека к миру, к тому, что он переживает и делает, в форме переживания.

Все люди проявляют эмоции по-разному, и этим объясняется такое свойство, как экспрессивность. Люди отличаются эмоциональной возбудимостью: одни реагируют только на очень сильные раздражители, другие - на самые слабые.

Из-за переживаний, происходит изменение вегетативных показателей, таких как частота дыхания, артериальное давление и частота сердечных сокращений, а также в психомоторике: двигательным реакциям мимике, голосу и пантомиме. Таким образом, пульс сердитого человека обычно превышает 60 ударов в минуту. Такие резкие изменения соматических параметров, когда человек испытывает сильную эмоцию, свидетельствуют о том, что задействованы все соматические и нейрофизиологические системы организма. Эти изменения влияют на поведение индивида и лишь в редких случаях могут привести к психическим и соматическим расстройствам.

У. Джеймс и К. Ланге считали, что физиологические изменения без эмоций невозможны. Уильям Джеймс особо подчеркивал интенсивность физиологической эмоциональной реакции и отмечал прямо пропорциональную зависимость от самой эмоции.

Дэвид Лайкен писал, что, при различных эмоциональных состояниях, изменяется химический состав крови. Так, норадреналин выделяется при эмоциях астенического типа, а при эмоциях стенического типа - адреналин.

А. К. Попов показал, что физиологические проявления при неприятных звуках, в отличие от предоставлении приятного звука, были более понятными и ясными. К этому выводу пришли также Р. Левинсон и Н.М. Трунова.

Экспрессивные проявления эмоций и их распознавание

В порыве счастья и радости, отвращения или гнева человек ведет себя поразному, его поза, жесты и лицо различаются так же, как тембр и тональность голоса. Экспрессивной составляющей эмоциональной реакции является:

- Языковые инструменты;
- Мимика;
- Пантомимика;
- Жесты.

Дж.Гросс и О.Джон выявили несколько сторон эмоциональной выразительности. Факторный анализ самоотчета по экспрессивным тенденциям позволил выявить три аспекта:

- Степень выраженности положительных эмоций,
- Степень выраженности отрицательных эмоций,
- Сила внутренних эмоциональных реакций.

Мимические средства экспрессии

Мимика человека занимает ведущее место среди средств общения, так как изменение лицевых мышц отражает чувства говорящего. Так возникает эмоциональный фон общения.

Г. Остер и П. Экман отмечают, что ребенок рождается с готовым механизмом выражения эмоций через мимику. Все мышцы лица, формируются на 15-й-18-й неделе развития. Таким образом, большинство ученых считают мимику основным каналом выражения эмоций.

К. Изард и П. Экман описали мимику основных эмоций, таких как отвращение, радость, печаль, страх, презрение, гнев и удивление. В результате выделено три вегетативные зоны лица:

- Лоб и брови,
- Область вокруг глаз (веки, глаза, основание носа),
- Нижняя часть лица (щеки, нос, челюсть, рот, подбородок)[11].

Эти исследования позволили разработать «формулу» мимики, отражающую изменения в каждой из трех зон лица.

Т. Н. Малькова и В. А. Барабанщиков отметили, что наиболее выразительные мимические выражения -в нижней части лица. Они объясняют это тем, что глаза являются смысловым центром лица, где накапливается воздействие сильных мимических изменений в верхних и нижних частях лица [1].

Психомоторные средства экспрессии

Психомоторные средства экспрессии это выразительные движения.

Чтение выразительных движений- это процесс, который требует большого опыта и тренировки. Он затрудняется не только тем, что внешние признаки не показывают всю информацию о человеке, но и тем, что одни и те же внешние явления могут быть вызваны разными внутренними переживаниями.

П. Экман выделяет виды жестов:

- регуляторы,
- иллюстраторы,
- адаптеры,
- эмблемы [5].

К адаптерам относится- почесывание носа. Регуляторы- связанны с положением головы и осанкой. Иллюстраторы- это эмоциональные «дополнения» к вербальному общению. Эмблемы предназначены для передачи информации.

Звуковые и речевые средства экспрессии

Характеристики изменения речи:

- четкость дикции,
- лексическое богатство,
- интонационное оформление,
- чистота звучания голоса,
- свободное и точное выражение мыслей и эмоций,
- логическое ударение.

По словам У.Хеллса, разные каналы имеют разные способы передачи информации об эмоциях:45% информации передается с помощью визуальных сигналов, а 17,6% - слуховых.

А. Е. Ольшанникова отметила, что разница между людьми прослеживается в пределах одного канала выражения. Так, для одного человека главное - интонационное разнообразие и обилие речевых реакций, а для другого - быстрый темп речи и высокая громкость голоса.

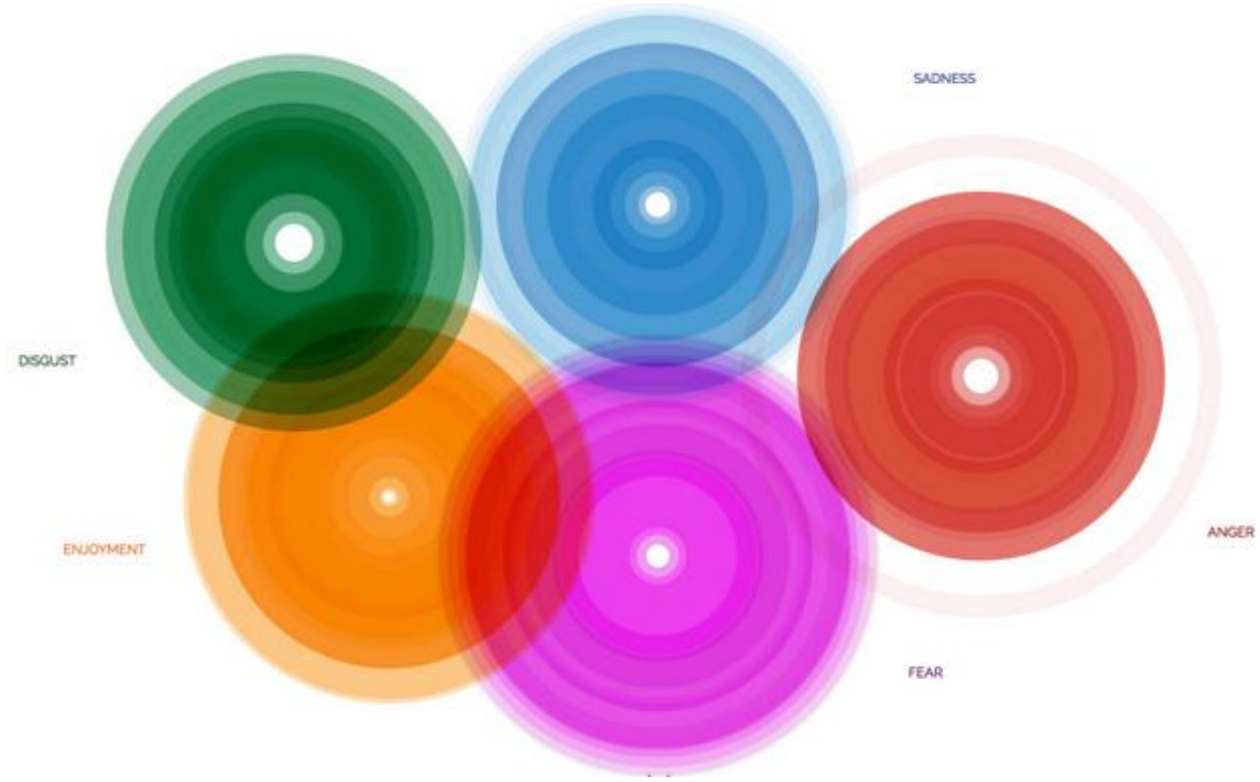
Различия в эмоциональной экспрессивности

Люди подавляют поведенческие реакции, которые сопровождают эмоциональное состояние. Однако тенденции подавлять, изменять, или выражать эмоции могут быть стабильными чертами личности, или зависеть от ряда факторов, включая национальные.

А. И. Прихидько говорит, что изучение социального опыта, связанного с выражением эмоций, начинается с признания, а затем воспроизведения гримасы. А.И.Прихидько указывает на межкультурные различия в эмоциональной экспрессии и ссылается на исследования П. Экмана, который показывает на существование правил для выражения эмоций. Он считает, что эти правила диктуют, какой должна быть мимика в разные моменты. Эти правила усваиваются в процессе социализации.

Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина в работе «Восприятие человека человеком» отметили, что восприятие чужой экспрессии зависит от личности самого воспринимающего.

Доктор П. Экман и его дочь, Е. Экман, создали интерактивную карту, под названием Атлас Эмоций. Он знакомит с эмоциональными «континентами» − Гневом, Печалью, Страхом и так далее.



Каждый из «континентов» состоит из составных частей, представляющих разную интенсивность эмоции. Для гнева -легкое раздражение, разочарование, гнев, неудовольствие, горечь, месть, жестокая ярость. Эти состояния удобно сгруппированы, чтобы отразить принадлежность к одной и той же группе. К каждому «континенту» помимо ряда эмоциональных проявлений относятся возможные поведенческие реакции, триггерные события различной значимости.

Важной частью сайта является то, что в него введено понятие «настроение», которое является предрасположенностью к определенным эмоциям. В отличие от быстро протекающих эмоций, настроения могут пронизывать все действия человека и влиять на восприятие окружающего мира и реакции.

На протяжении жизни человек испытывает эмоции. Они отражаются на физиологических функциях организма. Эмоции влияют на человека и заставляют совершать поступки, о которых он может пожалеть. Это помогает приспосабливаться организму к дальнейшим событиям и иногда вредит ему.

Эмоции также проявляются в экспрессии, которая включает в себя речь, мимику, жесты и пантомиму. Самовыражение контролируется сознанием и зависит от различных факторов, в том числе и национальных. Это одна из важнейших составляющих человеческого общения. Выражение лица означает наиболее выраженное эмоциональное состояние человека.Одна часть эмоционального выражения является врожденной, другая- приобретается в процессе социализации и окрашивается индивидуальными особенностями. Эмоциональное состояние может быть оценено только с учетом всех факторов его проявления, воспринимающей личности и наиболее наблюдаемой.

Список литературы

1. Барабанщиков, В.А. Восприятие выражений лица [Текст]: монография. /- Москва: Институт психологии РАН, 2009.- 448 с.

2. Осницкий А.К., Е.В.Филипова. Особенности эмоциональных проявлений в системе осознанной саморегуляции деятельности [Текст]/ Осницкий А.К, Е.В.Филипова // Психологические исследования.- 2010.- №6.

3. Прихидько, А.И. Эмоциональная социализация: содержание и механизмы [Текст]/А. И. Прихидько.- Психологические исследования.- 2009.- №4.

4. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций [Текст] : учеб. для вузов /Я. Рейковский.- Прогресс.- Пер. с пол. и вступ. статья В.К. Вилюнаса ; Общ. ред. О.В. Овчинниковой.- Москва, 1979.

5. Экман П. Психология эмоций: я знаю что ты чувствуешь [Текст]/ Пол Экман// Сам себе психолог: монография - 2-е изд. - Москва, 2013- С 211.

6. Бреслав Г.М. Психология эмоций [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.М. Бреслав. - М., 2004. - 534 с.

7. Вилюнас, В.К. Психология эмоций [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.К. Вилюнас. - СПб., 2006. - 496 с.

8. Витт, Н.В. Эмоциональная регуляция речевого поведения [Текст]: автореферат дис. доктора психологических наук : 19.00.01 / АН СССР. Ин-т психологии. /Н.В. Витт.- Москва, 1988. - 48 с.

9. Дегтярёв, А.В. "Эмоциональный интеллект": становление понятия в психологии[Текст] /А.В. Дегтярёв.- Психологическая наука и образование-2012.- №2.

10. Защиринская, О.В., Горбунов, И.А. Эмоции в контексте невербальной коммуникации нормально развивающихся подростков и их сверстников с нарушением интеллекта [Текст] / Защиринская, О.В., Горбунов И.А..- Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика.- 2009.- №3-2.

11. Изард, К.Э. Психология эмоций [Текст]: монография . - СПб., 2000. - 464 с.

12. Ильин Е.П. Эмоции и чувства [Текст]: учеб. для вузов / Е.П. Ильин. - СПб., 2001. - 749 с.

13. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Эмоциональные и познавательные характеристики общения [Текст]: учеб. для вузов / В.А. Лабунская.- Ростов-на-Дону, 1990.- 412 с.

14. Щербинина О.А. [Текст]: Общение как фактор формирования и развития внутренней позиции личности подростка / О.А. Щербинина, Е.В. Назаренко, А.А. Харькова // Образование и саморазвитие. 2013. № 2 (36). С. 168-173.

ФЕНОМЕН СТРАХА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Матусевич Е.Н.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Согласно определению, «страх - один из основных видов человеческого отношения к миру» [1].

Мы можем сказать, что страх рассматриваемый во все периоды истории философии имел неоднозначное значение. Он действительно был регулятором поведения человека. Например, в эпоху Возрождения французский писатель Мишель Монтень в своей работе «Опыты» рассматривал страх как «чувство весьма поразительное»[2], которое способно выбить наш разум из рациональной колеи. То есть, страх, как чувство, затуманивающее разум, когда человек совершает необдуманные поступки. Выделяя функцию страха, Монтень говорил, что данное чувство может, как и заставить человека застыть на месте, так и наоборот подтолкнуть его к действию. Именно к необдуманному действию, интуитивно, и только собственный жизненный опыт может вести человека к обдуманным поступкам.

Важно отметить актуальность феномена страха, что на сегодняшний день не существует области общественной жизни, где не принимаются в расчет соображения о безопасности. Всему виной глобальные вызовы современности, которые усугубляют страх - это антропологические, демографические и экологические проблемы, которые связанны с жизнью каждого индивида и всего человечества. Так современный норвежский философ Ларс Свендсен говорит о страхе, как о сильной эмоции, которая может спасти множество жизней. С точки зрения психологии страх - это отрицательная эмоция. Она возникает в результате реальной или воображаемой опасности, которая угрожает жизни организма, личности и защищаемым ею ценностям. Так как страх заложен природой человека для распознавания угрозы, то сразу приходит аналогия: что страх - это система сигнализации, которая встроена в человека для предостережения его от опасности. В данном случае, страх есть средство для реализации инстинкта самосохранения. Эмоция страха присуща и животному миру. Эта эмоция основана на негативном опыте, которая играет большую роль в процессе выживания и животного и человека, собственно животного существа. Но данный страх, по мнению философа, лишает свободы и подрывает «социальный клей» - доверие. Свендсен считает, что обществу необходимо сменить вектор направления на категории надежды и доверия.

В настоящее время очень популярны призывы психологов и коучей «быть бесстрашными», бороться со своими страхами, избегать их. Мы можем не согласиться с данными призывами, ведь какой бы отрицательной эмоцией не был страх, он есть толчок, некая начальная точка отправления к действию. Например, немецкий философ XX века Карл Ясперс рассматривал страх как способ осознания себя в «пограничной ситуации». Это по мысли Карла Ясперса, и есть

своеобразный толчок в жизненной ситуации, потрясение человека, которое раскрывает ему истинное бытие. Именно в момент «пограничной ситуации» происходит прозрение человека о том, что для него важно, а что пусто.

В философской мысли Мераб Константинович Мамардашвили, советский философ, говорил о страхе, как средстве, с помощью которого возможно познать истину. Он пишет, что «мы должны на собственный страх и риск из впечатления извлечь истину», то есть, далее он поясняет «мы должны иметь, например, смелость вместо фразы «она очень мила» сказать: «я получил удовольствие целуя ее»[3].

Рассматривая феномен страха в истории философии, следует отметить, что уже в Античности, в древнегреческой философии феномен страха рассматривался в контексте стыда. Сама категория стыда есть нравственная категория. В Античности стыд должен был внушить человеку, что такое хорошо, что такое плохо - добро и зло в этике. Например, Платон, древнегреческий философ, говорил о двух видах страха. Он определял страх зол и страх чужого мнения. В первом случае, мы имеем дело с аффектами человека, с чувством боязни. В диалоге «Аксиох» философ размышляет о страхе, который способен заставлять человека думать о плохом, бояться. Данные мысли способны отвлекать человека от истинных представлений о жизни после смерти. Но, по мысли Платона, человек может избавиться от этого страха, с помощью доказательства бессмертия души. Второй вид страха есть сам стыд. Так в диалоге «Евтифрон», Платон пишет, цитируя слова Сократа: «стыд есть часть страха»[4], – тем самым связывая страх с очень важной этической категорией - стыд. Еще в Библии было сказано, что когда Адам и Ева не послушались Бога и испробовали яблоко с древа познания, они увидели, что она нагие и испытали стыд, так что со стыда начинается моральное нравственное осознание человеком самого себя.

Отметим еще одного мыслителя древнегреческой философии Эпикура, который полагал в своем этическом учении, что счастье есть удовольствие, но с чувством меры. Главным для философа была атараксия - невозмутимость и отсутствие страданий. Он пишет: «счастье - это вытеснение страдания и беспокойства». Таким образом, мы можем сделать вывод, что по Эпикуру, страх как страдание есть препятствие на пути к счастью. В отличие от Платона, который выделял необходимость страха как стыда, который помогает в нравственном определении - хорошо или плохо, Эпикур призывал к избавлению от данного феномена, так как страх есть помеха на пути к счастью.

Средние века рассматривали феномен страха в контексте религиозной мысли. Учение отцов Церкви выделяло две формы страха: страх как последствие греха и «страх Божий». Рассматривая страх как последствие греха, отметим, что, данный страх есть страх в земной жизни, он необходим для того, чтобы бороться с грехами человека. Другой страх, по мысли Августина Аврелия, страх попасть в ад после смерти, или душеспасительный, который предвосхищает встречу человека с Богом. В данном случае, как мы понимаем, сам страх как боязнь не порок и не грех, а стимул к самосовершенствованию.

Новое время 17 века считало страх невидимым духом. Так французский религигиозный философ, математик, физик, мыслитель Блез Паскаль, испытав сильные личные переживания и придя к вере, рисует образ человека живущего

между бесконечно большим и бесконечно малым. Его слова: «видя себя, то есть человека, в природе помещенным как бы между двумя безднами, бесконечностью и ничтожеством, он содрогнется при виде этих чудес». То есть человека охватывает страх от несоответствия онтологии природы, как она бесконечна; от самого себя, как он конечен; и от вещей в целом, которые имеют свое начало и конец, а сам человек не знает ни того ни другого.

Поскольку разум понимает конечное свое существование и имеет дело с конечным, то подлинным носителем познания выступает сердце: «мы познаем истину не только разумом, но и сердцем», пишет Паскаль. В другом месте он говорит: «ум ориентированный сердечно, есть тонко чувствующий ум, а ориентированный разумно - это ум геометрический»[5]. Тот и другой ум должны взаимодействовать, что ведет к дефинициям и принципам. Значит, человек делает решающий выбор строить свою жизнь по своему разумению, полагаясь на Бога. Возможно, это и избавляет человека от страха, как мы полагаем, понимая Паскаля. Следует отметить, что Паскаль высказывал интересную мысль о неравнозначном понимании человеком страха онтологической и этической утраты. Суть в том, что человеку важнее конкретные ценности. Как мы полагаем, имеется ввиду ценность человеческого достоинства в социальном плане, чем утрата своего бытия вообще. Это подтверждают слова философа, что «человек…проводит…в досаде и отчаянии…по поводу потери должности…человек знает, что со смертью теряет все…но это не беспокоит…его»[6].

Богословом первой половины 19 века был датский философ Серен Кьеркегор. Отметим, что именно он основательно рассмотрел феномен страха. У Кьеркегора есть труд под названием «Страх и трепет», в котором он говорит о страхе как о предпосылке греха. По мысли Кьеркегора, а он был очень религиозный человек, воспитанный в протестантской семье, человек рожден с заданием от Бога сделать свою судьбу самому. Судьба не дана, а дано задание сделать себя, раскрыть свою самость по своим возможностям, и у человека есть свобода выбора своей судьбы. А если человек промотал бесцельно свою жизнь, то что он скажет, когда предстанет перед Богом? Данный страх - это страх в ожидании встречи с Богом, когда нечего сказать человеку. Ужас, паралич воли и большой грех не осуществить свою самость, не быть готовым к встречи с Богом в момент смерти. Сам страх, по мысли философа, являлся препятствием свободы человека. Как пишет Кьеркегор: страх есть «головокружение свободы». Кьеркегор был предшественником экзистенциализма.

Экзистенциализм различает обычный «эмпирический» страх-боязнь *(нем. Furcht)*, вызываемый конкретным событием, обстоятельством. И неопределённый, безотчётный страх-тоску *(нем. Angst)* - метафизический страх, неизвестный животным, то есть страх от того, что человек осознает свою конечность. То есть экзистенциальный страх есть переживание открытости тому, что предшествует миру объектов, тому, что делает возможным объективацию реальности, которое связанно с существованием человека, то есть его экзистенцией.

Например, французскй философ 20 века Жан-Поль Сартр говорил, что экзистенциальный страх существует перед самим собой, в выборе своего будущего, без Бога, а только в надежде на самого себя. Выбор самого человека, за который он сам несет ответственность перед самим собой и другими.

Немецкий философ 20 века Мартин Хайдеггер видел в страхе особый род своего переживания здесь - бытия. То есть ежедневную личную жизнь своего существования и заботой о себе: как бы не совершить ошибку, сделать правильный выбор в жизни. Но главное, что стоит отметить, то, что страх в философии Мартина Хайдеггера есть ужас - состояние, в котором человек находится наедине с сами собой и своими глубинными возможностями. Именно страх как ужас открывает человеку путь к истинному бытию.

Он обратил внимание на то, что наша речь, слова, которые мы произносим во многом определяют наше существование: язык дом бытия, как я говорю, это и говорит обо мне, кто я, и таким будет мой дом, мое существование.

Сегодня мы живем в таком мире, что должны особенно помнить про свой дом бытия, про свое существование, сохранить самого себя как личность. А сохранить себя как личность - это было главным для Хайдеггера.

Современный философ-экзистенциалист Ганс Йонас утверждает, что категории страха необходимо уделять большее внимание. Так как страх есть важное средство в качестве переживания за будущее человека и человечества в целом. В настоящих реалиях нам необходима новая этика, в которой категории заботы и страха, как предостережения, заставляют человека и человечество переосмыслить развитие современной техногенной цивилизации. Человечество сейчас не имеет право рисковать, оно ответственно за будущее поколение. Может быть человеку необходимо испытать испытывать страх? Именно как прогноз отрицательного, то есть прогноз угрозы. Следствие того, человек должен усилить чувство и осознание ответственности перед будущим.

В завершении, следует отметить, что в нашем понимании, исследование феномена страха в истории философии может показать не только отрицательные моменты, но и созидательные, продуктивные стороны страха - это стимул к действию, стимул к самосохранению, стремление к безопасности. И экзистенциальный страх, который помогает заглянуть внутрь себя, осознать свои возможности, но без силы воли это невозможно, так как может привести к печальным последствиям.

Страх есть, от него никуда не деться, но жить с этой мыслью непродуктивно. Необходимо жить творчески и созидательно. Это и есть оптимальный взгляд на феномен страха, который помогает выдержать это столкновение со страхом в современных реалиях, а также становится для человека определенным требованием и высоким достижением, в котором реализуется подлинность его существования и истинная свобода.

Список литературы

1. Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики.Под редакцией А.А. Ивина.2004.

2. Монтень, М. Опыты: сбор.пер.сфр. – М.: АСТ: Астрель. 2012 – С. 79

3. http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001103/st016.shtml

4. Платон. Сочинения. В 3 т. М.: Мысль 1972. Т. 3. Ч. 2. – С. 678.

5. Паскаль, Б. Мысль о религии./ Б. Паскаль – М. 1989.

6. См. тамже. С. 506.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Мухамеджанова Н.М., д-р культурологии, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Глобальное информационное пространство – ведущая характеристика постиндустриального общества, идущего на смену обществу модерному, индустриальному. Основные черты нового типа общества описываются, начиная с 70-х годов XX века, в работах прежде всего американских представителей современной социальной мысли: Д. Белла, З. Бжезинского, О. Тоффлера и др. С позиций данных авторов, мировая история складывается из трех основных этапов развития: доиндустриального, индустриального и постиндустриального. Переход к каждому из данных этапов квалифицируется как социальная революция, ведущая к кардинальным изменениям во всех сферах жизни общества и к становлению постиндустриальной цивилизации, обусловленной информационной революцией и превращением информации в основной фактор производства.

Характеризуя постиндустриальное общество как новый этап в развитии человечества, Д. Белл называет в качестве ведущих следующие черты постиндустриального общества: важнейшая роль фундаментального научного знания и основанных на нем технологических инноваций; превращение сферы услуг в доминирующую отрасль производства; изменение характера труда, который становится взаимодействием между людьми; вертикальная стратификация общества, доминирующей структурой становятся ситусы, под которыми понимаются вертикально расположенные социальные единицы (в том числе научный, административный, культурный ситусы); превращение класса носителей знания в базовый слой общества; меритократия и т.д. Подчеркивая, что главное различие между индустриальным и постиндустриальным обществом лежит в технологической сфере, Д. Белл прогнозирует возникновение под воздействием научно-технической революции новой общественной системы, в которой будут преодолены конфликты и противоречия индустриального общества. Однако радикальные изменения в культурной сфере нового общества остаются вне поля зрения мыслителя [1].

Наиболее полномасштабный вариант концепции постиндустриального общества представлен, на наш взгляд, в работе американского футуролога Э. Тоффлера «Третья волна». Наступление «третьей волны» мыслитель связывает с кардинальными изменениями во всех сферах жизни общества, изменениями не только технологической, но и культурной реальности. С позиций Э. Тоффлера, каждая цивилизация имеет свой «скрытый код» – «систему правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану» [7, с. 92]. Для индустриальной цивилизации такими прин-

ципами, порожденными технологиями индустриального типа, были стандартизация, специализация, синхронизация, максимизация, централизация и концентрация. Наступление цивилизации «третьей волны», связанной с распространением интеллектуальных технологий, разрушает всю сверхидеологию второй волны. Основными принципами нового общества становятся дестандартизация, демассификация, десинхронизация, деконцентрация, децентрализация. «Третья волна» порождает увеличение степени разнообразия во всех сферах жизни общества: новые формы экономики, политики, сознания; новые виды семьи, стилей работы, взаимоотношений, жизни; новые представления о природе, времени и пространстве; новые ценности и взгляды. Меняется сам тип ментальности, а следовательно, возникает новый тип человека, который принципиально отличается от человека индустриального общества с присущей ему расчетливостью, прагматизмом, инженерным подходом к решению проблем.

В отечественной социальной мысли проблема постиндустриального общества также активно разрабатывается философами, культурологами, социологами. Но наиболее системный взгляд на сущность нового этапа развития цивилизации представлен, на наш взгляд, в работах В.Л. Иноземцева, директора Центра исследований постиндустриального общества. Рассматривая периодизацию мировой истории, автор выделяет в ней три исторические эпохи: доэкономическую, экономическую и постэкономическую эпоху, когда основным видом деятельности становится творчество. Каждая из эпох может быть также охарактеризована с точки зрения специфики природы интересов составляющих данное общество людей. Если на первом этапе над личным интересом доминирует коллективный интерес, на втором – личный материальный интерес превалирует над интересами сообщества, то в постэкономическую эпоху основные интересы большинства членов общества выходят за традиционно понимаемые материалистические пределы [2].

Несмотря на разнообразие взглядов и подходов к определению сущности нового этапа истории, наиболее значимой, доминирующей идеей различных вариантов концепции постиндустриального общества может быть названа идея выхода человечества из кризиса в «новое безопасное будущее, преодоление проблем, порожденных индустриальной эпохой, возникновение общества, благоприятного для развития культуры и человека» [4, с. 2059]. В постиндустриальную эпоху преодолевается экстравертный характер цивилизации, хотя именно индустриальная эпоха создала тот материальный базис нового общественного устройства, который позволяет человеку быть человеком [2, с. 22]. По мнению исследователей, постиндустриальная цивилизация – это «креативно-гуманистическая цивилизация, где на первое место выдвигается человек, его творческое начало, духовные ценности, различия в социокультурном облике» [8, с. 19]. Человек освобождается от угнетающего и унифицирующего давления техногенной, машинной цивилизации, заняв более свойственное его природе место творца новых знаний и технологий и управляя ими в своих интересах. Возрождение гуманизма и возврат к приоритету свободной творческой лично-

сти делает данную эпоху по своему историческому значению аналогичной эпохе итальянского Ренессанса, породившего взлеты человеческого духа.

В результате социально-технологических изменений в постиндустриальную эпоху происходит преодоление главной проблемы индустриальной эпохи – проблемы отчуждения человека от результатов своего труда. В информационную эпоху труд, который диктуется по преимуществу материальными потребностями человека, постепенно вытесняется творчеством – более совершенным типом деятельности, побудительным мотивом которого является стремление личности к умножению своих знаний и возможностей, развитию творческих способностей, к самореализации. В новую эпоху творчество становится не только культурным, но и хозяйственным феноменом. Поскольку главное различие между трудом и творчеством лежит в мотивационной сфере, то с вытеснением труда создаются условия для преодоления эксплуатации. Таким образом, в постиндустриальную эпоху достигается то состояние общественной жизни, на которое указывал еще К. Маркс, доказывающий, что преодоление эксплуатации в коммунистическом обществе будет возможно потому, что будет устранен отчужденный труд, в основе которого лежит отделение рабочей силы от условий труда. Знания, информация как главный результат творческой активности личности, ее высокая квалификация и совокупные знания носят неотчуждаемый характер, а следовательно, становятся уже не частной, а личной собственностью. Личная же собственность характеризуется соединенностью работника и условий его труда. Следовательно, постиндустриальное общество – общество неотчуждаемого труда. Отчуждение сохраняется, но его доля все более уменьшается в связи ростом неотчуждаемого. Таким образом, постиндустриальная цивилизация противостоит индустриальной как «царство свободы» «царству необходимости» (К. Маркс).

Утверждение идеологии постиндустриальной цивилизации порождает радикальные изменения в менталитете людей, в системе ценностей. Доминирующее значение на этом этапе развития общества приобретают ценности самосовершенствования, самореализации, развития творческих способностей, то есть постматериальные ценности. Основой жизненной этики человека становится принцип «обязанностей по отношению к самому себе» [4, с. 2059]. Изменение ценностной системы обусловлено тем, что в постиндустриальной цивилизации, основанной на знании, источником общественного прогресса становится развитие личности, возможность продуцирования нового знания, способность изменять окружающий мир, других людей и самого себя.

Демассификация, дестандартизация общественной жизни в культурной сфере порождает утверждение свободы личности по отношению ко всем общественным институтам, освобождение от исторически заданных форм жизни, от социальных классовых связей и отношений и превращение ее в активного творца собственной биографии. Процесс индивидуализации как наиболее яркое проявление культурной жизни постиндустриального общества, с одной стороны, означает стирание прежних субкультурных идентичностей и связей, с дру-

гой – порождает новые социальные иерархии, например, иерархию по уровню образования.

В глобальном плане становление постиндустриальной цивилизации приводит к изменению приоритетов и критериев социального развития. Важное значение для оценки той или иной страны приобретает «качество жизни» – интегральный показатель уровня социального развития, составляющими которого являются средняя продолжительность жизни и коэффициент смертности населения, национальный доход, доля расходов на питание в бюджете семьи, доля свободного времени, уровень образованности населения, экологическая ситуация в стране и т.д.

Информационная революция конца XX века кардинально изменила возможности всего человечества в создании, хранении, передаче и восприятии разнообразной информации; она затронула все сферы общественной жизни, трансформировала все информационно-коммуникативные процессы в обществе. С точки зрения А. И. Ракитова, эти изменения стали результатом третьей по счету в истории человечества социотехнологической революции, связанной с появлением компьютера и новейших информационных технологий и изменившей содержание всех видов человеческой деятельности [6, с. 11-14].

Говоря о глобальном информационном пространстве, можно выделить следующие особенности межкультурной коммуникации, которые становятся все более зримыми в современном обществе. Это такие особенности, как виртуальность, гипертекстуальность, интерактивность, глобальность, анонимность, креативность, мозаичность [3, с. 34-52].

Виртуальность. Эта особенность межкультурной коммуникации трактуется как главная черта современной информационной среды. Однако данное качество коммуникации не является абсолютно новым, так как культура изначально является виртуальным, т.е. идеальным, семиотическим феноменом. Отличие же современной ситуации от ситуации прошлой эпохи состоит в том, что возникает особое глобальное пространство, трансформирующее все явления, факты и процессы в виртуальное состояние. Это приводит к многократному усилению и расширению символической деятельности человека, а значит, и культуры. Возникает новый виртуальный мир, который выступает как основа всех других миров и который «развеществляет», символизирует социальную реальность.

Интерактивность. В отличие от традиционных медиа, ориентированных на массовые информационные потоки и массовую коммуникацию, современные массмедиа характеризуются индивидуальным, избирательным использованием информации в соответствии с интересами и потребностями конкретного человека, интерперсональным и специализированным общением. Эти принципиальные отличия заметно изменяют сам характер общения. Общение в виртуальном пространстве становится непосредственным контактом, диалогом, взаимодействием.

Гипертекстуальность. Как известно, гипертекст – это огромный информационный массив, отдельные фрагменты которого соединяются между собой

многочисленными ассоциативными и смысловыми связями. В контексте теории межкультурной коммуникации понятие «гипертекстуальность» можно определить как «многоголосие, полифонию, полидискурсивность виртуального общения». Благодаря Интернету, который является «местом встречи» огромного числа людей, межкультурное взаимодействие становится максимально широким и интенсивным. В этом смысле коммуникативное пространство Интернета выступает как место встречи не только социальных субъектов, но и множества социокультурных практик. А текст становится универсальным средством обмена. В условиях постоянного развития и усложнения сети коммуникаций различные тексты и информационные потоки переплетаются и пересекаются, порождая такую особенность виртуального взаимодействия, как гипертекстуальность.

В современной культуре понятие «гипертекстуальность» приобретает еще один важный смысл, связанный с тем, что Интернет, обеспечивающий накопление, хранение и передачу информации, выполняет функцию коллективной памяти всего человечества и в силу этого становится основой глобального характера общения.

Глобальность – это максимальное расширение того пространства, в котором происходит человеческое общение. Человек становится субъектом глобального общения, поскольку потенциально он может взаимодействовать с любым человеком в любом уголке планеты. В этом находит свое выражение известная историческая тенденция – выхода за пределы общения «лицом к лицу» (face-to-face).

Развитие Интернета в современном мире приводит к «размыванию» границ, в том числе государственных, национальных, территориальных, идеологических и т.п. Глобализация многократно усиливает процессы интернационализация, которые происходили в мире задолго до появления Интернета. Интернет-коммуникация не признает никаких границ, барьеров, фильтров, поэтому она в огромной степени способствует формированию «мегаобщества».

Креативность. Современные информационные технологии предоставляют человеку огромные возможности для конструктивной, творческой деятельности. Даже самый рядовой пользователь в виртуальном пространстве не является пассивным пользователем, так как в его деятельности и в совокупной деятельности всех других пользователей распространяются и объединяются образы, тексты и т.п. Чтобы сохраниться как целостность, виртуальная среда вынуждена постоянно на новой основе расширять свою совокупную деятельность, поэтому это максимально креативная среда.

Виртуальная симуляция реальности создает гиперреальность. Интернет соединяет несоединимое. С его помощью человек может самостоятельно конструировать новую реальность. Виртуальная реальность выступает как способ создания альтернативных миров, что существенно раздвигает интеллектуальный горизонт человека и расширяет его познавательные возможности.

Анонимность. Для коммуникаций в Интернете характерна, во-первых, невозможная в прежних системах коммуникаций свобода межличностного об-

щения, а во-вторых – его фрагментарность, хаотичность, бессистемность. Следствием гипертекстуальности становится гиперавторство – распыленность авторства в виртуальном пространстве. Общение во всемирной сети приобретает не только всеобщий, глобальный, но и безличный, анонимный характер.

Мозаичность. В глобальном информационном пространстве отсутствует упорядочивающий центр и упорядочиваемая периферия, что приводит к образованию хаотичных (мозаичных, сетевых) структур. В результате нарушается целостность мировосприятия человека. Конфигурация такого типа знания описывается как мозаика, когда различные элементы знания не образуют иерархию, а децентрированны и рассеянны во фрагментарном дискурсе. Построение текстов при таком типе коммуникации в каждом конкретном случае происходит в соответствии с новой смысловой задачей. Так современный человек, вероятно, пытается справиться с чрезмерной избыточностью коммуникации в современной культуре [3, с. 34-52].

Новые средства коммуникации не упраздняют традиционных, однако изменяют сам характер и структуру информационного пространства. Во-первых, в этом пространстве сосуществуют самые разнообразные виды коммуникации: межличностная, массовая, специализированная, интраперсональная и т.д. Во-вторых, массовая коммуникация, доминирующая в индустриальном обществе, теряет свое прежнее значение и удельный вес, узкоспециализированная информация сочетается с существенным увеличением объема интерактивного, индивидуального взаимодействия; значительно возрастает разнообразие той информации, которая является доступной человеку. В-четвертых, увеличивается количество взаимодействий и количество социальных сфер, в которых происходят эти взаимодействия, в силу чего совокупное действие интенсифицируется, превращаясь в «интеллектуальный шторм». А это означает, что в глобальном информационном пространстве человек имеет возможность стать *реальным*, а не *номинальным* субъектом культуры.

Таким образом, глобальное информационное пространство является важнейшим атрибутом постиндустриального общества, в котором знания и информация становятся стратегическими ресурсами социального развития, информационно-коммуникативные процессы охватывают все сферы жизнедеятельности общества. Поскольку сутью процессов межкультурной коммуникации является процесс передачи или обмена *информацией*, то глобальное информационное пространство – это коммуникативное пространство, имеющее глобальный характер.

Информационные технологии создают огромные возможности для поиска и переработки информации, способствуют интенсификации научно-исследовательской деятельности, развитию новых форм образования, превращают во всеобщее достояние научные открытия и достижения, шедевры национального и мирового искусства. Информатизация способствует перестройке социокультурного пространства, сближению народов всего мира. С новым типом общества, основанным на информационных технологиях, связывают надежды на расширение свободы и демократии, равенства возможностей.

Вместе с тем новые технологии создают и новые угрозы, особенно угрожающие человечеству в долгосрочной перспективе, поскольку они вступают в противоречие с ключевой тенденцией развития мира – гуманизацией общества. Главной угрозой виртуального общения становится ограничение и разрушение социальных связей, превращение человека в придаток компьютера, распространение информации деструктивного характера, негативно влияющей на состояние и развитие человека; возможность установления тотального контроля не только за информацией, но и за личностью, угрозы информационной безопасности и др. С помощью современных систем коммуникации происходит колоссальное ускорение всех культурных процессов, способное привести к разрушению ядра культуры, к унификации культуры, утрате ее самобытности и жизнеспособности. Таким образом, современные информационные технологии становятся мощным фактором культурогенеза, ведущим к трансформации культур в чрезвычайно краткие интервалы времени [6, с. 244-251; 5].

В этих условиях лучший и единственный способ сохранить культурные достижения прошлых эпох — это аккумулировать традиционные ценности народа в корпусе новой информационной культуры. Однако этот путь развития требует изменения национального самосознания самого народа и прогрессивной трансформации всей культуры.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д.Белл.– М.: Academia, 1999. – 432 с.

2. Иноземцев, В. Л. Расколотая цивилизация / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia – Наука, 1999. – 724 с.

3. Михайлов, В. А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества / В. А. Михайлов, С. В. Михайлов // Актуальные проблемы теории коммуникации. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 34-52.

4. Мухамеджанова, Н. М. Гуманитарное образование в системе профессиональной подготовки личности / Н.М. Мухамеджанова // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: мат. всероссийской научно-методической конференции. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – С. 2059–2066.

5. Мухамеджанова, Н. М. Межкультурные коммуникации в условиях глобализации / Н. М. Мухамеджанова // Вестник Оренбургского государственного университета. – №7. – 2010. – С. 67-74.

6. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.

7. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: Издательство АСТ, 1999. – 781с.

8. Яковец, Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 2001. – 346 с.

ВЛИЯНИЕ ОБЛИКА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Орлова Е.В., канд. филос. наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

По мере нарастания процессов урбанизации, меняется и образ жизни городского жителя. Сегодня город представляет собой сложное пространственное социокультурное образование. Современный город настолько велик и неоднороден, что человек, живущий в нем не способен осмыслить и освоить его во всем масштабе. На первый план выходит проблема идентификации человека с городским пространством. Изменчивость, неоднородность, «обезличивание» пространства города, формирует у горожанина так называемое «рассеянное восприятие». В. Беньямин назвал так процесс отчуждения от некоторых элементов пространственной организации городской среды [2, с. 65]. Данная ситуация ведет к потере ключевых социально-культурных ориентиров самоотождествления индивида со средой своего обитания. Городской житель перестает чувствовать себя причастным к судьбе города, его истории, культуре, что в свою очередь приводит к безответственному и равнодушному отношению к городу и городскому пространству вообще. Потеря социокультурных ориентиров заставляет живущего в городе человека испытывать постоянную напряженность, дискомфорт и отчужденность.

В стремлении обретения четких ориентиров своей идентичности, человек пытается вписать себя в контекст внешней среды. Для этого городской житель формирует свою понятную «обжитую» среду, куда включаются знакомые и приемлемые для обитания пространства и места, охватывающие лишь часть города. Своя, знакомая городская среда включена в повседневное существование. По одним и тем же улицам, мимо одних и тех же зданий, парков, скверов и т.п. человек проходит каждый день. Здесь все обжито, наполнено воспоминаниями, событиями. Значение имеет все: расположение дома, архитектурные, эстетические формы, улицы, их украшение и наконец «…даже само отношение человека к ближайшему своему социальному окружению составляет один из важнейших факторов выживания и воспроизводства здоровых людей вместе со здоровой средой» [7, с. 131].

Горожанин стремится сделать среду города как можно более комфортной для себя. При этом ощущение комфорта формируются на основе ярких, устойчивых, эстетически выделенных функциональных зон и ориентиров, которые не дают потеряться и запутаться. Сюда входят и площади, и парки, и культурные центры и их архитектурное оформление.

Архитектурный ансамбль города, его специфические особенности формируют архитектурное пространство. В научной литературе, посвященной вопросам архитектурного облика местности, архитектурное пространство чаще

всего определяется как построенная человеком социально-организованная среда обитания (см. например, работы Э. Гидиона, А.В. Иконникова, Н.А. Ястребовой) [4,5,8,12]. Законы самоорганизации естественного, природного ландшафта, человек осваивает и приспосабливает под себя в процессе создания определенного «культурного ландшафта», включающего присвоение, обживание территории места обитания при помощи распределенных в пространстве, эстетически выстроенных архитектурных конструкций. Но «процесс освоения естественного ландшафта не является односторонним, географические особенности определенной территории также формируют образ культуры. Примером может служить Санкт-Петербург, архитектура которого ориентирована на западноевропейские образцы, но отличается несоразмерностью огромных площадей и проспектов, заданных восприятием широты российских просторов» [10, с. 128].

Архитектурный облик города складывается в течение многих лет, а иногда и столетий. Влияние на него оказывают природные, исторические факторы, развитие промышленности, сложившиеся национальные традиции, веяния эпохи. Поэтому визуальный образ архитектурного ансамбля несет в себе в первую очередь аксиологическую, символическую значимость. В сооружениях архитектуры воплощаются идеи, мысли, чувства и ощущения людей, их понимание картины мира. Показательным примером здесь может служить так называемая «сакральная» архитектура. «Каждая эпоха оставила память о своих идеалах и смыслах в виде храмовых комплексов, памятников и т.д.» [3, с. 101].

Не последнюю роль в формировании комфортной, городской среды играют и здания, в которых располагаются учреждения культуры. Традиционно, в любом городе здание театра, музея, филармонии и т.д. оформляется особо, и чаще всего представляет собой значимый ориентир в городском пространстве. Такие здания группируют в себе сразу два фактора воспроизводства комфортной, знакомой и знаковой городской атмосферы.

С одной стороны – они являются ориентиром, ярким пятном на карте города. Архитектурны облик театральных, музейных зданий, всевозможных домов культуры и творчества, их количество, качество играют важную роль в оформлении культурного облика городской среды. Как представляется, особое место в архитектурном ансамбле городского пространства занимает театр. Местоположение театра в городе исторически обусловлено. С древности театральные представления оформлялись в виде обряда поклонения божествам. Религиозное событие и место проведения театрализованных обрядовых действий, таким образом, воспринималось как сакральное. Это место, где живут Боги, значит, строение должно выделяться своей соразмерностью и красотой форм. «Амфитеатр в древности – строение удивительно совершенное по архитектонике, сценическим условиям, функциональной значимости. Достигает полного единства действующих лиц драмы, комплексно охватывает многотысячных зрителей. <…> Театр этот свободно размещается в пространстве, вписываясь в ландшафт» [9, с. 132].

Архитектурный облик, расположенных в городе зданий может зависеть от нескольких критериев. Во-первых, сооружения могут составлять единый стилевой ансамбль, когда здания намеренно оформляются в едином стиле. К примеру, по аналогии с архитектурой г. Санкт-Петербурга, многие провинциальные города, в основу стилевого единства городского пространства ставили классицизм.

В другом случае, городская среда может быть ориентирована на преодоление визуальной монотонности, «избитости» городских интерьеров. «Сегодня людям необходимы другие, более мелкие ориентиры, которые, с одной стороны, становились бы знаками различных функциональных частей города, а с другой – фиксировали бы границы сомасштабных человеку сред» [11, с. 125]. Так театральные, музейные, комплексы, творческие площадки могут выделяться из общего контекста архитектурного ансамбля. Например, здание Театра им. В.Э. Мейерхольда построено в стиле конструктивизма, получившего свое широкое распространение в начале XX века сначала в живописи, архитектуре. В дальнейшем, благодаря таланту В.Э. Мейерхольда начал активно применяться в театральной сценографии, и технике актерской игры.

Отчетливый визуальный образ микросреды в городском пространстве создают чаще всего именно здания, сгруппированные в единый архитектурный комплекс. Такая среда имеет четкие границы, и легко «считывается» жителями как цельное пространство. Ключем к восприятию такой «цельности» и выступают яркие, выделяющие на общем городском ландшафте строения, задающие тон атмосфере определенной части города и ее эстетическое восприятие. К примеру, музей истории Оренбурга - один из старейших и оригинальных архитектурных памятников города, построеный в 1856 году в романтическом стиле «неоготика» (или «псевдоготика») русской эклектики XIX века и напоминает средневековую крепость. Сегодня здание Гостиного двора визуально включено в архитектурный комплекс зданий центральной улицы, спроектированных в основном в стиле классицизма или ампира. Центральными точками архитектурной композиции на данной территории выступают расположенные рядом здания Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея, Оренбургского областного музея изобразительных искусств, Оренбургского областного драматического театра имени М. Горького. С точки зрения архитекутрно-художествнной выразительности облика города именно архитектурно-пространственая композиция центральной части города Оренбурга является ярким визуальным ориентиром, который и определяет культурное своеобразие г. Оренбурга для жителей других городов, и формирует идентичность с «местом» у его жителей.

Таким образом, разнообразие объектов, являющихся средообразующим ядром в пространстве города, акцент на эстетических, функциональных, технических их особенностях выступает гарантией того, что построенные вокруг них локальные среды не потеряются в структуре города.

Но организация комфортной городской среды при помощи уникальной архитектурной специфики подразумевает и последовательный переход от

внешнего вида здания к его внутреннему интерьеру. Внутреннее пространство ключевых для создания уникального образа города сооружений также должно быть привлекательным и знаковым для посетителей. И здесь огромное значение имеет архитектурное, дизайнерское решение. Так, оформляя действие в театре, архитектурные конструкции делают сценическое пространство более объемным, рельефным. Роскошный интерьер зрительного зала формирует сценографическое пространство, погружает зрителя в театрализованную атмосферу, «обеспечивая плавный психологический переход из повседневности в мир театра, где человек чувствует себя и действующим лицом и зрителем одновременно»[1, с.78].

Можно смело утверждать, что именно театры, дома культуры, филармонии, музеи, и подобные им учреждения, ориентированные на культурное «праздничное» времяпрепровождение, и ассоциирующиеся у жителей города с досугом и отдыхом, реализуют выход так называемой театральности на уровень городского, социокультурного пространства, как результата праздничной, позитивной динамики построения значимых форм среды обитания человека.

С другой стороны, характер разворачивающего в городе эстетического процесса обеспечивает и семантическое, ценностное наполнение городского пространства. Так театр, как вид искусства, интегрирующий в себе жизненный и общественный опыт, как явление, получившее свое начало на улицах городов, существенным образом влияет и на характер самой городской среды. Театр изначально воспринимаеся как уличное искусство, многие историки театра считают, что зарождение его как отдельного вида искусства происходило непосредственно на улицах города. Театральное действо само по себе является самостоятельным общественным и городским явлением, принимая активное участие в общественной городской жизни. Во время ярмарок, карнавалов, театральное искусство проявляет себя наиболее ярко. Переместившись на подмостки, театр стал восприниматься как явление более статичное, но не потерявшее своей тесной связи с городом. Во все времена желание пойти навстречу публике, которая не ходит в театр, добиться огромного социокультурного эффекта, приводит к появлению уличных театров. Проведение фестивалей таких театров, становиться огромным событием для города, когда город становиться одними сплошными театральными подмостками.

Можно согласиться с мнением Н.В. Дмитриевского, утверждавшего что, театральное искусство представляет собой «выход из одностороннего монологического общения с реальностью к общению диалогическому, это реализация желания получить ответ на проблемы жизни, это вхождение в социальную игру путем «включенного наблюдения» - в моделируемую ситуацию, в свободное социальное пространство, позволяющее познать себя в предлагаемых обстоятельствах внешнего мира» [6, с. 22]. С помощью театрального действия городской житель имеет возможность проиграть, а значит подстроить под себя окружающую его социокультурную реальность, принять ее и сделать частью «своей» комфортной среды. Не случайно многие учреждения культуры используют театрализацию в реализации своих проектов, и в частности в проекции своей

деятельности на городские улицы во время всевозможных праздников, фестивалей, во время открытия выставок, творческих конкурсов и т.д.

Таким образом, нельзя отрицать значения уникальности архитектурного облика учреждений культуры во всех его проявлениях на формирование комфортной городской среды. В современных условиях, исторические архитектурные сооружения и прилегающие к ним территории для городского жителя представляют собой элемент привычного, обжитого, понятного, и статичного пространства в быстро меняющейся, разноликой среде города. Современные театры, музеи, филармонии, как своим внешним обликом, так и спецификой реализуемой в них культурной деятельности, уводят от обыденности и монотонности существования. Они являются той образной формой, к которой можно и нужно обращаться для благоустройства и повышения культурного уровня города и городского пространства. Комфортабельная городская среда способствует формированию у горожанина положительной идентичности, наполняя существование человека необходимыми ему как территориальными, так и смысловыми, ментальными ориентирами, помогая тем самым самоорганизации личности на базе заложенных в эту среду эстетических принципов.

Список литературы

1. Агафонова, А.Ю. Город, театр, архитектура и мы / Анастасия Агафонова // Декоративное искусство, 2006. - N 1. - С. 78-81.
2. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости : избранные эссе / В. Беньямин. - Москва : Медиум, 1996. – 239с.
3. Ванеян, С.С. Архитектура и иконография : (проблемы классических методов истории искусства) / С.С. Ванеян // Вестник Московского университета. Сер. 8, История, 2007. – N 2. – С. 92-104. Режим доступа: http://www.library.ru/help/docs/n45195/Vaneyan.pdf (дата обращения 04.01.2021).
4. Гидион, Э. Пространство, время, архитектура / Э. Гидион. – М. : Стройиздат, 1984. – 455.с. Режим доступа: http://tehne.com/node/5861 (дата обращения 04.01.2021).
5. Гутнов, А.Э. Мир архитектуры : Лицо города / А. Э. Гутнов, В. Л. Глазычев. – Москва : Молодая гвардия, 1990. — 352 с. Режим доступа: http://tehne.com/node/6305 (дата обращения 04.01.2021).
6. Дмитриевский, В.Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до начала XX века / В.Н. Дмитриевский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 327 с.
7. Дридзе, Т.М. Человек и городская среда в прогнозном социокультурном проектировании / Т.М. Дризе // Общественные науки и современность. 1994. – № 1. – С.131-138. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/865/737/1217/015Tamara_DRIDZE.pdf (дата обращения 04.01.2021).

8. Иконников А.В. Функция, форма, образ в архитектуре / А.В. Иконников. – М.: Стройиздат, 1986. – 288 с. Режим доступа: http://tehne.com/node/1485 (дата обращения 04.01.2021).
9. Леонтьева, Э.В. Эволюция театрального пространства в свете общения сцены и зрительного зала / Э.В. Леонтьева. // Пространство и время в искусстве. – Л: 1988. – 170 с.
10. Орлова, Е.В. Театральное пространство и пространство театра (компаративный анализ) : дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Е. В. Орлова. - Тамбов. - 2011. - 175 с.
11. Эстетическая культура. Сборник статей (Коников И. А., Киященко Н. И., Самохвалов В. И., Акопян К. З., Шапинская Е. И., Орлова Э. А.) и другие / Отв. ред. И. А. Коников. – М. : ИФ РАН, 1996. - 201с. Режим доступа: https://perviydoc.ru/v23125/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%B8.%D0%B0._%D1%80%D0%B5%D0%B4._%D1%8D%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0 http://www.library.ru/help/docs/n45195/Vaneyan.pdf (дата обращения 04.01.2021).
12. Ястребова, Н.А. Пространственно-тектонические основы архитектурной образности / Н.А. Ястребова. // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.:Наука, Ленинградское отд-ние,1974. – С. 220-229.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ

Перминова М.С., канд. социол. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В мае 2018 года Президентом РФ Владимиром Путиным был подписан Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», регламентирующий систему исполнения национальных проектов по 12 стратегическим направлениям: демография, здравоохранение, образование, наука, культура, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, цифровая экономика, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт [4].

Общей целью их реализации выступает внесение структурных изменений в экономику и социальную сферу РФ, решение ключевых секторальных проблем и, как результат, создание условий для дальнейшего планомерного развития государства. Однако каждый национальный проект имеет свои цели и задачи. Например, основными целями национального проекта «Здравоохранение» являются снижение смертности населения трудоспособного возраста, ликвидация кадрового дефицита в медицинских организациях, оказывающих преимущественно медико-санитарную помощь; для проекта «Образование» - обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение РФ в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования, воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций; для проекта «Демография» основными целями являются увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет, а также увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни [3].

При формировании национальных проектов применительно к соответствующей сфере осуществляется детализация задач Указа № 204 до результатов, определяются контрольные точки, подтверждающие получение результатов национального проекта, планируются мероприятия, в совокупности обеспечивающие получение результатов национального проекта, а также необходимый объем ресурсов, который определяет степень ответственности должностных лиц за реализацию национального проекта в целом. Достижение реализации основных показателей национального проекта обеспечивается путем исполнения сводного плана мероприятий по реализации национального проекта, состоящего из планов мероприятий по реализации федеральных проектов. Та-

ким образом, реализация национальных проектов является сегодня одной из главных задач, стоящих перед органами власти всех уровней.

В настоящее время национальные проекты способствуют формированию качественно новых требований к системе регионального и муниципального управления, а также апробируют механизмы взаимодействия Российской Федерации и ее субъектов в решении важнейших задач хозяйственного и социального развития страны.

На примере различных субъектов Российской Федерации можно проследить, как происходит региональная реализация национального проектирования. И здесь можно выделить два варианта действий. В первом варианте регионы полностью воспроизводят структуру федеральных национальных проектов как региональных проектов, при этом подразумевается, что те или иные проекты в соответствии с местными условиями развития каждого субъекта могут иметь разную актуальность. Во втором варианте полной проекции федеральных проектов в субъектах не происходит, при этом участие регионов предполагает селекцию при инициировании на местах региональных проектов локального характера. Здесь возникает вопрос о возможностях федерального финансирования тех региональных проектов, которые носят инициативный характер [2].

Так, например, с 2019 году на территории в Оренбургской области реализуются региональные проекты по 12 национальным проектам, что в целом соответствует структуре национальных проектов федерального уровня. Отметим, что Оренбургская область одна из первых сделала паспорта региональных проектов.

На наш взгляд, условием успешной реализации национальных проектов на региональном уровне должно стать учет мнений самих участников о проектах и ходе их реализации. Для эффективного управления необходимо создать процесс обратной связи между властными структурами и городским сообществом, т.е. обеспечить социологическое сопровождение хода реализации федеральных проектов в регионах.

В силу особой актуальности тематики национальных проектов нами были выбраны четыре проекта для анализа: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда. С целью изучения общественного мнения о реализации национальных проектов было проведено социологическое исследование методом онлайн опроса. В ходе исследовании были опрошены жители города Оренбурга, общее число респондентов составило 285 респондентов, из которых 47% – мужчин и 53% – женщин. По возрастным категориям респонденты были представлены следующим образом: до 18 лет – 4% респондентов; 18-29 лет – 49%; 30-49 лет – 29%; 50-59 лет – 13% и старше 60 лет – 5% респондентов. По уровню образования: незаконченное среднее образование – 4% респондентов; среднее и средне-специальное образование – 33%; высшее и незаконченное высшее образование – 63% респондентов.

Результаты проведенного исследования дают возможность представить некоторые аспекты реализации национальных проектов в г. Оренбурге.

Уровень информированности жителей г. Оренбурга о национальных проектах в России достаточно низкий, т.к. только каждый третий респондент знает о подписании президентом указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (35%); вариант ответа «что-то слышали о проектах» выбрало 32% и ничего об этом не знают – 33%.

Уровень информированности респондентов по отдельным сферам представлено на рисунке 1.

Рисунок 1 – Уровень информированности о реализации национальных проектов в Оренбурге

Высокую степень информированности респонденты демонстрируют в следующих национальных проектах: здравоохранение – 35%, демография – 18%, образование – 27%, жилье и городская среда – 19%. Однако 33% респондентов не представляют, каким образом в Оренбуржье будут реализованы национальные проекты в сфере здравоохранении. Почти треть респондентов вообще не знает о национальных проектах.

Как видно на рисунка 2, значительное число оренбуржцев нуждается в дополнительной информации: 69% – о проекте «Здравоохранение», 42% – о проекте «Демография», 72% – о проекте «Образование» и 67% – о проекте «Жилищная сфера и городская среда».

Рисунок 2 – Востребованность дополнительной информации о национальных проектах

Говоря об оценке положения дел и изменений в отдельных сферах, отметим, что от 20% до 37% респондентов вообще не видят никаких изменений. Остальные фиксируют как позитивные, так и негативные изменения. Так, например, улучшение ситуации в здравоохранении отметили 26% респондентов; в демографии – 23%; в образовании – 22% респондентов и в жилищной сфере – 29%. Ухудшение в сфере здравоохранения отметили 38% респондентов, в демографии – 20%; в образовании – 30% и в городской сфере и жилье – 13%.

Анализ ответов респондентов на вопрос о влиянии реализации национальных проектов их жизнь показывает, что для 21% опрошенных данные проекты могут способствовать значительному улучшению качества их жизни; 26% предполагают незначительное улучшение, а 33% считают, что изменений в их жизни вообще не произойдет.

На жизнь семьи опрошенных национальные проекты, по их мнению (50%), скорее не окажут существенного влияния (см. рисунок 3).

Рисунок 3 – Влияние реализации национальных проектов, по мнению респондентов, на жизнь их семьи

Что касается изменений, ожидаемых в различных сферах при реализации национальных проектов, то результаты социологического исследования показали следующее:

- в здравоохранении позитивных результатов ожидают 42% респондентов;
- в демографии существенное улучшение прогнозируют 46% респондентов;
- в образовании 42% опрошенных дают позитивный прогноз;
- в области жилья и городской среды 43% респондентов ожидают существенных изменений.

Говоря о факторах, которые могут помешать реализации национальных проектов в г. Оренбурге, респонденты чаще всего отмечали следующие: коррупция, взяточничество (64%); недостаточный уровень компетенции лиц, ответственных за реализацию проектов (37%); несогласованность действий центральной и региональной власти (35%); бюрократизация хода выполнения проектов (29%); распространение новой короновирусной инфекции Covid-19 – 25% респондентов.

Среди факторов, которые могут препятствовать реализации национальных проектов, были и те варианты, которые предложили сами респонденты. Так, например, была затронута тема несменяемости власти; проблема недостаточной информированности населения о национальных проектах; а также недостаточное финансирование национальных проектов на территории Оренбургской области.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время информированность о реализации национальных проектов для большинства оренбуржцев невысока. Наряду с недостаточной информированностью опрос зафиксировал широкое распространение принципа стороннего наблюдателя, а не активного участника: неслучайно вариант ответа «не заметил никаких изменений» выбран в среднем каждым пятым респондентом. Тем мне менее, почти каждый второй респондент ожидает позитивных изменений в различных сферах при реализации национальных проектов на территории Оренбургской области.

Подводя итог, отметим, что в данной статье мы не претендовали на всесторонне исследование затронутой темы, т.к. она весьма сложна и многоаспектна. Трансформацию системы стратегического управления, которая осуществляется в последние годы в Российской Федерации, можно определить как положительный момент, а запуск национальных проектов - как важный инструмент реализации целей национального развития.

Список литературы

1. Ажлуни, А.М., Шарыгина, О.Л. Национальные проекты России и их реализация / А. М. Ажлуни, О. Л. Шарыгина // Вестник ОрелГАУ. - 2019. - №6 (81). - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-proekty-rossii-i-ih-realizatsiya. - (дата обращения: 11.01.2021).

2. Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. Национальные проекты России: региональное измерение / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП. - 2019. - №1. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-proekty-rossii-regionalnoe-izmerenie. - (дата обращения: 11.01.2021).
3. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты. – Режим доступа: http://government.ru/news/35675/. – (дата обращения: 11.01.21).
4. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. - Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf . – (дата обращения: 11.01.21).
5. Национальный проект «Здравоохранение» // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. - 2018. - №3 (13). - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-proekt-zdravoohranenie. (дата обращения: 11.01.2021).
6. Нестеров, А. В. Обсуждаем проект национального проекта «Новые университеты» / А. В. Нестеров // Россия: тенденции и перспективы развития. - 2019. - №14-1. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obsuzhdaem-proekt-natsionalnogo-proekta-novye-universitety. - (дата обращения: 11.01.2021).

КРИТИКА БИОЛОГИЗМА В ФИЛОСОФИИ И.Т. ФРОЛОВА И Б.Г. ЮДИНА: ОЦЕНКА СОЦИОБИОЛОГИИ

Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент
Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В процессе разработки проблемы человека в своей философии И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин не только предложили основные параметры понимания человека, но и рассмотрели такие варианты трактовки человека, которые имеют определенные негативные стороны, например, страдают редукционизмом. В частности, они подвергли критике вульгарный социологизм и социал-биологизм на примере социобиологии. И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин обратили внимание философской общественности на то, что под влиянием идей психоанализа З. Фрейда и этологии К. Лоренца возникло представление о биологических основах этики, что нашло выражение в сборнике «Биология и этика» (1969). Здесь прозвучали, в частности, идеи, согласно которым в животном мире поведение особей, подчиненное интересам группы, наследуется в эволюционном развитии. Данная установка была воспринята в социобиологии, одним из основоположников которой стал американский этолог Э.О. Уилсон.

Опираясь на идеи К. Лоренца, один из теоретиков социобиологии Р. Триверс даже высказал такую мысль, что со временем социальные науки станут разделами социобиологии [7, с. 54]. Э.О. Уилсон же выступил со своими идеями в работе «Социобиология. Новый синтез» (1975). «Уилсон, – пишет И.Т. Фролов, – стремится установить какие-то общие черты в поведении всех высокоразвитых живых существ, вывести общие его закономерности, доказать, что социальность присуща *всем* живым существам» [там же]. И.Т. Фролов далее отмечает, что в другом своем труде «О человеческой природе» (1978) Уилсон прямо проводит мысль, что высшие проявления человеческой социальности имеют биологическую (генетическую) основу. Тем самым он занимает позиции генетического детерминизма.

Такие установки Э.О. Уилсона объясняются тем, что в основе его мировоззрения лежат чисто биологические представления о человеке и его поведении. Основы поведения, согласно Уилсону, коренятся в устройстве и функционировании мозга человека. Э.О. Уилсон руководствуется в своих исследованиях двумя основными императивами: 1) мозг человека направляет его развитие «…по чисто биологическому пути» [там же]; 2) мозг влияет на процесс этического выбора человека, но происходит это бессознательно, «…как своего рода инстинкт» [там же, с. 55].

Задачу социобиологии, как области исследований, Уилсон «…видит в определении генетической детерминированности человеческого поведения» [8, с. 335]. В своей работе «Социобиология. Новый синтез» он исследует природу

альтруизма и делает это тоже с позиций генетического детерминизма. «Так, по мнению Уилсона, альтруизм следует рассматривать с точки зрения вида» [9, с. 232]. Гены, несущие ответственность за альтруистическое поведение особей, передаются по наследству и это, по мнению Уилсона, не противоречит понятию естественного отбора и личной приспособленности. В другой своей работе «О человеческой природе» он также призывает к построению социобиологической концепции человека. Мозг человека подчинен генетическим императивам, законам эволюции, утверждает Уилсон, поэтому и поведение человека необходимо объяснять, опираясь на биологические процессы, имеющие место в мозгу человека. То есть человеческий разум, по Уилсону, призван обеспечить выживание генов человека [8, с. 334].

Основой основ социобиологии стала также концепция «взаимного альтруизма» Р. Триверса, согласно которой у всех организмов в поведении запрограммировано то, что они в соответствующей ситуации подают сигнал опасности всей группе или стае [10]. И выделять человека в отдельный вид, у которого не запрограммировано это, согласно традиционным представлениям, генетически, а объясняется социально-культурными причинами, он не видит оснований [9, с. 233]. Поскольку этика объясняет поведение людей, постольку она неизбежно связана с биологической эволюцией, считают Уилсон и Триверс. «Поэтому, утверждает Уилсон, этика должна быть ″ отобрана у философии″ и построена на биологической основе» [там же, с. 234].

Несколько иной подход на природу человека демонстрирует Р. Докинз. Согласно его представлениям, эволюционную роль показывает не альтруизм, а эгоизм. Р. Докинз в своей книге «Эгоистичный ген» (1977) утверждает: «…все, что эволюционировало, должно было быть эгоистичным» [1]. Он пытается доказать, что единицами эволюции являются не особи (индивиды) и не виды, а гены, и «…альтруизм служит эгоистическим целям гена» [9, с. 234]. Человек, согласно Докинзу, является машиной для выживания генов. Он пишет: «Основной тезис этой книги состоит в том, что человек и все другие животные представляют собой машины, создаваемые генами» [1]. Аналогом «эгоистичного гена» в культуре, согласно Докинзу, является «эгоистичный мим» – единица, «…″ квант″ культуры, функционирующий по законам популяционной генетики» [3, с. 115]. «Случилось так, – пишет Р. Докинз, – что реплицирующейся единицей, преобладающей на нашей планете, оказался ген – молекула ДНК. Возможно существование и других таких единиц… Мне думается, что репликатор нового типа недавно возник именно на нашей планете… Нам необходимо имя для нового репликатора, существительное, которое отражало бы идею о единице передачи культурного наследия или о единице *имитации*» [1]. Такой единицей у Докинза оказался «мим». Он пишет: «Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое…, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [1]. «Некоторые мимы, подобно некоторым генам, достигают блестящего кратковременного успеха, но не сохраняются в мимофонде надолго. Примерами служат шлягеры

или туфли на шпильках. Другие, как законы иудейской религии, распространяются на протяжении тысячелетий, обычно вследствие долговечности письменных свидетельств» [1], – пишет Р. Докинз.

Р.С. Карпинская и С.А. Никольский справедливо полагают, что концепция Докинза имеет физикалистский характер, так как в ней проводится идея генетической детерминированности не только поведения человека, но и всей культуры. Они пишут: «Этолог по профессиональному роду занятий, Р. Докинс предстает в социобиологической проблематике как откровенно физикалистски мыслящий ученый» [3, с. 79].

Ч. Ламсден тоже размышляет о том, «…каким образом биологические факторы определяют особенности мышления и наблюдаемые у индивидов и обществ различия в социальном поведении» [4, с. 128]. Он считает, что рассматривать свойства и качества человека как результат воспитания и образования (социализации) непродуктивно. И полагает, что есть более перспективный подход. Разъясняя его суть, он вводит термин «геннокультурная трансляция» [там же, с. 129]. В своей концепции геннокультурной коэволюции, развиваемой совместно с Э.О. Уилсоном, Ламсден использует этот термин. «Этот неологизм, – пишет он, – не просто напоминание, что в конечном итоге на развитие влияют как генетические, так и культурные факторы» [там же]. При этом он называет воздействующие на развитие человека эволюционные императивы «эпигенетическими правилами». Развитие человека, его «…направленное научение и социализация – все это, по-видимому, отражает взаимодействие биологических факторов и факторов окружающей среды, действующих в рамках более сложного механизма геннокультурной коэволюции» [там же, с. 130], – пишет Ламсден.

Крайний генетический детерминизм определяет подходы в изучении человека и в книге Ч. Ламсдена и Э. Уилсона «Гены, разум и культура. Процесс коэволюции» (1981). «Здесь уже, – пишут И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин, – не только этика, но и вообще человеческая культура обусловливается некими ″культургенами″, якобы закодированными в генотипе человека» [9, с. 238]. Ламсден и Уилсон пишут об определенной форме взаимодействия между генетической и культурной эволюцией и выдвигают концепцию генно-культурной коэволюции. Суть этого подхода заключается в том, чтобы распространить концепцию биологической причинности и естественного отбора на развитие культурных процессов. Генетическая эволюция, как процесс передачи генетической информации, и культурная эволюция, как процесс передачи культурной информации, по мнению данных авторов, связаны таким образом, что в процессе эволюционного развития разума (на деле – мозга), который авторы называют «эпигенезом», реализуются две программы – генетическая и культурная [2, с. 136]. Обычно в науке о человеке этот процесс называется не «эпигенезом», а процессом формирования человека или антропогенезом.

Р.С. Карпинская и С.А. Никольский обращают внимание на то, что биологические процессы, безусловно, имели место в процессе антропогенеза, например, мутационный процесс, приведший к увеличению человеческого моз-

га, или действие естественного отбора на начальных стадиях эволюции [3, с. 114]. Но представители социобиологии, разрабатывая теорию генно-культурной коэволюции, учитывают только природно-биологическую компоненту этого процесса, при этом культура у них предстает как культура индивида, а не культура общества, что существенно суживает понимание проблемы формирования человека.

В последующей работе Ч.Дж. Ламсдена и Э.О. Уилсона «Прометеев огонь. Размышления о происхождении разума» (1983) также утверждается, что «…культура создается и определяется биологическими процессами» [9, с. 238]. Таким образом, видно, что в работах социобиологов происхождение этических норм и ценностей трактуется с биологизаторских позиций и при этом принижается роль социальных факторов. Именно редукционистскую позицию социобиологов считают неприемлемой в трактовке сущности человека И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин, что, на наш взгляд, вполне справедливо.

Несколько лет назад вышла новая книга Э.О. Уилсона «Смысл существования человека» (2014), в которой он высказывает те же идеи относительно природы человека. Уилсон является сторонником той точки зрения, что движущей силой эволюции является «многоуровневый отбор», то есть отбор происходит на двух уровнях: на уровне одной группы, где имеет место конкуренция между членами группы или сотрудничество, и на уровне группового отбора, когда соперничают между собой разные группы [5, с. 22]. Далее Уилсон рисует такую картину: примерно 2 млн. лет назад в эпоху человека умелого (Homo habilis) обозначились два вида отбора (индивидуальный и групповой) и возник конфликт между ними. «Конфликт между двумя этими силами, – пишет Э.О. Уилсон, – можно лаконично выразить так: внутри группы эгоисты берут верх над альтруистами, но группы альтруистов оказываются сильнее, чем группы эгоистов» [там же, с. 31]. То есть «…индивидуальный отбор стимулировал грехи, а групповой – добродетели» [там же], – заключает свою мысль Уилсон. Данный конфликт, по Уилсону, является источником нашей морали и социальности, и, более того, – креативности. В связи с этим можно сказать, что критический анализ идей Э.О. Уилсона, проведенный в книге И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина «Этика науки», актуален и сегодня применительно к новой работе данного представителя социобиологии. Мы видим у Уилсона тот же редукционистский подход в отношении развития человека и его культуры.

Социобиологическая концепция канадского философа М. Рьюза тоже стала предметом внимания И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина. В своей книге «Философия биологии» (1977) Рьюз высказал мысль, что такой науке, как социология, надо больше опираться в своих изысканиях на достижения биологии. Затем он продолжил социобиологические исследования в книге «Социобиология: смысл или бессмыслица?» (1979). М. Рьюз принял в качестве исходных установок многие положения из трудов Э.О. Уилсона. И.Т. Фролов пишет: «М. Рьюз, по существу, редуцирует социальное до уровня биологического либо исходит из их дуализма, причем во многих случаях социальные феномены полностью ″объясняются″ через биологические» [7, с. 59]. В подтверждение данного те-

зиса И.Т. Фролов приводит следующие слова Рьюза: «…истинные причины человеческого социального поведения лежат не только в генах и не только в изобретении и обучении, а в некоторой амальгаме и того, и другого» [цит. по: там же].

И.Т. Фролов предлагает другой подход в исследовании человека, как альтернативу социобиологии: исследования социальной сущности человека и его биологической природы должны дополнять друг друга, но при этом социальные качества человека нельзя подчинять его биологическим основам [см.: 6; 7; 8; 9]. Такой подход представляется и более научным, и более полным, то есть свободным от односторонности. Человек требует целостного и междисциплинарного подхода. Именно такую методологию исследования человека разрабатывал И.Т. Фролов.

Список литературы

1. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз [Электронный ресурс]. – М.: АСТ, 1993. – 610 с. – URL: https://www.litmir.me/br/?b=7296&p=66 (дата обращения: 3.02.2020)
2. Игнатьев В.Н. Социобиология человека: «Теория генно-культурной коэволюции» / В.Н. Игнатьев // Вопросы философии. – 1982. – № 9. – С. 134-141.
3. Карпинская Р.С. Социобиология: Критический анализ / Р.С. Карпинская, С.А. Никольский. – М.: Мысль, 1988. – 203 с.
4. Ламсден Ч. Нуждается ли культура в генах? / Ч. Ламсден [Электронный ресурс] // Эволюция, культура, познание / под ред. И. П. Меркулова. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 128-137. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/1996/Evolution.pdf (дата обращения: 23.11.2019)
5. Уилсон Э. Смысл существования человека / Э. Уилсон. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 216 с.
6. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме / И.Т. Фролов. – М.: Политиздат, 1989. 558 с.
7. Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки, дискуссии, обобщения. 2-е изд. / И.Т. Фролов. – М.: Издательство политической литературы, 1983. 350 с.
8. Фролов И.Т. Философия и история генетики: поиски и дискуссии / И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1988. 416 с.
9. Фролов И.Т. Этика науки: Поиски и дискуссии / И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин. – М.: Политиздат, 1986. 400 с.

10. Trivers R.L. The Evolution of Reciprocal Altruism [Electronic resource] // The Quarterly Review of Biology. Vol. 46. No. 1 (Mar., 1971). Pp. 35-57. – URL: https://greatergood.berkeley.edu/images/uploads/Trivers-EvolutionReciprocalAltruism.pdf (дата обращения: 23.11.2019)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Пустобаев Д.С.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Сейчас необходимость формирования правовой культуры студенческой молодежи в организациях высшего образования обусловлена существенными социально-экономическими изменениями, которые происходят в российском обществе, политическими и законодательными инициативами, в том числе и в системе образования и профессиональной сфере, направленными на имплементацию международных норм и стандартов, повышением роли права в жизни молодого человека.

В последнее время все большего внимания требует проблема создания в высших учебных заведениях России системы формирования правовой культуры студенческой молодежи как существенной основы духовной безопасности будущих специалистов, ведь именно «духовная безопасность общества является фундаментом сохранения государственности и процветания государств в глобальной конкурентной борьбе.

За последнее десятилетие проблема духовной безопасности России вошла в круг наиболее актуальных. Отечественными учеными осуществлено детальное исследование проблемы духовной безопасности российского общества в философско-мировоззренческом контексте; раскрыта роль гражданского воспитания молодежи как важнейшего условия обеспечения духовной безопасности и устойчивости России; определены пути уменьшения актуальных угроз в духовной сфере современного российского общества.

Вместе с усиленным интересом ученых к проблемам духовной безопасности молодежи, определению ведущей роли системы образования в ее обеспечении проблема формирования правовой культуры студенчества в учреждениях высшего образования как фактор усиления в обществе духовной безопасности остается актуальной и малоисследованной. Значительные изменения условий жизни российского общества неоднозначно отразились на социализации молодого поколения, породив ряд проблем современного российского общества, а именно: снижение уровня культуры и духовности в молодежной среде, значительный рост количества временно нетрудоустроенной молодежи с высшим образованием, распространение явления профессиональной пассивности и увеличение спектра асоциальных и открыто противозаконных занятий, в которые втягивается молодежь еще в период профессионального становления.

Пребывание студенчества в зоне повышенной социальной опасности часто связано с низким уровнем правовой культуры молодых людей и отсутствием системы правовой поддержки по месту их учебы, от характера и качества которой зависит способность молодежи строить свою дальнейшую жизнь и ка-

рьеру на правовых основах, в полной мере реализуя свои права и исполняя обязанности, способствуя развитию безопасного для всех правового общества в России, развивая собственную правовую культуру в течение жизни. Указанные проблемы современной молодежи не могут быть решены без системного вмешательства научно-педагогических работников российских вузов, реализация профессиональной деятельности которых направлена на усиление правового воспитания молодежи.

Методология исследования затронутой проблемы обеспечивается применением комплекса научных подходов и методов: аналитико-синтетического для анализа основных понятий исследования, освещения их сущности; факторного для определения ведущих факторов, обеспечивающих духовную безопасность студенческой молодежи; системного и структурного для теоретического обоснования целостной системы формирования правовой культуры студенчества в учреждениях высшего образования; моделирование и конструирование для содержательной разработки составляющих разработанной системы; диагностики и прогнозирования для оценки качества деятельности научно-педагогических работников; обобщения для формулировки логических выводов.

Формирование правового общества является условием устойчивого развития государства, которое происходит в России, к сожалению, довольно медленно. Ведущим тормозным фактором на пути его развития является низкий уровень духовной и правовой культуры населения страны, что вызывает распространение таких негативных общественных явлений, как коррупция, экстремизм и насилие, которые составляют существенную угрозу для устойчивости и экономического роста России. Именно правовое общество, члены которого способны к поддержанию в обществе устойчивости на основе распространения гражданского контроля, проявления социального доверия, консолидации и партнерских отношений, проявления высокой гражданской позиции, способно обеспечить духовную безопасность населения России. В свою очередь, как отмечают отечественные исследователи, духовная безопасность общества направлена на защиту национальных ценностей и приоритетов развития, ментально-цивилизационных основ существования народов России, сохранение их культурной самобытности в глобальных процессах современности. Одним из перспективных путей поддержания в обществе духовной безопасности является повышение уровня правовой культуры и образованности его членов, что предусматривает формирование в них ценностей правового государства, усвоение идей равенства, социальной справедливости, общественного контроля над распределением социальных благ [4, с. 506].

Понятие «правовая культура» включает в себя ряд категорий, которые обеспечивают способность личности реализовать социальные права человека: право на труд и образование, жилье и отдых, безопасную окружающую среду и охрану здоровья, на безопасные условия труда и достойный жизненный уровень [1]. Формирование правовой культуры – длительный процесс, который реализуется в основном в системе образования. Причем в решении задач формирования правового образования граждан определяющая роль принадлежит

именно заведениям высшего образования, в которых готовят будущих специалистов, которые, в частности, должны быть компетентными в вопросах обеспечения прав человека в обществе, трудового законодательства, правовой защиты в выбранной профессиональной области. В образовательном процессе студенты получают основы правовых знаний, участвуют в воспитательных мероприятиях правозащитной тематики, занимаются самообразованием и научными исследованиями, сталкиваются с реалиями правового положения в России в профессиональной деятельности. Правовая культура выпускников становится одним из требований их общей подготовки в высших учебных заведениях, поскольку без понимания правовых норм как основы трудовых отношений в любой сфере деятельности будущие специалисты не способны качественно выполнять профессиональные обязанности, избегать противоправных действий, защищать себя в различных ситуациях, которые могут произойти в профессиональной сфере.

Углубленное изучение затронутой проблемы предполагает основательное рассмотрение категории «правовая культура студенчества», для понимания сущности которой будем исходить из анализа широкого круга исследовательских источников определения дефиниции «правовая культура личности». Последнее понимается как степень и характер правового развития личности в общественной правовой культуре, ее ценностное ядро, основанное на определенном уровне развития положительного правосознания, реализуется в активной творческой правоприменительной деятельности. Правовая культура личности определяется правовой образованностью человека, в частности, ее развитым правосознанием, умениями и навыками реализовывать свои права, подчинить поведение требованиям правовых норм. Это является дополнительным свидетельством значимости правового образования личности именно в системе образования, особенно в вузах, где обеспечивается формирование у будущего специалиста таких составляющих правовой культуры, как: уважение к праву; наличие определенного груза юридических знаний, понимание норм права; высокая общая культура и широкая эрудиция, образованность; правовые навыки личности; мотивированное правомерное поведение, проявляющееся как при получении образования в высших учебных заведениях, так и в дальнейшей профессиональной деятельности и в повседневной жизни; высокая общественно-правовая активность.

Подчеркивая сложную, комплексную природу исследуемого феномена, под правовой культурой студентов вузов следует понимать взаимосвязь интеллектуально-волевых и морально-психологических интегрированных компонентов, которые согласованно взаимодействуют и проявляются в правосознании, сказываются на мировоззрении и чувствах, навыках и привычках, регулирующих поведение будущего специалиста при определении правомерных целей, путей и средств их достижения, основанных на принципах справедливости, нетерпимости к правонарушениям, осознанной потребности в правовом самообразовании.

Актуальна в современном мире переориентация стратегии защиты прав человека от обеспечения государством и его органами (пассивная составляю-

щая защиты) к созданию общества равных возможностей, в котором активные граждане смогут беспрепятственно реализовывать на правовой основе собственные жизненные потребности, способности и творческий потенциал.

При таких условиях значительно возрастает потребность в создании целостной системы формирования правовой культуры студенчества с применением различных механизмов поощрения гражданской активности молодежи, в распространении студенческого самоуправления, развитии форм волонтерской деятельности и взаимопомощи. Эффективность организации и управления образовательным процессом напрямую зависит от глубины познания сущности этого процесса, его движущих сил, свойств и закономерностей. С учетом повышения роли интеграционных подходов в профессиональной подготовке при решении исследовательских задач все процессы целесообразно изучать и анализировать с позиций внутреннего единства совокупности составляющих образовательной системы. Следовательно, формирование правовой культуры студенчества следует рассматривать с позиций системного подхода. Это обеспечит понимание того факта, что правовым воспитанием должны быть охвачены все компоненты образовательного процесса, все образовательные структуры.

Кроме того, моделируя систему формирования правовой культуры студенческой молодежи, следует учитывать, что такая система имеет открытый характер, находясь под влиянием социальных и социально-педагогических систем, основным назначением которых является необходимость реагирования на потребности человека, на общественные вызовы.

Такой подход особенно важен для формирования правовой культуры молодежи в процессе профессионализации в высших учебных заведениях, поскольку реализация этого процесса становится возможной только благодаря обеспечению образовательного процесса социально-правовой поддержкой государства и его институтов, общества, различных образовательных проектов.

Правовая культура аккумулирует в себе многочисленные виды культуры, связанные с правовой отраслью: экономическую, политическую, нравственную экологическую и другие; она отражает наиболее значимые ценности общества, так как прежде всего они нуждаются в правовом упорядочении и государственной защите.

Именно моделирование сложных открытых систем обеспечивает выявление причинно-следственных связей и уточнение влияния различных факторов, прогнозирование последствий внедрения инноваций, объективную оценку полезности и возможных недостатков и позволяет повысить производительность работы научно-педагогических работников высшей школы [3].

Применяя метод моделирования к затронутой проблеме, выделим основные структурные компоненты системы формирования правовой культуры студенчества:

1) цели и задачи;

2) основные положения и принципы ее функционирования (целевой компонент);

3) определение субъектов образовательного процесса, осуществляющих формирование правовой культуры студентов (субъект-субъектный);

4) организационно-содержательная структура, обеспечивающая взаимодействие участников образовательного процесса (организационно-содержательный компонент).

Основываясь на результатах анализа исследуемой проблемы, определяем цель системы как формирование всех составляющих правовой культуры студенчества, в частности: уважения к правам и свободам человека, уважения к человеку (в частности, и к собственной личности) как высшей социальной ценности; необходимых правовых знаний, понимания норм права; общей культуры и образованности; правовых навыков по реализации субъективных прав и свобод; правового поведения; общественной активности.

Ключевыми задачами системы формирования правовой культуры студенческой молодежи являются: создание в учебном заведении атмосферы уважения к правам и свободам человека; основательная подготовка администрации и профессорско-преподавательского состава к построению прозрачных отношений в образовательном процессе; обогащение содержания образования образовательными дисциплинами, содержательными модулями и темами правозащитного направления; распространение среди студенчества правовых принципов и понятий, которые обеспечивали бы правовое поведение молодежи, формирование уважения и социального доверия к государству и его органам; распространение практик правомерного поведения, поощрение проявлений активной жизненной позиции в правовой сфере, популяризация негативного отношения к коррупции, насилию, дискриминации, правонарушениям, поощрение стремления студентов принять участие в борьбе с негативными социальными явлениями, развитие волонтерской активности и поощрение студенческого самоуправления; проведение индивидуальной работы по преодолению в поведении отдельных студентов противоправных проявлений [2, с. 297].

Основные принципы функционирования системы формирования правовой культуры студенческой молодежи:

1) влияние на молодежь основывается на осведомленности и знаниях;

2) студентам предоставляется необходимая правовая помощь и поддержка;

3) применяется индивидуальный подход и толерантное отношение к каждой личности;

4) в образовательном процессе гарантируется соблюдение прав студентов и их безопасности.

В процессе обоснования системы формирования правовой культуры студенчества отметим, что организационно-содержательная структура, которая обеспечивает взаимодействие участников образовательного процесса, определяется структурой образовательного процесса в целом, в частности, такими его детерминантами, как: содержание обучения студентов, специфика воспитательной работы и уровень студенческого самоуправления.

Основными ориентирами формирования правовой культуры студенческой молодежи должны стать:

1) прозрачность, оперативность и законность в работе руководства высшего учебного заведения, отсутствие или минимизация фактов коррупции, максимальное отображение результатов работы в средствах массовой информации, оперативное правовое информирование студентов об изменениях в трудовом законодательстве, открытие центров бесплатной юридической помощи;

2) привлечение студентов к волонтерской работе в решении правовых вопросов, обеспечение прав и свобод человека, развитие различных форм участия молодежи в охране общественного порядка [6,с. 48];

3) активное использование возможностей Интернета для проведения правовой агитации и пропаганды, мобильное правовое информирование и консультирование в социальных сетях;

4) создание тематических групп на форумах по обсуждению правовых вопросов, а также способов защиты прав и свобод человека в различных ситуациях студенческой жизни и профессиональной деятельности [5, с. 257].

В общем, углубленное изучение проблемы формирования правовой культуры студенческой молодежи позволило сделать следующие выводы:

1) духовную безопасность населения России способно обеспечить только демократичное правовое общество, построенное на основе правовой компетентности и социального доверия его граждан, проявления высокой гражданской позиции;

2) повышение уровня правовой культуры и образованности молодежи является одним из перспективных путей поддержания в обществе постоянства и духовной безопасности, поддержания социальной справедливости, развития системы общественного контроля и т.д.;

4) составляющими правовой культуры студенчества являются: уважение к правовым нормам общества; наличие действенных правовых знаний; правовые навыки для реализации субъективных прав и свобод; лично мотивированное правомерное поведение; общественно-правовая активность;

5) на данный момент в высших образовательных учреждениях есть потребность в создании целостной системы формирования правовой культуры студенчества с применением различных механизмов поощрения гражданской активности молодежи, распространения студенческого самоуправления, развития форм волонтерской деятельности и взаимопомощи;

6) организационно-содержательная структура системы формирования правовой культуры студентов определяется структурой образовательного процесса в целом, в частности, такими его детерминантами, как: содержание обучения студентов, специфика воспитательной работы и уровень студенческого самоуправления.

По нашему мнению, перспективным является дальнейшее теоретическое обоснование и содержательная разработка компонентов системы формирования правовой культуры студентов и ее реализация в высшем учебном заведении.

Список литературы

1. Каландаришвили, З. Н. Основные концепции изучения правовой культуры в юридической науке / З. Н. Каландаришвили // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 10. – Вып. 56. – С. 111–120.

2. Кудрявцев, В. Н. Современная социология права: учебное пособие / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. – М.: Юристъ, 1995. – 297 с.

3. Лапшина, И. Е. Юридическое образование за рубежом (опыт США и ФРГ) / И. Е. Лапшина, Т. А. Аркадьева, М. А. Валеева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № 12. – С. 166–170.

4 .Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 560 с.

5. Марченко, М. Н. Сравнительное правоведение / М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 781 с.

6. Сауляк, О. П. Правовая культура как фактор обеспечения правопорядка (общетеоретические, образовательные и иные аспекты проблемы) / О. П. Сауляк // Право и образование. – 2009. – № 10. – С. 48–59.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ Н.А. БЕРДЯЕВА

Саликбаева З. Е.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Н.А. Бердяев – один из выдающихся философов, внёсших большой вклад в развитие философии. Мыслитель особенно известен за свои обширные исследования на тему человеческой свободы. Исследования философа затрагивали также политическое и правовое устройство, поскольку это является одним из важнейших факторов совершенствования или сдерживания развития общества.

Н.А. Бердяев прошел трудный путь формирования своих философско-правовых идей. Его мировоззрение на политико-правовое устройство изменялось на протяжении всей жизни, но при этом, нельзя упрекать философа в непостоянстве мысли. Напротив, Бердяев пытался отыскать наилучший вариант развития общества путём применения того или иного устройства для достижения единственной цели – развития совершенного общества, выражающего божественную сущность человека, основанную на свободе, любви и творчестве.

В конце XIX века Н.А. Бердяев придерживался марксизма, поскольку на тот момент марксизм был одной из наиболее популярных идей. Однако, марксизм в трудах Н.А. Бердяева был больше критическим, нежели ортодоксальным [12]. Мыслитель нередко использовал замену «блоков» марксистской идеи, обращаясь к первоисточникам самой идеи. Итогом такого течения мысли стал уход от основных положений марксизма.

Н.А. Бердяев пришел к выводу, что сформировавшаяся интеллигенция, вышедшая из пролетариата, не стремится к достижению свободы. Наоборот, ей присущ деспотизм и тоталитаризм, который проявляется в установлении диктатуры пролетариата. Будучи ещё приверженцем марксизма, он считал, что социализм сможет встать на путь развития свободы. Однако, вскоре Н.А. Бердяев полностью отрекся от идей марксизма. Он считал, что хоть между экономикой и духовной составляющей общества имеется соответствие и взаимодействие, но духовная жизнь все же является первостепенной. Экономика не может регулировать сущность человека, она способна только создать необходимые условия для развития духовной жизни. Придя к такому выводу, Н.А. Бердяев предпринял попытку бороться с тоталитарной системы регулирования свободы, мысли и творчества [1]. Даже сама идея революции в представлении мыслителя была несколько иной, нежели в понимании марксизма. Н.А. Бердяев был ярым сторонником революции сознания, когда происходит резкий переход к иному мировоззрению, взамен старого. Революция в России была нацелена, прежде всего, на смену политического режима путём свержения царской династии. Это не отвечало запросам Н.А. Бердяева на формирование свободы, в связи с чем, его первоначальный революционный оптимизм сменился негативным отношением к происходящим событиям. Мыслитель считал, что достижение свободы путём

установления диктатуры пролетариата невозможно из-за использования насилия, а также принудительного установления политической идеологии. По его мнению, совершенствование общество не должно основываться на новом политическом насилии, а проходить по неполитическим формам развития [4].

После отказа от марксизма, мыслитель повернул к религиозному направлению в своих исследованиях. Наиболее яркое проявление отношения Н.А. Бердяева к политическому строю, к праву и смежным понятиям отражено в следующих произведениях «Философия неравенства», «Русская идея», «Царство Духа и царство Кесаря», а также «Истоки и смысл русского коммунизма». Кроме указанных трудов, данная тема затрагивается и в других, однако, именно упомянутые наиболее глубоко раскрывают тематику философско-правовых идей.

В творчестве Н.А. Бердяева прослеживается определенный дуализм, согласно которому предполагается, что человек в мире является одновременно и рабом, и царём. Рабство обусловлено естественной природной сущностью человека, которая отражается в бытие объективированного мира. Царское начало человека отражает его образ Бога. Из этого всего можно сделать несколько выводов. Во-первых, государство должно оберегать человека от объективных негативных факторов: «звериных стихий» [5]. Вторая мысль выражается в необходимости наличия права в государстве, которое будет охранять свободу человека от любого вмешательства со стороны других людей, общества и государства. Право, как возвышенная категория, должна найти своё внешнее отражение в наличии законов, которые создадут правовой механизм ограничения полной свободы одного человека, рамками свободы другого. Кроме того, по мнению Н.А. Бердяева, особое место занимает церковь, поскольку именно на неё возложена функция охраны образа человека от «демонов природы» [5]. Церковь должна показать человеку путь к любви, духовной свободе и самосовершенствованию посредством творчества.

Государство, как говорил Н.А. Бердяев, необходимо не для управления обществом или продвижения интересов власть имущих, а в качестве сдерживающей силы, которая призвана обеспечивать «минимум добра и справедливости» [10]. Именно поэтому Бердяевым были негативно восприняты идеи большевиков. Их целью было установление диктатуры пролетариата путём угнетения капиталистов. Мыслитель считал, что угнетение человека, пусть даже и в интересах наибольшей группы населения (в данном случае интересы трудящихся) недопустимо. Фактически, новый режим по своей сути не отличался ничем от предыдущего, кроме смены сторон. В данном случае угнетающая группа людей была заменена угнетенными. Тем самым, революции в духовном смысле не произошло, а изменения коснулись лишь экономики и политического режима. Н.А. Бердяев считал, что суверенитет власти монарха, пролетариата, да и в целом, народа являются не более, чем мифами [3]. Такие идеи мыслителя нередко считают анархистскими некоторые исследователи государственности и права, такие как Нерсесянц В.С. [9]. Бердяев не считал себя анархистом, поскольку он был сторонником существования права, закона и государства. Его

критика существующих систем была направлена на необходимость изменения, а не на отрицание в принципе.

Однако, в некоторых исследованиях всё же можно увидеть аргументы в пользу анархичности мыслей Бердяева. К примеру, Дендиберя А.А. указывает на присутствие некоторых элементов религиозного анархизма. Аргументом является представление философа об общественном устройстве, основанном на организации объединения свободных религиозных общим [8]. Однако, с этим выводом трудно согласиться, поскольку анархизм предполагает полное отрицание управления и власти человека. Бердяев же говорил об отсутствии необходимости государства, функции которого будет выполнять религиозная община. К слову, большевики говорили о похожей идее – наступлении коммунизма, т.е. общественном строе, где государство, как регулятор общественных отношений не будет нужно, т.к. общество будет самоуправляемым. При таких условиях возникает справедливый вопрос: почему большевиков никто не считал анархистами, а Бердяеву приписывают такие наклонности? Поэтому, вывод о принадлежности философа к анархистам не является логичным и обоснованным. Тем более, что Н.А. Бердяев говорил о наилучшем устройстве общества, к которому оно будет идти долгое время. Вместе с тем, философ не являлся сторонником теократического государства. Это объяснялось тем, что в теократии были возможности для реализации соблазнов человека. Подверженность таким соблазнам была видна, исходя из исторических фактов, где подобное государство пытались построить. Бердяев считал, что необходимо прийти к истинному христианскому предназначению человека, раскрыть его сущность при помощи религии. Именно с этим он и связывал возможность свободных религиозных общин, которые будут иметь цель совершенствования, развития творчества, а не сдерживания человека от соблазнов и зла. В понимании философа, любое применение силы (даже для достижения полезной цели) является опасным, поскольку это использование зла. Конечно, данное зло необходимо для предотвращения ещё большего, однако, со временем, использование любой силы должно быть прекращено, поскольку это противоречит духу христианства, любви и свободы.

Под правом Н.А. Бердяев понимал некое надгосударственное начало, данное Богом. И если государства со временем могут быть упразднены, то право всегда будет необходимо. В этом проявляется относительность государства и характерная абсолютность права. По мнению Н.А. Бердяева, именно государство должно быть санкционировано правом, основано на праве, а не наоборот [2]. Право отражает божественность человеческой природы, подчеркивает его духовный мир. В качестве права Бердяев рассматривал не только законы, но и нормы морали, а также религиозные нормы.

Законы, в свою очередь, являются лишь механизмом, посредством которых установлен определенный порядок внешней реакции на существующее зло. Основной проблемой существования закона представляется невозможность полного устранения зла. Закон может лишь отреагировать на это зло вовне, его ограничить и в некоторых случаях смягчить последствия [11]. Как писал Н.А. Бердяев: «Закон имеет возможность принуждать людей к справедливости, од-

нако он не может понудить их к братству» [7]. Философ признавал необходимость положительного закона, который обязательно должен был основан на праве. Таким образом, закон является лишь объективной формой выражения права, своего рода продолжением права.

Отношение философа к правовому государству также представляет особый интерес. Бердяев считал, что нет смысла стремиться к правовому государству ради него самого. Создание правового государства не может являться конечным итогом развития общества. Такое же мнение было и по отношению к конституциям и иным законам. Принятие конституций возможно, и в некоторых случаях даже необходимо, однако, они должны соответствовать историческому периоду развития и отвечать историческим требованиям. В то же время, вера в конституции представлялась бессмысленной, поскольку она должна быть направлена на вещи более достойные [6]. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости правового государства, но лишь, как к этапу становления наилучшего общества. Правовое государство необходимо для того, чтобы ограничить возможность злоупотребления властью, и, как итог – предоставление большей свободы гражданам для реализации их творчества. При этом, характерной особенностью такого государства является его религиозность. Это отнюдь не означает установление обязательной религии, напротив, общество должно самостоятельно прийти к выводу важности религии, как к способу проявить свою божественную сущность.

Таким образом, философско-правовые идеи Н.А. Бердяева можно представить следующим образом:

1. Существующие политические режимы предполагают насилие и установление диктатуры какой-либо из групп общества. Капитализм и марксизм не имеют сущностной разницы в своем политическом взгляде за исключением вопроса перераспределения общественных (экономических благ).
2. Право – божественная категория, она находится вне государства и государственной власти. Сущность права заключается в регулировании общества, оно может и должно заменить власть.
3. Законы представляют собой внешнее выражение права и создают механизм функционирования общества, защищая его от зла. Угнетающие законы свидетельствуют о плохой развитости права, либо его отсутствии вообще (в крайне деспотических режимах).
4. Государство необходимо только на определенных этапах развития общества для выполнения роли сдерживающей силы. Правовое государство – это один из этапов развития государственности, при котором существование свободы будет более эффективным, чем в государствах, не являющимися правовыми. Такое устройство позволяет не допустить злоупотребление властью в своих интересах. Как итог, государственность должна преобразоваться в свободные религиозные общины, в которых регулирование будет осуществляться на уровне самоконтроля и целью которых станет направление на путь развития человека и раскрытия его божественной сущности.

Тем самым, философско-правовое представление Н.А. Бердяева является довольно интересным, и главное, не потерявшим актуальность и по сей день. Стремление к правовому государству до сих пор является задачей практически любой страны, в том числе и России.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Критика исторического материализма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/opiti_filosovskie/4 (Дата обращения 15.11.2020).
2. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999. 464 с.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 388 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М.: Наука, 1990. 160 с.
5. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письмо шестое: О христианской свободе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vehi.net/berdyaev/filos_svob /06.html (Дата обращения 15.11.2020).
6. Бердяев, Н.А. Философия неравенства письма к недругам по социальной философии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/philosofy_neravenstva (Дата обращения 15.11.2020).
7. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berdyaev_tsarstvo_dukha_i_tsastvo_kesarya_1951__ocr.pdf (Дата обращения 15.11.2020).
8. Дендиберя А.А. Идеи Н. А. Бердяева о государстве и праве //Философия права. 2015. № 4. С. 28 – 30.
9. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н. проф. В.С. Нерсесянца. – 4.е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2001. 944 с.
10. Овчинников А.И., Овчинникова С.П., Андрейченко А.С. Православное вероучение и консервативная философия права: в 2-х ч. // Философия права. 2007. № 2. Ч. 2. С. 57 - 61.
11. Романовская, В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX - начала XX вв. / В.Б. Романовская, П.С. Жданов // Мир политики и социологии. 2013. №11. С. 28 - 35.
12. Савченко В.В. Становление взглядов Н. А. Бердяева на общество и государство в дореволюционный период // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №1. С. 38 - 43.

НЕМЕЦКИЙ ЭКСПРЕССИОНИЗМ: НА СЦЕНЕ И НА ЭКРАНЕ

Сербаев Р.А.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Творческое явление начала XX века, получившее такое название, как немецкий экспрессионизм, уникально как в театральном искусстве, так и в кинематографе. Экспрессионизм того времени сочетал в себе различные новаторские концепции, новые интересные решения в процессе создания фильмов, которые даже на современном уровне развития кинематографа вызывают интерес как у исследователей искусства, так и у культурологов.

Новации в театре и кино того периода рассматриваются раздельно в зарубежной и отечественной историографии. Без режиссеров того времени (Вайхерт, Аппиа Рейнхардт и др.), начавших эксперименты на театральной сцене; актеров (Дейч, Краусс, Кортнер, Вегенер) соединивших в своей игре натурализм и условность маски; художников-сценографов (Клейн, Зиверт, Штерн), создавших новые решения в области освещения сцены и декораций, экспрессионизм как направление не получил бы своего уникального и узнаваемого стиля. С театра того времени берет свое начало синтез спектакля и кинематографа.

Свое формирование экспрессионизм начинает в 1910-х годах, после Первой мировой войны, декаде полного разрушения, социальных потрясений и политических изменений. После поражения в войне и Ноябрьской революции, для жителей Германии начинается период «шока», выраженного в ощущении скорой новой катастрофы мирового масштаба, окончательного изменения человеческого духа, где гуманизму нет места, потери самой человечности. Гиперинфляция начала 20-х годов также вселила в людей чувство безысходного отчаяния, а будущее для общества становилось обезличенным. В такой атмосфере «темного периода» люди стали все чаще обращаться к магии и мистицизму как к новому способу выражения своих мечтаний и воображения. Человек, который с помощью ухищрений и колдовства может преодолеть окружавшую его нужду и катастрофу, стал одним из главных образов того периода. Течение, требовавшее свержения существующих принципов в искусстве и вне его через решительность и эмоции, и получило название экспрессионизм. Для немецких режиссеров и драматургов 1920 годов эти настроения стали ключевыми темами творчества. «Именно в режиссуре проявилось своеобразие экспрессионизма как эмансипировавшегося от всех прочих художественных направлений XX века специфического театрального стиля» [3, с. 455].

В основе спектаклей экспрессионистов лежала идея выражения смысла без углубления в психологию героев, наполнения абстрактностью и символикой. Декламации, «взрывные» предложения-призывы заменяют традиционную для немецкого языка форму выражения через сложные формулы и длинные предложения. Несмотря на «телеграфный стиль», в языке экспрессионизма не

так легко узреть смысл, который хочет донести автор – с помощью символов, мистических аллегорий и смешения неологизмов «скрывается» творческая истина. Так, в «Вильгельме Телле» Л. Йесснера звучит тема жажды свободы любой ценой, в его же «Ричарде III» – проблема тиранической власти, в спектакле Р. Вайхерта «Сын» – взгляд на окружающих людей как на проекцию внутреннего мира главного героя [6].

Главным для экспрессионистов было показать кризис и хаос, окружавший современника. Вместе с отрицанием традиционных форм драмы, изменился и внешний вид самой сцены – декорации превратились в символ конструкций, разнообразные геометрические формы без каких-либо украшений. Чистый модернизм на сцене появился еще у Эдварда Крэга, крупнейшего представителя символизма в театре, и нашло широкое распространение в экспрессионизме – огромные лестницы как символ взлета и падения, световые столбы, горизонт, представляющий собой край бездны и крошечные фигуры главных персонажей. Главный герой на фоне безграничного пространства космоса противостоит окружающему безликому миру. Спустя время все эти приемы перекочевали и в кинематограф, дополняя «атмосферу борьбы» новыми приемами визуализации. Стоит отметить, что «бесконечные» пространства были не единственным приемом режиссеров, также существовали декорации, показывающие «душу» героев в виде узких и маленьких пространств, например комнатки или переулка, в которых герой выделен светом из окна. Неуютные, поломанные геометрически силуэты домов и городов в целом показывали разлад во внутренней гармонии героя и окружающего его общества.

С приходом экспрессионизма на киноэкраны герой или окружающий его мир продолжают свое динамическое движение, перевоплощаясь в чудовищ. «Монстры» стали выражением продолжающегося падения нравственных устоев общества. Иначе говоря, «художественная задача экспрессионистов состояла в том, чтобы сделать вещи и человека выразительнее, заставить их выявить свою суть, не совпадающую с обычной видимостью» [4, с. 240]. Человек, находящийся в конфликте с окружающим миром, показывается в момент наивысшего напряжения сил, «на грани» своих психических возможностей – грани между жизнью и смертью, когда через порывы чувств приходит осмысление собственной жизни [2].

Обращение к мистике и мифам показало страхи общества в виде «зла» – демонов, монстров или людей, которых почти не отличить от страшных существ ни по внешнему виду, ни по поведению. «Печаль становится депрессией, отчаяние превращается в истерию. Основное настроение – крайняя боль. Герой экспрессионизма живет по законам своей реальности, не найдя себя в настоящем мире. Он не преобразует реальности, а утверждает себя и потому часто не считается с законами, а нарушает их во имя справедливости или для самоутверждения. Это маленький человек, подавленный жестокими социальными условиями существования, страдающий и гибнущий во враждебном ему мире. Герои настолько чувствуют свою беспомощность перед грозной и жестокой силой, что не могут понять, постичь ее» [5].

Работая над отображением окружающего мира, режиссеры театра и кино используют разные средства. Так, Винэ, Пабст, Мурнау, Ланг переносят в фильмы рожденные эстетикой экспрессионизма образы – пугающие и демонически прекрасные, депрессивные и болезненные. Л. Ришар, исследователь экспрессионизма и автор «Энциклопедии экспрессионизма», считает, что немецкий кинематограф подчиняется законам театральной эстетики только на раннем этапе: «несложные мизансцены разворачивались на фоне нарисованного задника, актеры должны были играть лицом к публике, сценография еще оставалась примитивной» [7, с. 298]. С появлением и развитием новых техник кинорежиссеры «не только пытались изобразить сцены светской или мещанской жизни, но и увлеклись мистическими и фантастическими мотивами, темами безумия и тревожного ожидания, для реализации чего обратились в своих фильмах к находкам современной живописи и театра» [7, с. 298].

Все эти необычные декорации заставляли актеров полностью сливаться с ними. Л. Айснер, известный исследователь немецкого экспрессионизма, подчеркивает, что «декорации в некоторой степени диктуют и стиль актерской игры. В полном стилистическом единстве актеры «соединялись» с абстрактными и искаженными формами благодаря высокой мимической концентрации и сдержанности движений. Они упрощают мимику, уплотняют свои жесты, сводя их до почти линейных, математически абстрактных движений, которые остаются плоскими и кажутся такими же резкими, как ломаные линии декораций» [1, с. 24]. Еще одним новаторским приемом, использовавшимся впервые в кино, стала «световая точка», которая подсвечивала на экране предмет, детали или лицо героя. Именно такой прием мы видим в фильме «Кабинет доктора Калигари» (1920), считающемся венцом периода «калигаризма», когда сюжеты вращались вокруг мистики и таинственной стороны бытия.

В 1920-х на смену «калигаризму» приходит «новый экспрессионизм», отличительной чертой которого стало стремление к реальности и обыденной жизни, сохраняя идею борьбы героя и окружающего мира [7, с. 313]. Одного взрыва эмоций и динамической выразительности стало явно недостаточно. Главный герой фильма становится ретранслятором всей идеи фильма и отражением представлений зрителей о самом себе. Персонаж экспрессионистского кино – простой, вызывающий человеческое сочувствие и в то же время обыденно-страшный, демонический, отличается от театрального персонажа. Изображение героя и окружающей реальности приобретает черты реализма.

К концу 1920-х годов экспрессионизм, пройдя путь своего становления, «вернулся» на театральную сцену, но уже в измененном виде: в спектаклях часть смысловой нагрузки переносится на специально снятый отрывок, проецируемый на экране. Так, этим приемом часто пользовался в своих спектаклях-обозрениях режиссер Э. Пискатор, затрагивающий социально-политические проблемы современного ему общества [6]. Произошел обратный процесс, когда приемы кино вплетались в структуру театра.

Немецкий экспрессионизм, зародившийся в один из самых страшных для Германии периодов, воплощал в себе новаторские и экспериментальные идеи.

Новые формы отражали в себе состояние немецкого народа, столкнувшегося с острыми социальными и политическими потрясениями. Размышления о будущем государства, страх перед новыми мировыми потрясениями дали начало для уникального направления в искусстве. Экспрессионизм, выраженный через фразы-лозунги, взрыв эмоций, демонстрацию самых темных сторон человеческой души, не теряет свой особый стиль даже спустя век и до сих пор прослеживается во многих современных произведениях кинематографа и театральных постановках.

Список литературы

1. Айснер Л. Демонический экран / Л. Айснер. – М.: Rosebud Publishing; Пост Модерн Текнолоджи, 2010. – 240 с.

2. В. Херцог и традиции немецкого экспрессионизма [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1550836&selid=25359724 (дата обращения: 29.11.2020).

3. Гительман, Л.И. История зарубежного театра / Л.И. Гительман. – СПб.: Искусство, 2005. – 575 с.

4. Комаров, С.В. История зарубежного кино. Немое кино / С.В. Комаров. – М.: Искусство, 1965. – 470 с.

5. Развитие экспрессионизма в литературе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.naexamen.ru/liter/li_25267.shtml (дата обращения: 07.12.2020).

6. Режиссеры немецкого экспрессионизма. От театра к кино [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20571638 (дата обращения: 09.12.2020).

7. Ришар, Л. Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка / Л. Ришар. – М.: Республика, 2003. – 432 с.

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Томина Е.Ф., канд. пед. наук, доцент,
Побегайлова Н.Г.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В современном российском обществе процесс воспитания подрастающего поколения происходит в рамках политических и экономических изменений, в результате которых молодежные объединения преобразуются в новые формы. Кроме того, изменяется и содержание информации в СМИ. Вследствие такой реформации формулируются новые задачи по формированию моральных, нравственных качеств у молодежи, среди которых особое внимание уделяется патриотическому воспитанию.

Рассматривая особенности патриотического воспитания нужно определить, что собой представляет данное понятие. Патриотизм как моральный и политический принцип, социальное чувство, в своей основе содержит любовь к Родине, готовность исполнить гражданский долг и поступиться своим интересам ради благополучия Отечества [4, 143].

Системный подход к воспитанию патриотизма при изучении исторических дисциплин включает в себя несколько путей:

- Объединение гуманитарных предметов.
- Основательное изучение исторического материала с применением современных исследований.
- Пересмотр исторических событий с точки зрения современных проблем в мире.

В настоящее время воспитание и процесс обучения взаимосвязаны и являются частью педагогической деятельности. Одним из важнейших компонентов именно патриотического воспитания является усвоение исторических дисциплин. Это связано с тем, что в истории России заложен большой воспитательный потенциал, который позволяет обучающимся углубиться в причинно-следственные связи нашего прошлого, узнать о доблестных подвигах своего народа и его уникальную историю, что в свою очередь поднимает патриотических дух и вызывает гордость за историю своей Родины. Воспитание патриотизма при изучении исторических дисциплин начинается, как правило, с того, что преподаватель обозначает ценности исторического познания своего государства, а так же его культурных и национальных традиций. Любовь к родному языку, стране и своему народу является важными компонентами патриотического воспитания. В ходе изучения исторического материала формируются ценностные ориентиры, которые в меняющихся современных реалиях, особенно необходимы подрастающему поколению [2, 176].

При рассмотрении данной проблемы, не менее важным будет уточнение о самом понятии «исторические дисциплины». Как известно, отечественная история представляет собой научную дисциплину, изучение которой направлено на процесс зарождения, формирования и развития российского общества и государства с древнейших времен и до наших дней. Все остальные исторические отрасли включаются в раздел вспомогательные исторические дисциплины. Это сравнительно автономные области исторической науки, которые с помощью специальных методов занимаются изучением определённых видов или же некоторых сторон форм и содержания исторических источников. Как правило, к ним относятся следующие дисциплины: палеография, эпиграфика, историческая метрология, нумизматика и бонистика, хронология, дипломатика. Кроме того, генеалогия, геральдика, сфрагистика, историческая география и информатика, источниковедение, архивоведение, документоведение, историческая ономастика, историческая антропонимика, историческая демография, фалеристика, археография. Нужно учитывать, что каждая из них представляет узкую область изучения исторического материала и имеет свои задачи.

Довольно часто, в особенности при изучении исторических дисциплин у негуманитарных специальностей, интерес к истории находится на невысоком уровне и представляет собой стереотипное мышление, выраженном в том, что процесс постижения истории представляет собой лишь «сухие» даты, факты и события. Данное суждение становится ошибочным, если говорить о грамотном и комплексном подходе к преподаванию истории, который включает в себя совокупность методов и способов преподнесения исторического материала в образовательном процессе. Очень важно не забывать про такие аспекты, как научность, доступность, последовательность изложения, наглядность изучаемого материала и его доказательность [2, 181].

Для повышения вовлеченности обучающейся молодёжи в образовательный процесс необходимо указать методологическую основу. К эмпирическим методам изучения патриотического воспитания на занятиях исторических дисциплин относят наблюдение, индивидуализм в отношении каждого обучающегося, анкетирование и опрос, а так же участие в научных конференциях и круглых столах, написании творческих заданий, эссе и рефератов, краеведческой деятельности и т.д.

В рамках образовательного процесса, любовь к Отчизне формируется в ходе правдивого представления о прошлом своего народа. Задача преподавателя заключается в том, чтобы с начала изучения «истории» как можно лучше заинтересовать подрастающее поколение не только как к научной дисциплине. Но и показать, что история окружает все то, в чем мы живем, она неразрывна с сегодняшним днем и существует не только на страницах учебников, но и в каждом доме, улице, городе, в нашей культуре, быте, языке.

Для патриотического воспитания на занятиях исторических дисциплин и истории предлагаются несколько форм и методов работы.

Во-первых, использование визуальных материалов, которые включают в себя рисунки, картинки, фотографии, презентации и карты. На последнее нуж-

но особенно обратить внимание, поскольку при изучении истории помимо теоретического материала большую роль в представлении об историческом пространстве играет грамотная работа с картами, формирующая картографические умения. Выделяют так же несколько способов, как это может осуществляться. Самые распространенные из них это прием «живой» карты. Благодаря дополнению к карте силуэтов и фигурок происходит ее «оживление». Другим способом является применение изобразительных пособий, дополняющих карту, а именно: макетов местности, учебных видеоматериалов, фотографий и т.д. Это позволяет расширять знание об историческом пространстве. Еще одним способом, который является одним из самых эффективных, является самостоятельная работа с контурными картами. Это средство практического обучения в ходе изучения исторических дисциплин, которое улучшает осмысление содержания исторической карты. Но нужно учитывать, что данный способ реализуется скорее при изучении истории Отечества, нежели вспомогательных исторических дисциплин [1].

В качестве главного положительного результата использования визуальных источников можно выделить развитие у обучающегося молодого поколения предметной компетентности. Поиск и подбор самого материала является творческим процессом.

Во-вторых, использование исторических материалов и документов, к которым относятся законы, договоры, указы, сказания, исторические повести и т.д. Работа с данными источниками в образовательном процессе очень важна тем, что формирует самостоятельное осмысление их содержания, учит рассуждать и применять теорию на практике. Кроме того, это требует критической проработки информации, навыков исследовательской работы и умения сравнительного анализа нескольких источников. Все это лишь усиливает воспитательную функцию путем глубокой вовлеченности студентов в изучение исторических дисциплин. И, кроме того, повышает патриотическую составляющую воспитания, поскольку позволяет каждому побывать в роли исследователя и понять лучше историю своего Отечества, выраженную в данном случае в подлинных материальных источниках, которые отражают дух времени [1].

В-третьих, использование киноматериалов. В этом случае, речь идет об задействовании на занятиях фрагментов учебных, а не художественных кинофильмов. Данный способ является одним из распространённых, наиболее приятен для изучения студентами, а так же легко воспринимается большинством из них и оказывает значительное патриотическое и воспитательное воздействие [1].

В-четвертых, в образовательном процессе активно используется написание научных работ, рефератов и эссе. Студентам предоставляется выбор какой-либо темы, ее изучение, изложенное в виде исследовательской работы и защиты. В дальнейшем существует возможность участия с готовыми работами на конференциях и различных конкурсах. Такая деятельность наиболее углублённо вовлекает обучающихся в процесс исследования исторических событий сво-

его государства, тем самым сближая их с судьбой своего государства и поднимая патриотический дух.

В-пятых, игровые и интерактивные формы работы. В их число входит проведение круглых столов, диспутов, проведение игровых занятий на различные темы: викторин, кроссвордов. Такие виды очень хорошо сближают обучающихся и повышают патриотизм, поскольку участие в таких мероприятиях требует знание не только учебной программы, но и дополнительных сведений, а это в свою очередь притягивает к углубленному самостоятельному осмыслению исторических дисциплин. Как правило, именно интерактивные формы познания пользуются большей популярностью в образовательном процессе, поскольку требуют личного участия каждого, что вызывает больше эмоций, вследствие чего помогает лучшему запоминанию информации [1].

Патриотическое воспитание реализуется через формирование правильного отношения к истории своего государства. С помощью вышеизложенных способов и форм преподавания исторических дисциплин повышается уровень патриотизма у студентов. Это связано с тем, что углубленное знание, молодым поколением, своей истории, позволяет почувствовать причастность к прошлому и судьбе Родины, лучшим образом понять свой народ, его героические поступки, мотивы, их культуру, бытность и т.д. Этот анализ позволяет сопоставить исторические факты современной действительности и лучше понять процессы, происходящие в наше время. Именно исторические дисциплины лучше воспитывают у подрастающего поколения чувство любви к своей Отчизне, поскольку преподносят им правдивые сведения об историческом прошлом, как с положительными, так и с отрицательными моментами [3, 206]. Кроме того, предоставляют исторические сведения для самостоятельного анализа, а не пропагандируют «готовые» результаты определенной идеологии, что дает возможность выражения своего собственного мнения на определенные исторические события. На сегодняшний день грамотный подход в преподавании исторических дисциплин для патриотического воспитания молодого поколения крайне важен, поскольку в мире обострилась фальсификация истории и кому, если не гражданам России бороться за правду и уважительно относиться к прошлому своего государства.

Список литературы

1. Крайнов, Г.Н. Формы и методы патриотического воспитания студентов на занятиях по истории / Г.Н. Крайнов // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://science-education.ru/ru/article/view?id=28876 (дата обращения: 02.01.2021).

2. Патриотическое воспитание в системе высшего образования: материалы II Всерос. научн.-практич. конф. с международным участием / Отв. ред. З.З. Мухина. – М.: НИТУ «МИСиС», 2018. – 288 с.

3. Криворученко, В.К. История – фундамент патриотизма: монография / В.К. Криворученко. – М.: НОУ ВПО «Институт непрерывного образования», 2012. – 271 с.
4. Магарил, С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации / С.А. Магарил // Социологические исследования. – 2016. – № 6. – С. 143-144.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ «ПОЛИТИКА» И «ПРАВО»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Хамидуллин Н.Р., канд. полит. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Демократические преобразования в современной России происходят в непростой социально-политической обстановке. В условиях новой экономической ситуации становятся ощутимыми периоды роста, а также спада основных показателей уровня благосостояния и качества жизни граждан. Органы государственной власти предпринимают необходимые меры для минимизации рисков в социальной сфере. Многое зависит от осознания гражданами реализуемой политики органами власти и соответствия принимаемых политических решений действующим правовым нормам, законам российского общества.

В сложившейся ситуации заметно повысилась роль научных исследований, позволяющих системно на основе социологического знания проанализировать социальные феномены – «Политика» и «Право». Социологическое осмысление способствует продуктивному пониманию социально-политических процессов, характеризующих функционально-динамические аспекты современного государства.

В отечественной литературе сложилось представление о том, что понятия «Политика» и «Право», с одной стороны, находятся во взаимном влиянии и непрерывном взаимодействии, а с другой – они обладают существенными отличиями, что порождает различного рода противоречия между политикой и правом. Сообразно с этим нет единого подхода в толковании указанных дефиниций [8, с. 35].

Политика – особая сфера жизнедеятельности людей. Она пронизывает все сферы жизни общества и определяет возможности существования, реализации интересов и потребностей, как отдельного индивида, социальной группы, так и общества в целом. В трудах ученых представлены разнообразные трактовки понятия «политика». Вот лишь некоторые из них: «Политика – это искусство жить вместе» (Платон); «Политика означает стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти» (М. Вебер); «Политика – властное распределение ценностей внутри общества» (Д. Истон); «Политика есть область отношений между классами общества, их отношения к государству как к орудию господствующего класса, концентрированное выражение экономики» (В. И. Ленин); «Политика в высшем смысле есть жизнь, а жизнь есть политика» (О. Шпенглер); «Политика – руководство общественными делами во имя личной выгоды» (А. Бирс) [7, с. 76].

Такое многообразие различных трактовок сущности политики объясняется сложностью и многообразием её свойств. Следует отметить, что понятие

«политика» впервые ввёл в научный оборот великий древнегреческий философ Аристотель [1, с. 37].

По нашему мнению политика определяет отношения людей в современном обществе с целью установления, сохранения и перераспределения власти, реализации интересов (социальных, экономических, духовных, национальных, религиозных и др.). Она неразрывно связана с интересами и деятельностью государства. Только государство способно взять на себя обязательства и проводить национальную политику в интересах населения страны, большинства социальных групп и отдельных индивидов.

Право – понятие юриспруденции, один из видов регуляторов общественных отношений; система общеобязательных, формально-определённых, принимаемых в установленном порядке гарантированных государством правил поведения, которые регулируют общественные отношения [5].

Государственная политика находит своё отражение в нормативно-правовых актах, которые по своей сути являются государственными регуляторами складывающихся общественных отношений в процессе реализации политической власти.

Государство на основе норм права реализует свою внутреннюю и внешнюю политику, демонстрирует исполнение принятых политических решений на всех уровнях органов власти.

Не случайно политическим содержанием отличаются многие нормативно-правовые акты и законы. Следовательно, политика и право представляют собой необходимый атрибут общества, характеризующийся общими истоками формирования и предназначения на том или ином историческим этапе развития общества. Общим, прежде всего, является социальная потребность в самоорганизации, самоуправлении и саморегулировании системы общественных отношений. Определяя деятельность государственной власти, они способствуют становлению и развитию государственно-правовой структуры общества. Например, политико-правовые идеи Ярослава Мудрого, изложенные в своде законов и вошедшие в историю как «Русская правда» [9]. Свод законов способствовал расцвету и укреплению суверенитета государства. Отечественные исследователи полагают, что его политика являлась продолжением широкой социальной модернизации, начало которой ещё было заложено князем Владимиром Святым [2, с. 119]. Кроме того, политико-правовые идеи прошлого широко представлены в знаменитом произведении «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. Он утверждал, что власть должна быть суверенна на всей территории и служить интересам подданных, а само правосудие должно совершаться только по закону [4, с. 15, 122-130, 147-161].

В трудах зарубежных ученых понятия «Политика» и «Право» рассматриваются достаточно многогранно. Интересная точка зрения представлена в теории английского философа Джона Локка. В его понимании политика – это специализированная деятельность государства по охране фундаментальных прав человека от рождения, т.е. каждый человек должен обладать естественными, неотъемлемыми правами на жизнь, свободу, безопасность и собственность.

Неоценимое значение для теории права и государства имеют труды родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта. Он утверждал, что политика должна соответствовать идее права и морали [3, с. 543-574].

Следует отметить, что политико-правовые идеи прошлого являются глубоко позитивными и исторически значимыми для современной России. Государство вводит систему права в ранг всеобщей и общеобязательной для всех граждан общества, делает её публичной и вводит меры государственного воздействия за её нарушение, но главенствующим является то, что само государство поддерживается и обеспечивается правом в соответствии с Конституций России. Например, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ определяется, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [6, с. 3].

Система государственного права обеспечивает юридическую легитимизацию проводимой политики органами власти всех уровней, коммерческих и некоммерческих структур власти, политических партий, различных объединений и организаций граждан. Вследствие этого система права способствует достижению определенных политических целей. Например, в ходе проведения избирательных кампаний.

Зададимся вопросом: возможно ли рассмотрение понятий «Политика» и «Право», как взаимоисключающих атрибутов в системе общественных отношений? Например, политика не придерживается общепринятых правовых норм в обществе, как результат она формируется как несовместимая с нормами права. В данном случае, это недемократическое общество или государство подвержено факторам политической нестабильности, т.е. митинги, демонстрации, протесты, забастовки и др. В данном случае можно вести речь о деятельности антигосударственных структур (нелегальных партий, экстремистских и террористических организаций и т.п.).

Таким образом, понятия «Политика» и «Право» взаимосвязанные и взаимообусловленные явления. Природа зарождения и развития понятий «Политика» и «Право» имеют общие основания.

Общим, прежде всего, является социальная потребность в самоорганизации, самоуправлении и саморегулировании системы общественных отношений. Определяя деятельность государственной власти, они способствуют становлению и развитию государственно-правовой структуры общества.

Общие основания понятий «Политика» и «Право» предполагают существенные отличия. К ним можно отнести то, что политика всегда динамична и подвержена качественным изменениям в системе общественных отношений. В свою очередь нормы права, как правило, определенны и характеризуются устойчивыми критериями в их оценке. Система государственного права обеспечивает юридическую легитимизацию проводимой политики органами власти всех уровней, тем самым право способствует достижению определенных политических целей.

Список литературы

1. Аристотель. Политика. Собрание сочинений: в 4 т. / Аристотель. – Москва: Мысль, 1983. – Т. 4. – 832 с.

2. Ассонов, Н. В. Владимир Святой и Ярослав Мудрый: выбор цивилизационного пути / Н. В. Ассонов // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование: политология, экономика, право. – 2015. – № 2. – С. 119-126. – ISSN: 2073-0470.

3. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – Москва: Мысль, 1966. – Т. 6. – 743 с.

4. Платонов, О. А. Митрополит Илларион. Слово о Законе и Благодати / О. А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2011. – 176 с. – ISBN 978-5-902725-86-2.

5. Право [Электронный ресурс] / Свободная энциклопедия. – Режим доступа:– URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE (дата обращения: 20.12.2020).

6. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 2020. – 4 июля.

7. Хамидуллин, Н. Р. Основания политики в западном мире: историко-философский анализ / Н. Р. Хамидуллин // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017. – № 4. – С. 76-78. – ISSN 2077-7175.

8. Юрковский, А. В. Право и политика / А. В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. – 2007 – № 4 (39) – С. 35-39. – ISSN 2071-8136.

9. Ярослав Владимирович Мудрый [Электронный ресурс] / Свободная энциклопедия. – Режим доступа:– URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ярослав_Владимирович_Мудрый#cite_note-2 – (дата обращения 20.12.2020).

ОБЗОР ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С ИЗУЧЕНИЕМ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ БУЛЛИНГА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Щербинина О.А., канд. психол. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В образовательных учреждениях очень широко распространен буллинг. В психологической, педагогической, социологической литературе буллинг рассматривается как явление, которое приводит к неблагоприятным последствиям, как физическим, так и психическим, для всех его участников [1], [11], [15] и др. Причем в ряде исследований показано, что названные последствия обнаруживаются не только в актуальной ситуации, но также проявляются и в отдаленной перспективе [7].

Изучение буллинга ставит перед исследователями ряд вопросов, требующих решения. В их числе:

- определение содержания понятия буллинг;
- определение критериев, позволяющих дифференцировать буллинг от других видов агрессии;
- выявление оснований классификации разных видов буллинга;
- типизация участников буллинга, уточнение их характеристик, определение детерминант их включения в процесс травли в разных ролях, последствий для них буллинга;
- выявление сложностей, затрудняющих эффективную профилактику буллинга в образовательной среде учебных заведений;
- уточнение условий, при которых возможно использование подтвердившего свою эффективность в решении проблемы профилактики буллинга в образовательных учреждениях мирового опыта и др.

Изменение содержания понятия буллинг, его уточнение, конкретизацию рассмотрим на примере следующих определений.

Д.А. Ленй (2001): буллинг – «совокупность социальных, психологических и педагогических проблем, затрагивающих процесс длительного физического или психического насилия со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации» [13, с. 241].

И.С. Кон (2006): буллинг – «физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и подчинить его себе» [11, с. 15].

Н.А. Польская (2013): буллинг – «социальная стратегия, связанная с построением внутригрупповых отношений на основе принципа насилия/унижения» [16, с. 40].

М.В. Сафронова, Н.М. Моисеева (2015): буллинг – «конфликтная ситуация с деструктивным взаимодействием» [18, с. 114].

З.Б. Киндарова, Д.А. Шатаева (2018): буллинг – «девиантное поведение, проявляющееся в психологическом терроре, избиении, травле одного человека другим» [10, с. 146].

Как видим, объединяет эти определения указание на деструктивный характер взаимодействия участников буллинга, которое строится на основе насилия, унижения, проявляемых агрессорами, и сопровождается страхом, возникающим у жертв и других участников. Отличаются приведенные определения широтой явлений, в контексте которых используется понятие буллинг, конкретизацией его проявлений и рисков для участников.

Необходимость определения критериев школьного буллинга была обозначена еще Д. Ольвеусом и объяснялась тем, что это позволит более предметно и эффективно решать задачи профилактики буллинга или преодоления последствий уже имеющей место травли. Д. Ольвеус к критериям буллинга относил:

«- намерение агрессора причинить жертве эмоциональный вред;

- повторяющийся характер поведения;

- неравенство сил агрессора и жертвы (реальное или воображаемое)» [20].

Последующие работы уточняли названные критерии. Так А.Н Дахин к важнейшим признакам буллинга относит диспропорции его участников (физические или социальных статусов), благодаря чему возможно подчинение одного из них другим [6]. Е.Н. Ожиева, делая акцент на систематическом характере буллинга, также указывает на то, что единичные стычки учеников с одинаковыми физическими данными, не имеют отношения к буллингу [15].

Кроме общих признаков буллинга, есть варианты и их конкретизации. Например, Н.С. Алексеева в качестве критериев буллинга называет наличие в классе ученика/ов, которого не принимает ни один из его одноклассников, ученика/ов с обидными прозвищами, ученика/ов с признаками испуга, насилия, ученика/ов, которые боятся зайти в туалет или выйти из школы после уроков и др. [1].

Возможности классификации видов буллинга представлены довольно широко в соответствующей литературе. Это связано как с многообразием проявлений травли, так и с ее последствиями. Сначала остановимся на более общих классификациях и их основаниях. А.Н. Дахин различает буллинг:

- агрессивный и пассивный (по степени активности);

- компенсаторный и виктимный (по последствиям);

- ситуативный и постоянный (по временным рамкам);

- аудиторный, кибербуллинг, досуговый (по сфере распространения);

- буллинг, направленный на разные категории детей: новеньких, из семей социального риска и других (по адресной направленности) [6].

А.А. Бочавер и К.Д. Хломов – прямой и косвенный (по степени опосредованности), причем второй часто переходит в первый [4].

Р.Б. Иванченко как особый вид выделяет экономическое насилие, предполагающее, не только вымогательство агрессором у жертвы ее материальных благ, но и принуждение ее к соучастию в краже. Последнее усугубляет у жерт-

вы чувство вины и зачастую приводит к возникновению у нее эмоциональной зависимости от агрессора [9].

Кроме названных видов буллинга также различают вербальный (крики, обзывательства и т.п.), письменный (текстовые и другие сообщения), психологический (сплетни, угрозы и т.п.), сексуальный (как непосредственный сексуальный акт, так и унизительные высказывания или варианты поведения, связанные с подчеркиванием пола жертвы).

Анализ представлений исследователей об участниках буллинга показывает, что взгляды на их качественный состав изменялись. Наблюдается переход от выделения только жертв и обидчиков [5] к выделению еще и других категорий участников травли: последователей буллера, наблюдателей (среди которых различают активных сторонников буллера, пассивных сторонников буллера, безразличных) и защитников жертвы (среди которых различают активных и пассивных) [19].

Несмотря на уверенность ряда авторов в том, что при определенных жизненных ситуациях, (в числе которых незанятость детей, недоступность отдыха для некоторых из них, пропаганда неадекватных стереотипов поведения в СМИ), любой ребенок может занять любую из названных ролей в буллинге [2], [13], в литературе более подробно описаны факторы, позволяющие прогнозировать риски присвоения ребенком роли жертвы в буллинге.

Условно названные факторы можно разделить на внешние и внутренние. Внешние также включают проблемы государственного масштаба и проблемы ближайшего окружения ребенка. Первые систематизировал И.С. Нестеренко, отнеся к ним: недостаточную работу «по выявлению и анализу причин социальной, школьной и семейной дезадаптации детей; … отсутствие системы воспитательной работы в образовательных учреждениях; рост социального пессимизма в семье и снижение ее роли как фактора формирования базовой культуры, социальной ответственности детей и подростков …» [13, с. 192].

Ко вторым относят расовую принадлежность ребенка, его физические особенности, общее социальное неблагополучие семьи ребенка, его низкий статус в классе [2].

Внутренние риски присвоения ребенком роди жертвы в буллинге рассмотрим на примере данных Н.А. Польской. На предрасположенность ребенка к поведению жертвы могут влиять генетические факторы; такие его преморбидные особенности как осторожность, неуверенность; трудности, которые являются следствием уже имеющегося опыта буллинга: депрессия, реакция избегания, паника и другие [16].

Говоря о последствиях буллинга в образовательных учреждениях для всех его участников, укажем на искажение их ценностно-смысловой сферы: у агрессоров закрепится их разрушительное поведение; у жертв формируется ощущение беспомощности, ненужности, что может привести к суицидальным попыткам и завершенным суицидам; у наблюдателей, видящих безнаказанность обидчика, формируется позиция покрывательства, игнорирования другого в беде и т.п.

Проблемы, усложняющие решение задачи профилактики буллинга в образовательных учреждениях можно также можно объединить в несколько групп.

На уровне педагогического сообщества в целом и в пространстве конкретного образовательного учреждения выделим мифы, способствующие распространению буллинга. Д.А. Кутузова представила мифы, направленные на оправдание нападающих, на обвинение жертв и на пропаганду политики невмешательства ее свидетелей, в том числе и учителей: буллинг – необходимая ситуация взросления детей; его причина – особенности самой жертвы [12].

М.Ф. Сафронова расширяет этот список мифов, включая в него следующие представления:

- буллинг – это явление современности;
- буллинг – это проблема подростков;
- буллинг присутствует только в общеобразовательных школах;
- основная ответственность за предупреждение и прекращение буллинга лежит на родителях [17].

Помимо названых мифов решению проблемы профилактики буллинга в образовательных учреждениях способствуют и другие факторы, в числе которых, выявленные А.А. Бочавер:

- недостаток/отсутствие компетентности у сотрудников образовательного учреждения, реализующих тактику умалчивания в ситуации буллинга;
- отсутствие у педагогического коллектива образовательного учреждения показавших свою эффективность алгоритмов реагирования на буллинг;
- вторичная выгода педагога от ситуации буллинга [4].

На государственном уровне предупреждению школьного буллинга мешает отсутствие в нашей стране системного подхода к организации и реализации названной деятельности. Системный подход к профилактике буллинга в образовательных учреждения должен основываться на специальном законе о борьбе с буллингом; на организации служб, координирующий деятельность всех институтов социализации детей и реализующих соответствующее обучение всех субъектов образования и контроль за выполнением соответствующей деятельности.

Список литературы

1. Алексеева, Н.С. Насилие и психическое здоровье детей [Текст]: / Н.С. Алексеева // Семья в России. 2006. № 2. С. 73–80.

2. Бердышев, И.С. Медико-психологические последствия жестокого обращения в детской среде. Вопросы диагностики и профилактики: Практическое пособие для врачей и социальных работников. [Электронный ресурс]. / И.С. Бердышев, М.Г. Нечаева. – СПб., 2005. – Режим доступа: http://www.homekid.ru/bullying/index.html (дата обращения: 02.01.2021).

3. Болдырева, Т.А. Стиль межличностных отношений как детерминирующий фактор социально-психологической адаптации подростков с легкой степенью умственной отсталости и с нормативным развитием в условиях сов-

местного обучения в общеобразовательной школе [Текст]: / Т.А. Болдырева // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 33-57.

4. Бочавер, А.А. Травля в детском коллективе: установки и возможности учителей [Электронный ресурс] / А.А. Бочавер // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. – № 1. – URL:http://psyedu.ru/journal/2014/1/Bochaver.phtml (дата обращения: 02.01.2021).

5. Бутенко, В.Н. Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей «обидчиков» и «жертв» [Текст]: / В.Н. Бутенко, О.А. Сидоренко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 3 (33). С. 138-143.

6. Дахин, А.Н. Буллинг в школе и не только [Электронный ресурс]. / А.Н. Дахин // Сибирский педагогический журнал. 2015. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bulling-v-shkole-i-ne-tolko (дата обращения: 02.01.2021).

7. Демьянов, Ю.Г. Катмнестические данные об участниках буллинга [Текст]: / Ю.Г. Демьянов // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2012. Т. 7. № 2. С. 630-631.

8. Зубова, Л.В. К вопросу о взаимосвязи смысложизненных ориентаций и агрессивности подростков [Текст]: / Л.В. Зубова, А.А. Кириенко // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 2 (214). С. 70-76.

9. Иванченко Р.Б. Современные подходы к определению и классификации школьного насилия [Текст]: / Р.Б. Иванченко // Вестник ВИ МВД России. 2014. №3. С.128-132.

10. Киндарова, З.Б. Понятие буллинга как одна из форм девиантного поведения [Текст]: / З.Б. Киндарова, Д.А. Шатаева // Известия Чеченского государственного университета. 2018. № 1 (9). С. 145-148.

11. Кон, И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? [Текст]: / И.С. Кон // Семья и школа, 2006, № 11. с.15-18.

12. Кутузова, Д.А. Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать [Текст]: / Д.А. Кутузова // Журнал практического психолога. – 2007. – № 1. Серия: Психолого-педагогические науки. 2018. № 8. С. 123-129.

13. Лейн, Д.А. Школьная травля (буллинг) / Д.А. Лейн / Детская и подростковая психотерапия [Текст]: / Под ред. Дэвида Лейна и Эндрю Миллера. – СПб.: Питер, 2001. С. 240–274.

14. Нестеренко, И.С. Основные направления, формы и содержание деятельности школы по психолого-педагогическому сопровождению детей и подростков группы риска [Текст]: / И.С. Нестеренко // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 192-193.

15. Ожиева, Е.Н. Буллинг как разновидность насилия [Текст]: / Е.Н. Нестеренко. - Киев: Рута, 2008. 320 с.

16. Польская, Н.А. Взаимосвязь показателей школьного буллинга и самоповреждающего поведения в подростковом возрасте [Текст]: / Н.А. Польская // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 39-49.

17. Сафронова, М.В. Буллинг в образовательной среде – мифы и реальность [Текст]: / М.В. Сафронова // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 182-185.

18. Сафронова, М.В. Проблема профилактики буллинга в школьной среде [Текст]: / М.Ф. Сафронова, Н.М. Моисеева // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2015. Т. 24. № 2. С. 114-121.

19. Шерьязданова Х.Т. Социально-психологические аспекты работы психолога с буллингом в казахстанской школе [Текст]: / Х.Т. Шерьязданова, А.К. Байздрахманова // Высшее образование сегодня. 2015. № 12. С. 51-55.

20. Olweus D. Bullying in School: Some Facts, Some Myths, and Systematic Intervention. [Электронный ресурс] / D. Olweus // Athens. June 11, 2014. URL: https://www.ilga-europe.org/sites/default/files/Attachments/dan_olweus.pdf.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» КАК МЕТОД ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Ягудина О.В., канд. истор. наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Современный мир очень динамичен. Изменения общественной и социально-экономической действительности влекут за собой перемены в структуре рынка рабочей силы. Сегодняшним специалистам, чтобы оставаться востребованными, нужно обладать важным умением – самостоятельно приобретать новые знания. Следовательно, современная высшая школа должна направить свои усилия на формирование у студентов умения рационально организовывать свои внутренние и внешние ресурсы для принятия решений и достижения поставленной цели в той профессиональной сфере, где они будут строить свою карьеру. Университет должен научить студентов как использовать свои навыки и умения для выстраивания траектории самостоятельного обучения, помочь раскрыть ему свой творческий потенциал. Именно эти задачи призваны решить современные инновационные методики, которые сегодня набирают всю большую актуальность. В их рамках можно применять разные формы, методы подачи и усвоения учебного материала. Все это способствует формированию таких базовых компетенций у студентов, как:

- способность к решению проблем и задач, с которыми сталкивается специалист в ходе профессиональной деятельности;
- способность к самоорганизации и самообразованию, обучению на протяжении всей своей карьерного пути;
- способность к поиску и критичному осмыслению познавательных ресурсов, умение ориентироваться в информационном потоке;
- способность к осмыслению явлений общественной действительности с использованием исторических знаний;
- способность к установлению продуктивных социальных коммуникаций, выстраиванию общения с коллегами;
- способность к сотрудничеству, взаимопомощи и позитивному разрешению проблемы.

Особое место среди интерактивных форм обучения занимает методика «круглого стола». Она может быть удачно реализована в рамках семинарских занятий, либо как отдельное мероприятие, которое будет способствовать освоению учебного материала, но на более глубоком уровне. «Круглый стол» идеально подходит для дисциплин гуманитарного цикла. На занятиях по дисциплине «История» такая форма наиболее востребована, так как из-за неоднозначности некоторых явлений в исторической науке формируются разные подходы к их оценке. «Круглый стол» призван развивать интерес и стремление к познанию истории не только у специалистов, но и у студентов других направ-

лений подготовки. Важно отметить и то, что данная методика учит студентов самостоятельности, толерантности к чужому мнению, умению отстаивать свою точку зрения.

Основой «круглого стола» является коллективный способ взаимодействия. Студенты на таких занятиях будут учиться грамотно выстраивать систему аргументов и доказательств, формулировать собственные мысли, используя профессиональную терминологию, владеть устной речью и умением вести дискуссию, устанавливать причинно-следственные связи, анализируя исторические явления, поиску и отбору необходимого материала. Занятия по методике «круглого стола», по мнению А. М. Матюшкина, должны создать возможности для творческого подхода к решению профессиональных задач, мотивации к познавательной деятельности.[3] Продолжая свою мысль, известный педагог подчеркивает, что на этапе решения одной учебной проблемы происходит ее трансформация в новую проблемную ситуацию. И если решить ее старыми способами невозможно, то начинается поиск вне своего опыта, в различных источниках знаний.[5] Это значительно стимулирует эвристическую, созидательную деятельность.

На «круглом столе» представляются несколько противоречивых концепций по одному и тому же вопросу. Когда студенты начинают совместное обсуждение научной или учебной проблемы с разных точек зрения, то это позволяет им выработать оптимальное решение задачи и обеспечивает активное участие каждого студента на занятии. Таким образом, теория, полученная на лекционных или практических занятиях, проходит проверку на практике в ходе исследовательской (поисковой) работы. Мероприятие всегда проводится по одной определенной теме, не рекомендуется выводить на обсуждение проблемы по нескольким темам, если только они не взаимосвязаны между собой.

Целесообразнее использовать методику на обобщающих занятиях, но допустимо и перед изучением новой темы, как это было предложено в свое время известными педагогами И. Я. Лернером и Н. Г. Дайри. В своих работах они выделяют такие эффективные средства подготовки обучающихся к изучению новой темы, как познавательная задача и логическое задание. Все это можно реализовать и в рамках «круглого стола». И. Я. Лернер, определяя познавательную задачу, считает, что обязательным должен быть или поиск новых знаний уже известными для студентов способами, или нахождение новых способов решения познавательной задачи. Н. Г. Дайри, говоря о сути логического задания, подчеркивает, что оно может представлять только одну сторону исторического явления, поэтому ее решение может носить противоречивый характер.[1]

Составными частями занятия в формате «круглого стола» являются проблемный вопрос, представление разных точек зрений на поставленный вопрос, определение решения по обсуждаемой теме.[2]

Темы, которые выносятся для обсуждения на «круглом столе», входят в число узловых тем в структуре курса «История». Уровень усвоения терминов, основных понятий, исторических явлений данных тем тесно связан с качеством подготовки специалиста. Поставленная «проблема» должна обладать следую-

щими характеристиками: недостаточность исходных данных, отсутствие готовых ответов, стимулирование студентов к выстраиванию самостоятельных мыслительных стратегий.

Столы на таких занятиях располагаются в форме круга или полукруга, что позволяет участникам чувствовать себя равноправными. Отсюда и название данного метода – «круглый стол».

Первый тип, который мы рассмотрим – учебный семинар, который подразделяется на междисциплинарный и проблемный семинар.

Если говорить об междисциплинарных «круглых столах», то здесь спорные вопросы рассматриваются с позиций нескольких смежных наук – истории, политологии, экономики, философии, правоведения, культурологии. Интересно проведение таких семинаров между студентами разных направлений подготовки, что значительно расширяет их кругозор, учит их устанавливать межпредметные связи, оценивать проблемную ситуацию комплексно.

Проблемный семинар – занятие несколько иного формата. Преподаватель либо дает готовую формулировку проблемы, либо перед участниками ставится задача сформулировать проблему по определенной теме самостоятельно. Коллективное обсуждение вопроса дает возможность преподавателю провести диагностику остаточных знаний студентов-специалистов в данном разделе курса.

Ко второму типу относят учебные дискуссии. Основой для их проведения могут стать материалы лекций, практических занятий, материалы публикаций в печати. Такой способ закрепляет уже полученные знания и дает возможность увидеть проблему с другой стороны.

Третий тип – учебные встречи за «круглым столом», «пресс-конференции», куда могут быть приглашены деятели разных отраслей науки или общественных сфер. На предварительном этапе организации встречи преподаватель предлагает студентам сформулировать проблему и составить вопросы для их обсуждения, которые передаются приглашенному специалисту «круглого стола» для подготовки к выступлению и ответам. Ведущему мероприятия необходимо поддерживать атмосферу свободного обсуждения, чтобы настроить участников дискуссии на обмен мнениями.

Во всех представленных выше формах студенты получают практику формулирования и аргументации своей точки зрения, формирование убеждений и взглядов.

В целом, организация «круглого стола» включает в себя несколько этапов:

- подготовительный этап, который предполагает определение темы, выдвижение или представление уже существующих концепций по вопросу, составление списка участников и списка рекомендуемой литературы, консультирование преподавателем участников «круглого стола»;

- основной этап, который состоит из выступлений докладчиков, представления материала, презентаций по обсуждаемой теме, непосредственно самой дискуссии;

- заключительный этап, на котором подводятся преподавателем и самими участниками итоги и вырабатываются основные положения дискуссии.

При подведении итогов необходимо учитывать активность всех участников «круглого стола», оценить аргументированность высказанной позиции, обоснованность и качество приводимых фактов.

На занятиях по дисциплине «История» можно вынести на обсуждение следующие вопросы:

- «Споры о русской цивилизации. Россия – это Европа или Восток?»
- «Альтернативные модели развития феодальной Руси: Юго-Западная, Северо-Западная и Северо-Восточная»
- «Выбор князя Александра Невского. Русь, Запад и Восток»
- « XVII век – период борьба традиционализма и модернизации»
- «Роль Смутного времени в истории России. Общественно-политические альтернативы начала XVII века»
- «Кто же Петр I? «Варвар» или «цивилизатор»?
- «Просвещение» или «просвещенный абсолютизм»?
- «Время правление Павла I – продолжение дел Екатерины II или отход от них»;[4]
- «Противоречивость реформ Александра II»;
- «Россия в годы революций и Гражданской войны. Альтернативные пути дальнейшего развития»;
- «Правление Л. И. Брежнева: кризис советского системы или «золотой век» в истории СССР»;
- «Возможно, ли было избежать распада СССР в 1991 году».

Помимо большого числа достоинств такого формата занятий, необходимо учитывать и его недостатки.

Во-первых, длительность подготовки. Этот фактор особо актуален, учитывая небольшое количество часов, выделяемых на изучение дисциплины «История» в структуре всей образовательной программы. Обязательным является наличие сценария мероприятия, к составлению которого можно привлечь и самих студентов.

Во-вторых, непредсказуемость хода дискуссии и ее итогов. Можно заранее предположить варианты итогов обсуждения проблемы, но нельзя ограничивать дискуссию рамками. Обсуждение должно быть свободным. Поэтому руководитель данного проекта должен быть готов к тому, что дискуссия может иметь непредвиденные отклонения, которые обусловлены индивидуальными особенностями участников «стола». Когда студент решает учебную или научную проблему, он выстраивает собственную логическую схему.[5] Учитывая данные обстоятельства, задачей преподавателя является создание благоприятных условий для эффективной дискуссии, которая не будет выходить за границы установленной темы, соблюдение установленного регламента «круглого стола», поддержание диалога с помощью заранее составленных вопросов.

В-третьих, уровень подготовки участников должен быть высоким, так как формат «круглого стола» подразумевает свободное владение учебным материалом не только по обсуждаемой теме.

В-четвертых, сложность в оценивании вклада участников в обсуждение проблемы. Нельзя снижать баллы за точку зрения, которая отличается от традиционной. Но на оценку могут повлиять серьезные фактические ошибки, допущенные студентами в своих выступлениях.

Перечисленные выше недостатки не перекрывают достоинства данного метода, особенно в условиях университета. Его популярность связана с высокой степенью эффективности и положительными результатами для усвоения программного материала. Таким образом, студенты вовлекаются в активную учебно-познавательную деятельность, а полученные знания становятся частью мировоззренческих представлений будущих профессионалов.

Список литературы

1. Борзова, Л. П. Игры на уроке истории [Текст] : метод. пособие для учителя / Л. П. Борзова. – М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 160 с.

2. Вяземский, Е. Е. Теория и методика преподавания истории [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 384 с.

3. Горбатова, М. К. Методики преподавания в высшей школе : учебное пособие / Горбатова М. К., Назипова М. А. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2012. – 52 с. – Режим доступа : http://www.unn.ru/pages/e-library/methodmaterial/files/5_gorbatova_nazipova_2012_migr.pdf.

4. Захарова, Е. Н. Методические рекомендации к изучению истории в 10 классе / Е. Н. Захарова. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 160 с.

5. Махмутов, М. И. Избранные труды : В 7 т. / М. И. Махмутов. – Казань : Магариф – Вакыт, 2016. – Т. 1 : Проблемное обучение : Основные вопросы теории / Сост. Д. М. Шакирова. – 423 с. – Режим доступа : http://vmb.selet.biz/wp-content/uploads/public/makhmutov_izbr_tom1.pdf.

РОЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Якупова Н. А., Якупов Г. С.
Оренбургский государственный художественный колледж
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Художник, который иллюстрирует произведение, должен попытаться передать свою образную систему. Художественная картина − это особая форма отражения действительности и выражения отношения художника к раскрытию общего через конкретное и реализации его в творческом процессе. Перевод литературного изображения в визуальный − это всегда неоднозначный процесс, можно что-то потерять, а можно и приобрести. Современный подход к иллюстрации произведения не может быть сведен к слепой истории, он должен выражать отношение художника к чтению, его индивидуальный творческий метод. Тем не менее, подход к некоторым произведениям должен быть другим и может не следовать стилю, выбранному художником в какой-либо период своей творческой деятельности. Ибо, стиль − это только средство для достижения цели, и чем шире диапазон стилей, тем лучше. Молодому художнику, который собирается стать иллюстратором, лучше не стоит сосредотачиваться на поиске своего "стиля". Художник должен быть разносторонним.

Говоря о роли художника в оформлении книги, необходимо ответить не только сюжетом, но и стилем литературного произведения. Для современного иллюстратора проблема отражения сюжета не может быть сведена только к составлению графического ряда, показывающего внешний ход событий − художник должен раскрыть закон взаимосвязи между явлениями в романе, романе, поэме и сформировать свой подход к книге на этой основе. Следует помнить, что литературное произведение изображено как целая книга − шрифтом, макетом и иллюстрацией.

Раскрывая взаимосвязь пластических изображений с литературной основой, мы ориентируемся на важный закон композиции − закон единства формы и содержания.

Литература − это искусство мировоззрения. Эта сторона передана и иллюстрации. Если мы не сможем учесть момент видения мира в самой композиции, то все наши разговоры о единице формы и содержания будут просто бессодержательными рассуждениями. Многие теоретики искусства рассуждают о линии, отличающей реализм от натурализма, в том, что натурализм буквально копирует форму, а реализм выражает некоторые идеи, используя форму. Авторы в этом вопросе мысля гораздо глубже: в данном случае речь идет о различие не только аспекте содержания, но и художественных средствах. Он делит натурализм на органический и неорганический. Первый «чувствует» и передает природу и материал чувственно. Его предмет − свет, воздух, окружающая среда, масса, мгновенные, быстро меняющиеся состояния человека и природы (в

некоторой степени это верно для импрессионистической картины). Такой натурализм имеет мироощущение, но не мировоззрение. Другое дело − неорганический натурализм или иллюзионизм. Все мы помним сочинения социалистического реализма, задача которых сводилась к иллюстрации моральной идеи, сохраняя при этом внешнее доверие к образу. Можно выделить третий тип «низшего» натурализма − буквальное подражание, не всегда профессиональное от природы, зарисовывающее внешний вид предметов с бесконечной идеей. Современное искусство полно такого рода натурализма, таковы многочисленные заказные «элегантные» фотоизображения и портреты.

Реализм как высшее искусство не только выражает содержание с помощью материала, но и организует материал с содержанием. Здесь сама форма должна быть информативной. Не будет здесь ничего случайного, это просто строгий художественный отбор. Такой реализм не подразумевает иллюзии иллюстрации, так что у художника есть свобода выбора способов выразить свое понимание литературного произведения, но также налагает на него ответственность, правдивость и не лицемерие в морали этого требует и эстетическая оценка реальности. Под иллюзорным мы понимаем, конечно, не сильный и четкий рисунок, а стремление уничтожить сам художественный материал, растворить его в попытке заменить предмет изображением. В реализме мировоззрение и мировоззрение объединены [1]. Кроме того, реалистичное изображение должно передавать информацию не только визуально, но и получаться от всех других органов чувств, то есть они отражают объект во всем его восприятии. Высокохудожественная иллюстрация не должна быть натуралистической, но реалистичной в сложном смысле слова.

Реализм иллюстрации состоит из реализма мировоззрения, а также целостности и органичности его художественного выражения. Тогда иллюстрация не становится дополнительным приложением к литературному произведению, а углубляет и расширяет его художественное звучание и оказывает эстетическое воздействие на зрителя. Обратившись к закону контрастов мы увидим, что помимо чисто графических контрастов (светлый - темный, теплый - холодный и т. д.) существуют и семантические. Простые литературные контрасты персонажей (добрые и злые, трусливые и смелые, ленивые и трудолюбивые, жадные и щедрые), которые так часто встречаются в детских книгах или более сложных, типичных для произведений подростков и взрослых, должны быть отражены на иллюстрации.

Используя все доступные средства: выражения лица, пластику, освещение, эмоциональное напряжение тона, цвета и фактуры - художник выражает свое и писательское отношение к событию. Семантические контрасты возможны не только в анимационных персонажах − людях и животных, но и в предметах, пейзажах, интерьерах. Темный пейзаж и счастливый пейзаж, не для того, чтобы перечислить все богатство контрастов, которые есть в арсенале писателя и художника. Они напрямую связаны с балансом относительно осей композиции и распределением центра композиции.

Писатель описывает тот или иной персонаж словами. Художник использует визуальные средства которые имеет в своем распоряжении.

1. Без пластической анатомии художник просто беспомощен. Зная законы строения человеческого тела и лица, вы можете охарактеризовать персонажа, используя выражения лица и язык жестов. Поэтому необходимо постоянно совершенствовать свои знания по анатомии, делать анатомические зарисовки, мудро наблюдать за внешними проявлениями эмоций. Также должен быть изучен модели для размещения складок одежды на теле человека. Конечно, стоит представить анатомию некоторых животных - частые персонажи в детских книгах: собаки, лошади, кошки, птицы и т. д. Но в детской литературе животные обычно наделены человеческими чертами, и художник должен умело сочетать антропоморфизм с чертами животных.

2. Перспектива играет важную роль в создании художественного образа иллюстрации. Вот несколько примеров. Низкий горизонт подчеркивает важность изображаемых событий, монументальность изображения фигуры. Высокий горизонт, в свою очередь, подчеркивает ничтожество или беззащитность человека перед лицом судьбы. Линия горизонта в средней трети картины, как будто она указывает на то, что персонаж находится в том же жизненном пространстве, что и мы, что мы можем оценить его как человека со стороны, рассматривает, как мы будем действовать на его месте.

3. Взаимодействие персонажа с окружающей средой является очень важным аспектом художественной иллюстрации. Представленное лицо характеризуется не только своей внешностью, но и его окружением - интерьером, натюрмортом, иногда пейзажем. Наши привычки, особенности, достоинства и недостатки, возраст, профессия, социальный класс и национальность − все вокруг нас говорит о многом. Наиболее значимым аспектом для художника является способность представлять жизнь человека, живущего в том или ином пространстве, что достигается высокой степенью выразительности, воплощения художественного единства между пространством и судьбой, чувствами и мыслями его обитателя. Прекрасным примером раскрытия литературного образа через окружающую среду является иллюстрации Е. Т. Мигунова к произведению итальянского писателя Джанни Родари "Чипполино". Его персонажи изображения нашли прекрасное художественное отражение в иллюстрации.

4. Графические средства изображения, используемые на иллюстрации - линия, линия, точка, текстура поверхности, тональное решение, цветовая схема, световые эффекты - все это вместе должно характеризовать изображение персонажа или события. Здесь нам на помощь придут некоторые сравнения, основанные на законах человеческого восприятия, например:

- контраст белого и черного − демонстрирует читателю противоречивую личность;
- острые прямые, пересекающиеся под углом − задиристый характер персонажа;
- тонкая и сглаженная форма тона − есть намек на мягкость характера персонажа;

● контрастное освещение придает событию некий драматизм.

Только несколько способов создать фигуративную особенность названы. Здесь нет готовых решений: художник использует те или иные средства наилучшим образом, опираясь на свой талант, опыт и интуицию. При выборе тем для иллюстраций следует руководствоваться в первую очередь текстом (смысловые акценты в некоторых сценах или персонажах), а во-вторых, возможными возможной графическая выразительность различной тематики. Необходимо, чтобы темы для иллюстраций наиболее полно характеризовали работы. Графическое выражение различных предметов реализуется таким образом, чтобы, чтобы мотивы иллюстраций характеризовали работу как можно лучше. Например, если они иллюстрируют сказку, они выбирают волшебные сюжеты, оставляя за кадром повседневные сцены, которые также присутствуют в повествовании. Если иллюстрируется приключенческий роман, то приключенческие сцены следует отдавать предпочтению пейзажам или портретам персонажей. Если художник выберет темы, не характерные для произведения, гармония между текстом и изображениями будет нарушена.

Говоря об иллюстрировании целого цикла произведений, объединенных общей идеей или персонажами стоит упомянуть об том, что на иллюстрации читатель должен видеть развитие сюжета, его динамику. Высшей точкой является композиционный центр, который передает настоящее. Время в литературном произведении может иметь как прямой ход, так и обратный. Иллюстративная серия, повторяющая этапы работы, следует своему времени: здесь, в отличие от реалистичного изображения, возможны движения во всех направлениях − от будущего к настоящему и от настоящего к прошлому [2].

Ритм литературного произведения не обязательно является равномерным: например, роман посвящен нескольким дням, а рассказ повествует о жизни нескольких поколений. В первом случае, как правило, писатель ориентируется на психологическую сторону жизни, во втором - на внешние действия. Это следует учитывать художнику при выборе сюжетов и специфики иллюстраций. Возможно, первый тип публикаций должен отдавать предпочтение портретным изображениям, второй − многофигурным композициям. Иногда ритм работы меняется, ставя перед художником новые задачи. Вопрос о количестве иллюстраций также важен: их восприятие зависит от размера и характера интервалов между ними. Иллюстрации предназначены помочь приостановить, подчеркнуть, замедлить и ускорить ритм, чтобы рассказать сюжет книги.

Художник книги должен соотноситься с ритмом текста. Здесь важную роль играют не только сюжеты иллюстраций, но и их формат. Полосные иллюстрации побуждают читателя задуматься, возможно, перечитать соответствующий текст. Небольшие по размеру иллюстрации, не мешают ходу читателю думать по ходу повествования и наблюдать за бурным развитием сюжета. Поэтому полосные иллюстрации лучше подходят, во-первых, для кульминации текста, а во-вторых, для серьезных книг, которые требуют осторожного и вдумчивого отношения.

Для публикаций более легкого жанра, очень коротких рассказов или коротких рассказов, книг сатирического жанра, а также для изображения не очень значительных сцен или отдельных не слишком значимых персонажей лучше всего подходят для иллюстраций в полоску и бахрому. Масштаб иллюстрации и ее отношение к тексту и другим иллюстрациям указывают на степень её важности. Иногда автор буквально говорит художнику, какой сюжет выбрать. Но литературное произведение не обязательно присутствует в иллюстрациях напрямую - в форме сюжета, воспроизведенного почти точно. Иллюстратор может следовать по пути ассоциации, и текст будет для него ассоциативным источником.

Ассоциация − это связь между индивидуальными представлениями, образами, идеями, чаще всего на подсознательном уровне. Это связано с личным чувственным опытом человека, а иногда и "генетическая память". Ассоциативное общение может создать символ, который можно интерпретировать поразному, в отличие от аллегории, которая всегда имеет Да, это однозначно (аллегория − это сознательное выражение абстрактных понятий через определенные символы, которые утвердились в традиции).

Художник не может обойтись без ассоциаций, иллюстрируя текст сказки, легенды, легенды, фантастической литературы − иными словами, произведения, выходящие за рамки обыденного. Ассоциация всегда присутствует в том, как художники знакомы с созданием художественного образа непосредственно из визуального материала - случайных пятен, линий, точек, полос краски и т. д. Действительно, часто это картина, в которой абсолютно все продумано заранее и намеренно получается очень скучно и выглядит как изделие хорошего качества. Язык литературы и книжной графики отличается. Произведение искусства не копирует концепцию − оно раскрывает неизвестные ранее аспекты вещей. Выражение субъекта литературного произведения может быть осознанным (через сюжет иллюстраций) и подсознательным (через фактуру, переплет, шрифт, структуру и даже качество бумаги). Все это составляет образ книги, одним из важных элементов которой является иллюстрация.

Список литературы

1. Л. С. Выготский. Мышление и речь. Изд. 5, испр. - Издательство "Лабиринт", М., 1999.

2. Альфонсов В.А. Слова и краски: Очерки по истории творческих связей поэтов и художников. [Текст]. - Москва. - 1966.- С.327